М. Евтушенко

Воспитание православного государя в Доме Романовых

Николай Стариков

РЕКОМЕНДУЕТ ПРОЧИТАТЬ

ПИТЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспитание государя – что может быть важнее?

От волевых и моральных качеств того, кто встанет во главе государства, зависит судьба народа и державы. А значит, воспитание наследников престола всегда было важнейшей задачей для страны.

Из книги «Воспитание православного государя в Доме Романовых» вы узнаете:

• Как воспитывали православных государей в Российской империи?

• На чем основывалась уникальная система их воспитания?

• Кто учил наших царей?

• Какие последствия имели просчеты и ошибки в их образовании, и к чему это приводило?

Имен учителей наших государей мы практически не знаем. А ведь англофилия учителя Александра I во многом объясняет будущие антинаполеоновские войны, когда наша страна била Бонапарта и гоняла его по Европе… на радость нашим британским «партнерам». И пока русские солдаты совершали свои подвиги, англичане прибрали к рукам всю морскую торговлю, захватили почти всю Индию и другие стратегически важные заморские колонии Франции.

Образование и воспитание главы государства – это не только педагогика и богословие, это также геополитика и экономика.

Книга, написанная научным сотрудником Государственного Эрмитажа Мариной Маевной Евтушенко, покажет нам политику прошлого с неожиданной стороны.

А как вы воспитываете своих детей?

- Марина Маевна Евтушенко
  -
  - Предисловие Николая Старикова
  - Введение
  - Часть первая
    - Глава 1. Учение о власти христианского монарха
    - Глава 2. От боярской Московской Руси до Российской империи
    - Глава 3. Первые законоучители при Российском императорском дворе
    - Глава 4. «Московский Златоуст» Платон Левшин
    - Глава 5. Коронация императора Павла I
    - Глава 6. Христианская модель во внутренней и

внешней политике Павла I
- Часть вторая
  - Глава 7. «Английский компонент» в религиозном воспитании Александра I
  - Глава 8. Ученый богослов Г. П. Павский
  - Глава 9. Протопресвитер В. Б. Бажанов: «Обязанности государя и христианина»
  - Глава 10. «Нравственное богословие» И. Л. Янышева
  - Глава 11. Православное воспитание немецких принцесс
  - Глава 12. Обучение православию великих князей и княжон
- Заключение
- Список использованной литературы

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72

- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116

- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160

- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204

- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248

- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292

- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336

- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380

- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424

- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468

- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512

- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556

- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580

Марина Маевна Евтушенко Воспитание православного государя в Доме Романовых. С предисловием Николая Старикова

© ООО Издательство «Питер», 2015
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2015

Предисловие Николая Старикова

Роль личности в истории не отрицает никто из тех, кто серьезно изучает исторические процессы. Судьба страны, судьбы миллионов зависят от сравнительно небольшого круга лиц. И это правило никак не меняется в зависимости от социального строя. При монархии главные проблемы государь обсуждает со своим окружением, при республиканском способе правления вопросы войны и мира также не выносятся на всенародное голосование. Таким образом, от компетентности политической элиты при любой государственной системе зависит судьба страны.

Ну а чем, как не воспитанием, закладываются основы мировоззрения и понимания мировой политики у будущих руководителей державы? Значит, воспитание является важнейшей составляющей будущего успеха народа и цивилизации. Книга, которую вы держите в руках, рассказывает о мало известных современному читателю аспектах воспитания русских царей и цариц. Уникальность Русской цивилизации, сохранившей в неизменности исконное православие, обусловила уникальность системы воспитания наших монархов, корни которой уходят в Византийскую империю.

В России власть всегда носила сакральный характер. Так было и при империи, и во времена Советского Союза. Это свойственно ей и сегодня. Как бы ни назывался глава государства, в нем всегда видят отца нации, «царя-батюшку» и требуют от него сверхчеловеческих умений и знаний. Не менее высоко поднята планка и в сфере морали и нравственности. Глава Русской цивилизации обязан являть собой образец нравственности, образец служения Отечеству. Духовное воспитание, безусловно, не было единственным ориентиром при формировании личности русского царя. Но народ России всегда хотел и хочет сегодня видеть «царя-батюшку» именно таким: свободным от страстей, тщеславия и сребролюбия. Национальный лидер России должен научиться усмирять свой гнев и желание удовольствий, быть воздержанным, добрым и справедливым. Поэтому попытки разрушения нашего государства в прошлом всегда начинались с очернения его руководителей. Точно такое же стремление посеять смуту в обществе мы наблюдаем и сегодня.

Задача воспитания образцового государя, справедливого, умного, ставящего интересы державы превыше всего, никогда не была простой. Основой такого развития неизменно являлось православное воспитание наследников престола, их жен и невест, а также великих князей. Современному российскому читателю

будет интересно познакомиться с особенностями и результатами этого воспитания, а также с духовными пастырями наших царей. Рискну предположить, что даже тем читателям, которые отлично знают историю России, не слишком хорошо известна эта сторона исторической реальности. А ведь наши цари, воспитанные на ценностях православной веры, вели геополитическую борьбу с врагами Российского государства, которая продолжается с прежним накалом и сегодня. Изменений почти нет, разве что врагов теперь называют «партнерами».

Предлагаемая вашему вниманию книга, основанная на ранее не опубликованных документах и содержащая множество интересных фактов, написана научным сотрудником Государственного Эрмитажа. И уже только поэтому она может открыть много нового всем тем, кто интересуется историей России. Автор подробно рассказывает, каким образом складывалась система воспитания будущих российских императоров: начиная с наследников Петра Великого и заканчивая последним императором Николаем II. Система формирования личности православного государя в том виде, в котором она дожила до крушения нашей империи, как и многое в истории России, была заложена Петром Великим. Именно он своим указом разрешил браки с инославными христианами. Для наследников династии Романовых он ввел обычай междинастических браков, и с этого времени русские цари стали заключать браки только с представителями других династий Европы, преимущественно из протестантских стран. Факты, изложенные в книге «Воспитание православного государя», очень интересно сопоставлять с геополитическими событиями, победами и поражениями русских царей.

Лично для меня интереснейшей частью книги стал рассказ о тех, кто воспитывал наших императоров. *Феофан Прокопович, Симон Тодорский, владыка Платон* (*Левшин*)…

Любопытно, что первым «классически» воспитанным православным монархом автор считает императора Павла Петровича. Рыцарь по духу, благородный и открытый, именно он был убит в результате заговора, убит на английские деньги с целью воспрепятствовать сближению России и наполеоновской Франции. А вот его сын – император Александр I как минимум знал о заговоре против отца. И, взойдя на трон, начал процесс сближения с Британией, что привело к войнам с Наполеоном, а в итоге и к его нашествию в 1812 году. Так вот, оказывается, в воспитании Александра Павловича был весьма силен «английский компонент». Причем именно в религиозном воспитании. Им занимался *протоиерей Андрей Афанасьевич*

Самборский, который был отправлен в Англию еще по воле императрицы Екатерины II. А в целом система воспитания ее внуков была почерпнута… из книг британского педагога и философа XVII века Джона Локка. Императрица так и говорила, что воспитывает внуков «по английской системе», отца детей – цесаревича Павла Петровича – к воспитанию не допускали… А. А. Самборский слыл в народе убежденным англофилом, состоял в английском «Обществе поощрения искусств» и был пропагандистом разнообразных достижений английской культуры. Сейчас бы о таком сказали: агент влияния…

Герасим Петрович Павский – учитель Закона Божия будущего царя-освободителя Александра II. *Василий Борисович Бажанов,* составивший богословско-просветительский труд «Обязанности государя и христианина», который лег в основу богословского воспитания русских императоров, на протяжении более чем 30 лет был духовником Николая I, Александра II и Александра III. Он причащал умирающего после нападения террористов царя-освободителя…

Иван Леонтьевич Янышев, церковный и общественный деятель, религиозный писатель и переводчик, стал законоучителем цесаревича Николая Александровича, последнего российского императора.

Ценности православной цивилизации, которые закладывались в качестве фундамента мировоззрения русских царей, и сегодня являются примером для того, кто хочет служить своему народу, заниматься политикой и вести Россию к новым достижениям, оберегая уникальную Русскую цивилизацию. Логика истории всегда проявляется из тумана геополитических схваток, которые, в свою очередь, есть отражение борьбы Добра со Злом.

И логика эта такова: воспитание главы государства обязательно оставит след в будущей истории страны.

Каково было воспитание, таков будет и след…

Введение

Воспитание христианского правителя, как и воспитание любого человека, наделенного властью, – процесс чрезвычайно сложный, многогранный и неисчерпаемый. Известно, что во все времена и во всех странах «торговля» своими властными полномочиями в целях личной выгоды, то есть коррупция, была проблемой практически неразрешимой. Расчет ведь не всегда бывал денежным: вспомним гоголевского чиновника, бравшего взятки борзыми щенками. Именно поэтому, начиная с античных времен, ученые и философы постоянно терзались вопросом формирования нравственного облика правителя и вообще этической стороны любой власти[1]. Античный философ Сократ, который активно критиковал тиранию, все же в основе власти полагал принцип законности, справедливо считая, что править должны только «знающие» и «аристократия мудрых».

Для отечественных исследователей вопрос отношения к власти приобретал особую актуальность и остроту, когда речь заходила о периоде Российской империи (1721–1917). Это был тот недолгий срок в истории, когда «варварская» Московия в глазах «просвещенной Европы» постепенно стала уходить в прошлое, а новая Россия только начинала выстраивать себя в соответствии общеевропейским законодательством, которое было принято во всем христианском мире на тот момент. Оно включало в себя и отношение к отдельной личности – «просвещенной» и «свободной», и отношение к частной собственности, которая провозглашалась «неприкосновенной». Правда, в большинстве случаев все эти воззрения и правила не касались «простых людей», а применялись лишь к высшей иерархии общества.

Когда же вопрос заходил о российском правителе, то именно в тот период, который именовался также «Синодальным», монарх исполнял одновременно обязанности главы государства и главы Церкви. Именно поэтому, на наш взгляд, на нем лежала двойная ответственность и именно потому так необходим был стране монарх, эту ответственность осознающий.

В предлагаемом читателям исследовании автор попытался проанализировать, каким образом складывалась система воспитания будущих российских императоров, как учителя-священники готовили их к высокому служению. В книге рассматриваются также предпосылки возникновения самой необходимости в учителях Закона Божия для правителей России, где народ изначально осознавал себя как носитель православия

или «народ-богоносец».

Материал книги расположен хронологически, разделен на XVIII и XIX столетия, что обусловлено тематикой исследования. Биографии священников и характерные методы их преподавания даются на фоне краткого изложения последующей внешней и внутренней политики их августейших учеников. В книге также затрагиваются и практические вопросы, например каким образом складывалась система религиозного воспитания наследников престола и чем она принципиально отличалась от простой катехизации[2] их подданных или великих князей – их младших братьев и сестер? Какие существовали особенности в православном воспитании «высоконареченных невест» наследников престола и был ли обязательным их переход в православие? Только ли обучение нравственному богословию отвечало за поведение будущих правителей? Можно ли вообще воспитать властителей, свободных от деспотических предпосылок, или, может быть, власть сама по себе порочна?

В работе был использован как широкий историографический материал: научные монографии, статьи периодической печати XIX–XXI вв., авторефераты диссертационных исследований, материалы научных конференций, нарративные источники (мемуары, дневники, автобиографии и переписка), так и не введенные ранее в научный оборот источники: документы из фонда Святейшего Синода Российского государственного исторического архива, фотографии.

Автор выражает глубокую признательность сотрудникам Государственного Эрмитажа: Галине Алексеевне Миролюбовой (кандидату искусствоведения), Валентине Ивановне Федоровой (кандидату искусствоведения), Елизавете Павловне Ренне (кандидату искусствоведения), Александру Михайловичу Гордину (кандидату исторических наук) и Сергею Владимировичу Томсинскому (кандидату исторических наук)

* * *

Одной из самых интересных и малоисследованных страниц истории Российской империи является система религиозно-нравственного воспитания наследников престола Дома Романовых периода Империи (1721–1917), начиная с потомков первого императора России Петра Великого и заканчивая последним императором Николаем (II) Александровичем.

Вопрос о духовных пастырях[3] Московской Руси[4] и царских духовниках[5] в частности достаточно полно отражен в

исследованиях XIX – начала XX в.[6] Существуют отдельные монографии и статьи, посвященные наиболее выдающимся религиозным персонам, приближенным к царскому двору[7].

Однако до настоящего времени не существовало исследования, в котором была бы предпринята попытка обобщить и проанализировать вопрос обучения Закону Божию применительно к наследникам российского престола. Поскольку монархическое правление в нашей стране основывалось на династическом принципе, то наследник, занимавший особое место в структуре самодержавия России, был чрезвычайно важной фигурой в государстве. Цесаревичи обеспечивали продолжение и устойчивость монархической династии, которая ни при каких обстоятельствах не должна была быть под угрозой. Даже совершеннолетие наследника юридически наступало в 16 лет, в отличие от его младших братьев, великих князей, которые считались взрослыми лишь в 21 год. Наследник престола, чьему воспитанию уделялось особое внимание, должен быть готовым в любой момент заменить на троне своего отца – правящего императора.

Христианская вера своими заповедями «не убий», «не укради», «не свидетельствуй ложно» определенным образом руководит поведением людей, ограничивая их неуемные инстинкты и налагая запреты на их помыслы и желания. Тем более это касается персон, по праву рождения стоящих на самом верху социальной иерархии.

Напомним, что с 1721 г. по итогам Северной войны Россия была провозглашена Империей. Само понятие «империя» заключает в себе определенный смысловой ряд. Так называют форму организации государства, при которой к метрополии добровольно или принудительно на определенных исторических этапах ее становления присоединяются новые территории. Земли могут быть заселены представителями различных национальностей и конфессий. При этом само государство управляется единым властителем – императором – и имеет одну доминирующую в государстве идеологию (религию).

В отличие от средневековой Московской Руси, в императорской России под влиянием западноевропейских традиций возникли институты, ранее для страны нехарактерные. В частности, изменился и законодательно закрепился определенный тип взаимоотношений между Церковью и государством, Церковью и властью, Церковью и народом. Упразднилась патриархия, установилось и укрепилось главенство коллективного органа – Святейшего Правительствующего Синода во главе с обер-прокурором, светским человеком, который

напрямую подчинялся императору. Таким образом, постепенно религиозная и светская власть начали сливаться воедино.

К России за XVIII в. присоединились многие территории с разнородным населением, исповедующим ислам, иудаизм, язычество, а также множество различных христианских деноминаций. В страну на постоянное жительство, при условии гарантированной свободы вероисповедания, стали прибывать иностранные специалисты. Подданным Империи, в том числе и членам Императорского дома, были разрешены браки с иностранцами. Все это привело к расширению связей между представителями различных религиозных групп.

Но для того чтобы инославное население не чувствовало себя ущемленным и осознавало справедливость признания одного властителя и доминирование в стране одной религии, возникла необходимость это положение как-то обосновать, причем не только идеологически, но и фактически. Одного провозглашения закона (религиозного или светского) было недостаточно. Монарх должен был для всех своих подданных стать подлинным примером исполнения нравственного и юридического закона. И научить его этому должны были именно священники. Причем роль миссионеров и проповедников, произносящих свои предики[8] в храме, уже была недостаточна. Они должны были стать поистине учителями, подобно древним византийцам, прибывшим на Русь в первые века христианства.

Часть первая

Глава 1. Учение о власти христианского монарха

> *Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены.*
>
> *(Рим. 1:13)*

Эти слова из послания апостола Павла к римлянам легли в основу православного учения о монаршей власти.

Христианская вера на территории Римской империи стала постепенно превращаться в официальную религию после принятия Миланского эдикта[9]. Вместе с новой верой начали складываться и новые мировоззренческие установки, новые принципы взаимоотношений светской и духовной власти, что отчасти отразилось и в богословских канонах, и в трактатах, и в юридических законах Рима.

Если в Античную эпоху властитель приравнивался к божеству, на него и смотрели как на Бога, позволяя ему все и всегда, что неминуемо вело к деспотизму, то с появлением христианства взгляды на принцип власти изменились. Образ властителя стал рассматриваться сквозь призму христианского вероучения, то есть эсхатологически[10]. Теперь уже властитель не мог себе позволить произвол и, чтобы считаться истинным царем, должен был лично исповедовать веру в Иисуса Христа. Ведь сам Христос говорил о себе, что Он пришел «не чтоб Ему служили, но чтобы послужить» (Мф. 20:28).

В отличие от Римской империи, существовавшей в прежней классической традиции, Византия была изначально задумана как христианское государство, и поэтому именно в ней поэтапно стали складываться новые взгляды на саму идею власти и на взаимоотношения государства и Церкви.

Обращаясь к древним свидетельствам, мы знаем, что первые христианские правители[11] старались принять крещение не иначе как на смертном одре. Они справедливо полагали, что жизнь истинного христианина мало совместима с государственными обязанностями. Однако необходимость соединить в одном лице образ правителя и христианина потребовал определенного идеологического обоснования, что и прозвучало впервые при дворе первого христианского императора Константина Великого (IV в.).

Основы богословской концепции о власти заложил главный придворный богослов Евсевий Памфил, епископ Кесарийский. В своем трактате «Слово василевсу Константину по случаю тридцатилетия Его царствования» он провел историческую параллель, связав появление единого правителя Октавиана Августа (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.), объединившего и сплотившего Рим в целостную империю, с Рождеством Единого Бога Иисуса Христа, даровавшего всем людям на земле учение благочестия. В своем тексте Евсевий развил мысль о том, что власть императора на земле прямо коррелируется с властью Бога на небесах, а Царство Земное должно быть отражением Царствия Небесного. В частности, он писал, что когда в Риме одновременно было установлено правление императора Августа и было произнесено учение Христа, «…тогда вдруг, как бы по мановению единого Бога, произросли для людей две отрасли добра: римское царство и учение благочестия»[12]. И далее автор, развивая свою идею, дополнял: «Сила Спасителя нашего сокрушила многоначалие и многобожие демонов и всем людям […] проповедала единое Царство Божие, а Римская империя, уничтожив сперва причины многоначалия, спешила все племена привести к единению и согласию»[13].

Таким образом, с одной стороны, обожествлялась сама идея империи, собравшей людей разных наций и верований в единое сильное и могущественное государство, а с другой стороны, сакрализировался образ монарха, несущий свет христианского учения своим подданным. Это учение предполагало, что монарх изначально должен был креститься, чтобы принадлежать христианской вере и следовать ее заповедям.

По словам Евсевия, идеальный христианский император прежде всего должен быть истинным победителем в себе греха: свободным от страстей, тщеславия и сребролюбия. Он должен был научиться усмирять свой гнев и желание удовольствий, стараться быть воздержанным, добрым и справедливым. Как истинный друг «Всецаря Бога» он всегда должен желать «царства Божьего нетленного и бестелесного и молиться о получении его»[14].

Согласно новой концепции, монарх – всего лишь земной человек, который может «участвовать» в воплощении «божественной власти […], может быть только живой иконой и эмблемой этой власти», слугой и помощником Господа, обращающим своих подданных от идолопоклонства к истинной вере[15]. Славословие подданных, в свою очередь, должно быть обращено не к императору, а к Богу, который один является виновником царствования земных владык.

Опираясь на утверждение апостола Павла, что «всякая власть от Бога», Евсевий Памфил утверждал, что правитель есть «помазанник Божий», свыше получивший мудрость царствования, и потому должен приводить «к единородному и спасительному Слову подвластных себе жителей земли», делая их готовыми для Царствия Небесного[16].

В обязанности императора теперь стала входить забота не только о благосостоянии и безопасности своих подданных, но и о спасении их бессмертных душ.

Император, в свою очередь, должен почитать Истинного Бога и распространять это почитание в государстве. В противном случае он враг Церкви и гонитель христиан. Его нельзя считать истинным, легитимным правителем, а только не иначе как тираном и узурпатором, имеющим власть, но не обладающим необходимыми положительными качествами души. Самих же государей апостол Павел называл Божьими слугами, которые «не напрасно носят меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Рим. 13:4).

Основные принципы взаимоотношений духовной и светской власти, а также равной ответственности василевса[17] и патриарха за нравственное состояние своих подданных нашли отражение в шестой новелле Кодекса императора Юстиниана I (VI в.)[18]. Они вошли в историю под названием «Симфония властей» и начинались словами: «Величайшие блага людей, от человеколюбия дарованные свыше, – священство и царство. Одно, служа божественному, другое, о человеческом заботясь и управляя, из одного и того же начала вышли и привели в порядок человеческую жизнь»[19].

Теперь уже законодательно светская власть была приравнена к духовной, а правители, священство и народ призваны были держаться этих высоких нравственных ориентиров.

С тех пор вся жизнь Византии, первой в мире христианской империи, стала утверждаться на «взаимодополняющем сотрудничестве и единстве, симфонии […] двух начал – священства и царства, Церкви и государства»[20].

Эти идеи Евсевия Памфила и Юстиниана Великого, снискавшие горячую поддержку отцов Церкви, были развиты и поддержаны в последующие эпохи и нашли отражение в многочисленных богословских сочинениях и проповедях.

С момента принятия христианской веры на Руси в X в. все явления жизни народа стали постепенно приобретать особый смысл и восприниматься в эсхатологическом контексте.

Русские люди поверили в то, что все в этом мире не зависит от произвола отдельного человека или всеобщего хаоса, а

подчинено четкому порядку, что судьбы личности, города, страны и даже космоса не существуют бессмысленно, а имеют определенную цель, заложенную высшими силами.

Отсюда следовало, что цель жизни людей – исполнять закон Божий и следовать Его замыслу. Эта вера стала налагать моральные обязательства на каждую персону: от простого смерда до верховного властителя.

В проповеди первого русского митрополита Иллариона (1051), произнесшего у стен Киевской Софии свое знаменитое «Слово о законе и благодати»[21], впервые прозвучала мысль о богоизбранности Руси, которая впредь была поставлена на особое историческое служение. В этой проповеди была сформулирована идея о высшей роли русского народа «хранить православие до Страшного Суда». Митрополит Илларион развил мысль о том, что своим крещением Русь обрела Благодать Божию – и теперь это не «худая» и «неведомая» земля, но ведомая и слышимая всеми концами света. Более того, она может надеяться на великое будущее, ибо оно предопределено Божиим Промыслом[22].

В означенный период Киевская Русь еще не представляла собой единое целое, управляемое самодержавно, а распадалась на множество удельных княжеств. С именем удельного князя (или великого князя) связывали только значение первого воина (воеводы) и главного судьи, то есть хранителя закона. Князь был зависим от своих родичей, от дружины и от народа. Если поступки властителя были неблаговидны, то он терял доверие, лишался титула, княжества, власти, а то и самой жизни, ибо власть его не была наследственной и земля находилась в общинном пользовании.

Идея царя была знакома русскому народу с первых веков христианства благодаря тесным связям с Византией и распространялась преимущественно духовенством. При этом «царь греческий представлялся для нас типом самодержавной, ничем не ограниченной власти, типом высокого и великого сана, к которому доступ сопровождался изумительною для простых глаз торжественностью и обстановкой несказанного блеска и великолепия»[23].

Русь, став духовной преемницей Византии, усвоила также ее сакральное представление о верховной власти. Это учение стало проникать в виде теологических сочинений, переведенных с греческого языка на русский, а также в виде проповедей византийских пастырей.

Важно отметить, что само учение о христианской монархии как о политическом идеале не являлось первым и центральным в православном вероучении, которое по сути теоцентрично[24] и

ставит во главе мироздания Бога, а не государя. Но Россия, уникальная в своей истории и выросшая на византийских корнях, земным представителем Бога всегда считала монарха, а земным воплощением Царствия Небесного – Святую Русь. Новый тип правителя складывался постепенно, но уже с XVII в. в челобитных великому князю стали появляться такие обороты, как «умилосердися, яко Бог» или «работаю я холоп ваш, вам великим государем, яко Богу»[25].

Великий князь на Руси осознавал, что он обязан править, согласуясь с Божьим Законом, что его власть установлена свыше и произвол на его земле невозможен. Долг же великого князя состоял в том, чтобы максимально не допустить пришествия дьявола на своей территории, дать возможность христианам свободно славить Всевышнего и жить по Его заповедям, еретиков же исправить и поставить на путь истинный и в конечном итоге привести свой народ к спасению. В противном случае правитель, не сдерживаемый религиозными установками, становился деспотом и навеки обрекал свою душу к погибели.

Возможно, именно столь высокая планка, установленная для властителя Церковью, в древности побуждала великих князей на смертном одре принимать монашеский постриг, который приравнивался ко «второму крещению» и отпускал все его прежние грехи.

Такое представление о «власти от Бога» стало краеугольным камнем внутренней политики Московской Руси. Оно легло в основу многих богословских сочинений, предназначенных для образованной публики; оно же постоянно вдохновляло христианскую проповедь, ежедневно просвещающую малограмотную паству. Учение о взаимоотношениях двух властей было включено в так называемую Кормчую книгу[26], а церковное понимание взаимоотношений народа и христианской власти вошло отдельной главой в «Домострой»[27]. Оба эти сочинения на протяжении многих веков являлись основным руководством в повседневной жизни для церковнослужителей, великих князей, представителей знати, купечества и простого народа.

И хотя эта грандиозная концепция о христианском правителе и Святой Руси никогда не была осуществлена в полной мере, оставаясь скорее великой мечтой, недостижимым идеалом, Русь верила в этот идеал. Он же лег в основу идеи «Москва – Третий Рим», когда после падения Константинополя в 1453 г. Московская Русь осознала себя центром православного мира[28].

Особенное развитие идея об особом благочестии государя получила в эпоху Ивана Грозного (XVI в.)[29], который пытался повторить в своем «сценарии власти» византийских монархов.

Несмотря на то что цари далеко не были идеальны, идеологическое обоснование древнерусской модели царской власти всегда оставалось неизменным. Это определяло прежде всего доверие подданных к своему монарху.

Богословы, в свою очередь, могли обличать порочность и греховную сущность конкретного правителя, но никогда не призывали свою паству к открытому неповиновению властям, ибо, по словам Иоанна Златоуста (IV в.), «безначалие везде есть зло и причина беспорядка»[30].

Таким образом, официальные представители Церкви всегда стояли за стабильность государства и старались во всем поддерживать власть[31].

Глава 2. От боярской Московской Руси до Российской империи

В отечественных исторических исследованиях вопрос обучения христианской вере освещен достаточно полно. Известно, что оно началось практически одновременно с принятием христианства. Поскольку для новой паствы прежде всего необходимы были наставники духовные (священно-и церковнослужители) и для их высокого назначения «грамотность представляла одно из необходимейших и важнейших условий», князь Владимир первую свою заботу устремил на приготовление, образование новых служителей и наставников веры.

Традиционно принято считать, что греческое духовенство, крестившее Русь, принесло с собой и сложившуюся организацию религиозного обучения. Первыми учителями были священники – болгарские и греческие, знавшие русский язык[32]. Состав нашей древнейшей грамотности ограничивался тогда преимущественно книгами церковными: Священным Писанием, поучениями и творениями Святых Отцов и т. п. «Этот церковно-служебный характер древнейшей нашей грамотности отразился яснее всего в самом составе первоначального обучения, именно в обучении чтению, где за букварем следовал Часослов и потом Псалтирь – венец древнего словесного учения и полного курса первоначальной науки»[33].

Поскольку образование народа всех сословий вызвано было исключительно необходимостью в церковнослужителях, а для наставников веры прежде всего требовалось знание вечерни, заутрени, часов, Псалтыря, Апостола, ектений, то этот «состав наук» стал постепенно переходить от духовенства к простому народу, в круг светского образования. Впоследствии эта программа «домашнего курса обучения» не вобрала в себя новых предметов вплоть до XIX в.

В просвещении, или в «обучении книжном», были заинтересованы и духовенство, и государственная власть, так как заодно с христианским вероучением народу внушалось и божественное ее (власти) происхождение. Первоначально были организованы классы при монастырях, в прихрамовых помещениях церквей и соборов либо в богатых домах, куда приглашали священника для занятий с детьми княжеской или боярской семьи[34]. Причем первоначально принципиальной разницы между обучением отпрысков из простых семей и правящего класса не было.

К XVI – началу XVII в. были уже систематически организованные школы при православных братствах, где преподавались азы богословия. Особенно хорошим религиозным образованием отличались западные земли Руси: Украина, Литва, Белоруссия, где уроки шли на славянских языках, а также на латыни и по-польски. Известно, что в 1632 г. митрополит Петр Могила преобразовал одну из киевских братских школ в коллегиум, который вскоре стал единственным на тот момент в Восточной Европе учебным заведением, признанным академией. Впоследствии Киево-Могилянская духовная академия, в которой с 1689 г. был введен курс православного богословия, стала образцом для последующих духовных школ и семинарий[35].

Однако период конца XVI – начала XVII в. привел, как известно, к перелому в политической системе Московской Руси. Эпоха, названная позже Смутным временем, отличалась многими бедами, обрушившимися на страну: сначала отсутствие наследников династии Рюриковичей, неурожай и голод, потом последовавшее за ними окончательное падение прежней династии, затем захват трона самозванцами, иностранная интервенция, полный экономический и политический крах. Все это привело не только к неустойчивому положению России на международной арене, но и к падению образа государя в глазах его подданных. В частности, в обществе изменилось отношение к самой социальной роли привилегированного класса, на который теперь стали возлагать ответственность за все неполадки в государстве[36].

Смутное время завершилось воцарением в 1613 г. династии Романовых. В России сложилась уникальная в мировой истории ситуация, когда во главе Православной Церкви и православной державы встали отец и сын – патриарх Филарет и царь Михаил, и таким образом между духовной и государственной властью установились поистине родственные отношения. Но все же устойчивость новой династии в глазах подданных долгое время подвергалась сомнениям: будет ли у государя наследник, не появятся ли новые претенденты на трон? Все эти вопросы еще десятилетия беспокоили окружение царя Михаила Романова.

Именно в этот период, в начале 1620-х гг., начали тиражироваться печатные так называемые «Покаянные чины», предназначенные специально для исповедей патриархов и царей. Инициатива таких исповедей принадлежала патриарху Филарету (Романову), отцу нового монарха.

Неизвестный художник. Портрет патриарха Филарета Никитича Романова. *Источник*: Государственный Эрмитаж

В общих чертах содержание этих исповедей не отличалось от таких же текстов, предназначенных для простых мирян, но некоторые различия все же имелись. В частности, в «Покаянных вопросах» подробно рассматривались не только нравственный облик властителя, его отношение к законам, поведение и высказывания, но и обстоятельства его прихода к власти. Это свидетельствовало о неустойчивом положении Романовых и желании при возможном повороте событий заранее определить критерии нравственной оценки будущего государя.

Покаянные тексты для царей и патриархов не могли бы

возникнуть в XV–XVI вв. В средневековой Руси персона властителя представала в глазах народа всегда и везде непогрешимой. Но с воцарением новой династии появилась необходимость идеологически оправдать ее возникновение и поставить государя выше мерок, применяемых к обычным людям, чтобы сделать его не только верховным вельможей, но и истинным самодержцем[37]. Таким образом, покаянные тексты служили как бы подтверждением истинного христианского лица государевой персоны.

Цари новой династии до определенного времени в жизни и в домашнем быту все же оставались со своими подданными первыми среди равных, «вполне народным типом хозяина, главы дома. […] Одни и те же понятия и даже уровень образования, одни привычки, вкусы, обычаи, домашние порядки, предания и верования, одни нравы»[38].

Что касается царских детей, то разница в их воспитании и образовании по сравнению с простым народом была лишь имущественная. К цесаревичам с пятилетнего возраста для воспитания назначался «дядька» из числа бояр и образованный приказной дьяк или подьячий для обучения чтению, счету и письму. При этом не было нужды в специальном священнике, обучающем Закону Божию, ибо религия впитывалась с детства в своей собственной семье с молоком матери. Едва познакомившись с азбукой, маленькие цесаревичи, как и дети простых подданных, совершенствовали грамоту по Часослову, Апостолу и Псалтырю; церковное пение и обряды они перенимали в храме в практике церковных богослужений. Там же по иконам и настенным росписям они знакомились со смыслом православной иконографии, а во время проповедей – с азами догматического и нравственного богословия, с житиями святых, с евангельскими и ветхозаветными мифами и преданиями.

Московская Русь до XVII в. жила относительно замкнуто, и обо всем, что происходило за ее границами, у народа было весьма смутное представление. Религия признавалась только одна – христианская (она же православная); представители иных исповеданий традиционно считались «басурманами» и «еретиками».

Неизвестный художник. Портрет царя Михаила Федоровича Романова. *Источник*: Государственный Эрмитаж

Царский наследник также выбирал себе невесту только из числа своих православных подданных[39], а царские дочери, не имея возможности найти себе равнородного жениха православного исповедания, чаще всего вынуждены были проводить свою юность в закрытых теремах, а в конце жизни принимать монашество. Прочим подданным государя на исповеди духовники также могли задать вопрос: «Не блудил ли ты с иноверкой или не был ли женат на ней?»[40], потому что даже общение или совместная трапеза с представителями иных конфессий считались грехом.

Однако уже с середины XVII в. прежняя закрытость

государства постепенно стала уходить в прошлое; между Россией и странами Западной Европы начали устанавливаться тесные дипломатические связи. Теперь уже на представителей иных конфессий в официальных кругах государства стали смотреть дружелюбней. Более того, в 1623 г. по просьбе патриарха Филарета велись переговоры с датским и шведским королевскими домами о возможных невестах для цесаревича Михаила Романова.

Петровские преобразования, усилившие контакты с западным миром, более развитым в экономическом, военном и культурном отношении и далеко опередившим Россию в гражданском просвещении, в дипломатии, в образе воспитания и обучения и «в самом светском обхождении»[41], стали диктовать острую нужду в людях с широким кругозором, специальными знаниями и владением иностранными языками.

Неизвестный художник. Портрет царицы Натальи Кирилловны. *Источник*: Государственный Эрмитаж

В 1702 г. государем был подписан манифест «О ввозе иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания». Для царя, безразличного к тому, «крещен ли человек или обрезан», главными критериями являлись профессионализм и порядочность. На постоянное жительство стали прибывать иностранные специалисты различных профессий: горные и военные инженеры, врачи, ученые. Среди представителей высшего сословия вошло в моду и получило широкое развитие освоение западной культуры и наук. Иностранцев начинают привлекать также к обучению знати и государевых детей.

В начале XVIII в. в России произошла также религиозная реформа. Суть ее, изложенная в части первой «Духовного регламента»[42], заключалась в том, что христианский государь провозглашался блюстителем «правоверия и всякой в Церкви святой благочиния» и, по сути, главой светской и религиозной власти в стране.

Теперь, согласно законам Российской империи, главой Православно-Кафолической Церкви вместо прежнего патриарха стал император, что позже нашло отражение в законодательстве. Потенциальный наследник престола должен был быть только православным и воспитанным православной матерью; в противном случае он не подходил бы для священного чина коронования и миропомазания.

Закон провозглашал православную веру «первенствующей» и «господствующей», при этом было указано, что «Император Всероссийский, яко христианский Государь есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния»[43]. Слова апостола Павла были интерпретированы следующим образом: «Российский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»[44]. Однако обожествлялась не сама личность государя, а лишь его высокое предназначение.

Постепенно взгляды на представителей иных вероисповеданий в образованном обществе стали существенно меняться. Исключение составляли только иудеи, традиционно воспринимаемые как враги христиан, и католики, которые продолжали считаться опасными врагами православия. Действительно, латиняне с их пышными богослужениями и процессиями, с выдающимися образцами музыкального и изобразительного искусства, с талантливыми проповедниками и с папским абсолютным единовластием всегда составляли мощную конкуренцию приверженцам византийского обряда. А настойчивое миссионерство широко образованных богословов (по большей части иезуитов), особенно на западных приграничных территориях Российской империи, порой вообще принимало вид политической и культурной экспансии. Даже боярин Борис Алексеевич Голицын (XVII в.) однажды прямо высказался, что если католики будут иметь возможность совершать в Москве службы по своему обряду, «то многие наши храмы опустеют, потому что у католиков есть что-то особенное в их службах, чем они могут прельстить наш народ»[45].

Именно поэтому на протяжении всей церковно-

государственной истории католическая пропаганда в России была запрещена.

Адам Олеарий[46] также в своем отзыве о России писал: «Русские охотно дозволяют жить у себя людям всех наций и вер, как то: лютеранам, реформатам, армянам, татарам, туркам, персиянам. Но не хотят терпеть только евреев и католиков, одно название которых для них противно»[47].

Протестанты, напротив, охотно принимались на службу не только благодаря своему трудолюбию, бытовому аскетизму, бережливости и честности. Самое главное – к ним Православная Церковь была относительно лояльна, ибо «по отвлеченности своего учения, отсутствию властолюбивых устремлений и назойливой пропаганды своей веры они не считались опасными врагами; им дозволено было еще в немецкой слободе в Москве иметь свои кирхи, отправлять в них богослужение без пропаганды своего учения»[48].

Глава 3. Первые законоучители при Российском императорском дворе

Первый российский император *Петр Великий* (1672–1725) был воспитан по обычаям «родной старины» и специального законоучителя не имел. Сам император часто упоминал, что не получил в детстве достойного систематического образования. Особенно он жалел, что не имел такого учителя, как *Симеон Полоцкий*[49], которого пригласил ко двору его отец царь Алексей Михайлович[50]. Знаменитый богослов был наставником старших детей царя от его первой жены Марии Ильиничны Милославской. По легенде, Симеон Полоцкий лишь определил при рождении имя будущему императору, назвав его Петром[51].

Когда юному цесаревичу еще не исполнилось и пяти лет, к нему был приставлен подьячий Никита Моисеевич Зотов – человек кроткий и смиренный, «искусный в Божественном Писании». Приглашен он был не для религиозного воспитания, а для начального образования Петра. Однако его все же предварительно проэкзаменовали в присутствии Симеона Полоцкого, которым он был одобрен как наставник цесаревича.

Большинство исследователей[52] в своих сочинениях, посвященных молодым годам Петра, отмечали, что одаренный царевич быстро перешел от азбуки к цитированию наизусть Евангелия и Апостола. И позже, уже в зрелые годы, царь Петр охотно присутствовал в церкви при богослужении, легко на клиросе мог заменить псаломщика и пел баритоном в хоре.

Что же касается его отношения к официальной Церкви, то этот вопрос достаточно освещен в отечественной историографии. Напомним, что вышеназванный воспитатель Петра Никита Зотов, большой любитель «бражничать», впоследствии был активным собутыльником царя и участником его «Всешутейшего, Всепьянейшего и Сумасброднейшего собора»[53]. Более того, он был избран на пожизненную должность президента этого собора, Князем-Папой и архиепископом Прешпурским и всея Яузы и всего Кукуя патриархом.

Вопреки обычаям своего народа, Петр Великий серьезно выступал против чудес и знамений, не любил нищих и юродивых, не поклонялся мощам, не соблюдал постов, что было характерно скорее для поведения адептов протестантских деноминаций. Это не было случайным. Во время своих заграничных путешествий государь серьезно знакомился с другими вариантами христианской религии, бытующими в таких странах, как Англия,

Голландия и Германия. Сама же Церковь, по мнению монарха, должна была приносить пользу, понимаемую как служение Отечеству[54]. Это вовсе не означало, что царь стремился переделать Православную Церковь по протестантскому образцу. Однако некоторые нововведения все же имели место. Именно в годы правления царя Петра в законодательстве было отведено место и серьезному религиозному образованию будущих пастырей, и взаимоотношению духовенства и властей. В частности, во второй части «Духовного регламента» подробно рассматривались вопросы как об отборе учителей для духовных училищ, так и о «проповедниках слова Божия» и проповедях, побуждающих к почитанию власти. В том же документе отдельным пунктом было оговорено, что при рукоположении в священнический чин кандидат должен принести присягу императору[55].

Петр Великий, путешествуя по Европе, также видел, что браки между иностранцами устраивались не по сватовству, как в России, а по взаимному расположению вступающих в союз. Он хотел добиться этого и у себя дома. Возможно, в том числе и с этими намерениями были учреждены так называемые ассамблеи, на которых «молодым людям обоего пола предоставлялась возможность знакомиться друг с другом в танцах и разговорах»[56].

Неизвестный художник. Портрет царевича Федора Алексеевича Романова. *Источник*: Государственный Эрмитаж

Именно в этот период император Петр I своим указом разрешил подданным браки с инославными христианами. Более того, для наследников династии Романовых он ввел обычай междинастических браков. Однако будущие российские монархи стали заключать браки исключительно с представителями суверенных владетельных домов Европы преимущественно протестантских стран. Это объяснялось двумя причинами: во-первых, сам Петр Великий открыто симпатизировал протестантам. Как однажды заметил с горечью один из членов иезуитского ордена, лютеране и кальвинисты в большом фаворе у царя Петра, и он «пребывает у них по целым дням, пирует с ними

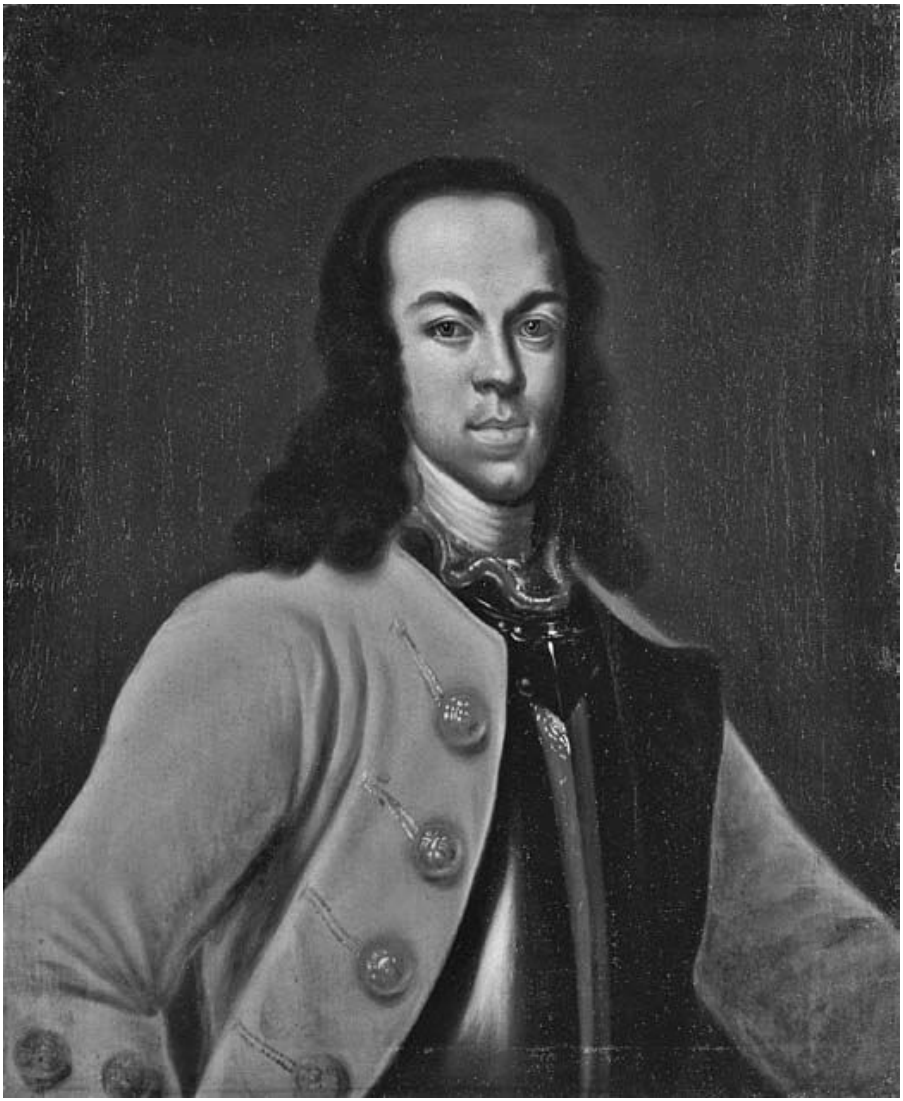
и веселится, тогда как из католиков нет почти никого, кто бы был вполне сыт и близок к светлейшему царю!»[57]

Во-вторых, и сами католички крайне неохотно переходили из одной конфессии в другую, да и отношения с Ватиканом у России на протяжении всей истории были напряженными.

Однако браки с иностранными принцессами, с одной стороны, предоставляли возможность породниться со многими правящими европейскими династиями, что было выгодным для внешней политики России. Это была дипломатия на самом высоком уровне, которая укрепляла международный статус государства. Но, с другой стороны, это создавало некоторую внутреннюю напряженность внутри страны. Подданные империи не согласились бы иметь государыню-иноверку, ибо они, присваивая себе иноземные обычаи, все же понимали, по словам Н. М. Карамзина, что «правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь – первое государство»[58].

Это обстоятельство принуждало невесту наследника в обязательном порядке принять новую для себя конфессию – православие. Так и возникла потребность в специальном священнике, который смог бы преподавать будущей императрице России основы православия.

В отличие от духовника, в обязанности которого входило лишь правило регулярной исповеди уже воцерковленного христианина, перед законоучителем стояли задачи иного рода. Он должен был обучить Закону Божию, то есть привить основные религиозные истины (Символ веры, главные молитвы, десять заповедей), дать общие сведения о богослужении (литургиях, таинствах и обрядах), об истории религии, ее учреждениях и установлениях.



Неизвестный художник (копия). Портрет цесаревича Алексея Петровича. *Источник*: Государственный Эрмитаж

Кроме того, он должен был руководить домашней и церковной молитвой ребенка, чтением Священного Писания и других религиозных книг, а также готовить своего ученика к исполнению им христианского долга исповеди и причащения. И все же главной задачей священники считали умение сформировать религиозные взгляды своего августейшего ученика задолго до его вступления на престол и закрепить его нравственные установки, от которых зависела потом жизнь его подданных. Таким образом, законоучитель в определенном смысле становился ключевой фигурой в государстве. В Западной

Европе, где существовало таинство конфирмации[59], религиозное образование было обязательным для всех членов Церкви. В частности, в Германии еще со времен Мартина Лютера (XVI в.), который сам составил «Краткий катехизис»[60] для мирян, такое обучение (или катехизация) было четко организовано и методологически продумано. В России же это явление еще было относительно новым, так как приобщение к основам веры в период Средневековья (или Московской Руси), о котором было сказано выше, еще нельзя в прямом смысле слова назвать религиозным образованием.

Первым, кому сосватал Петр Великий представительницу иной христианской конфессии, был его старший сын от законной супруги Евдокии Лопухиной[61] – Алексей Петрович (1690–1718).

Со своей будущей супругой немецкой принцессой *Шарлоттой Кристиной Софией Брауншвейг-Вольфенбюттельской* (*Натальей Петровной*) (1694–1715) цесаревич познакомился при дворе польского короля Августа II, когда в 1709 г. был отправлен в Дрезден для завершения своего образования. Брак показался выгодным России с дипломатической точки зрения, так как родная сестра Шарлотты – Елизавета Кристина – была замужем за Карлом VI – императором из династии Габсбургов, одной из наиболее могущественных династий Европы в тот период.

Габсбурги были в то время императорами Священной Римской империи и с XIII в. правили в Австрии. Ввиду предстоящей войны с Турцией (1710–1713) поддержка Австрии для России была весьма желательной. Таким образом, этот брак рассматривался российской стороной как выгодная дипломатическая сделка.

Неизвестный художник. Портрет принцессы Шарлотты Кристины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской. *Источник*: Государственный Эрмитаж

30 апреля 1711 г. был подписан брачный договор. При этом принцесса, не желая менять свое лютеранское вероисповедание, не только заручилась согласием Петра I сохранить веру, ей было также обещано иметь свою собственную церковь. Но все же дети, рожденные в этом браке, согласно договору, должны были воспитываться в православии[62].

Неизвестный художник. Портрет императора Петра II. *Источник*: Государственный Эрмитаж

По случаю этой свадьбы в Москве начались шумные многодневные праздники с обильными угощениями, увеселениями для простых людей, фейерверками и пушечной пальбой. Но горожане, не привыкшие к иноземным невестам своих монархов, все же роптали по поводу вероисповедания новобрачной[63]. К несчастью, брак не продлился долго: немецкая принцесса вскоре умерла при рождении второго ребенка, будущего российского императора Петра И, и серьезных для Романовых последствий ее лютеранское исповедание не имело.

Ни цесаревич Алексей, ни его супруга никогда не занимали трон, но «пробный камень» был брошен. Сам государь Петр

Алексеевич в то время открыто жил с лютеранкой Мартой и имел от нее нескольких детей. Не имея возможности, согласно правилам Православной Церкви[64], развестись со своей первой женой Евдокией Лопухиной, царь своей волей попросту сослал ее в 1698 г. в суздальский Покровский монастырь. Таким образом, царица Евдокия стала последней царствующей равнородной государыней неиноземного происхождения.

Сведения о детских и юношеских годах первой российской императрицы *Екатерины I Алексеевны*[65] весьма смутны, противоречивы и, возможно, не всегда достоверны[66]. Согласно некоторым источникам, оставшись в раннем детстве сиротой, она воспитывалась в семье лютеранского пастора *Эрнста Глюка*. Сам пастор был человеком образованным, перевел с латыни на латышский язык Библию, писал стихи по-русски и после взятия Мариенбурга русскими войсками, будучи принятым на русскую службу, основал первую в Москве гимназию.

Неизвестный художник. Портрет императрицы Екатерины I. *Источник*: Государственный Эрмитаж

Сложно определить, обучалась ли Марта в семье пастора богословию. По сведениям историков, ее учили грамоте и рукоделию и использовали только как служанку[67]. В любом случае о серьезном отношении к Церкви со стороны будущей российской императрицы в те годы ни в одном историческом источнике не указано.

Познакомился с ней царь Петр Алексеевич осенью 1703 г., когда он был проездом в Петербурге и гостил в доме у князя А. Д. Меншикова. Именно там он и встретил Марту, которая

прислуживала за столом. Молодая женщина обладала веселым и легким нравом, хорошими манерами и сразу приглянулась царю. Они быстро сблизились и не скрывали своей связи.

Лишь в 1707 г. (по другим сведениям, в 1708 г.) гражданская, «походная» жена царя Марта приняла православное крещение и была названа Екатериной Алексеевной Михайловой. Крестным отцом ее стал сам царь Петр, он же и дал ей фамилию, которую сам указывал, если хотел оставаться инкогнито. Отчество дал ей также свое. Однако законной женой царь объявил Екатерину еще до венчания перед Прутским походом в 1711 г. И лишь 19 февраля 1712 г. в Петербурге в церкви Исаакия Далматского Петр и Екатерина были обвенчаны. К тому времени они уже имели двух дочерей – Анну и Елизавету. В глазах простого народа царь казался антихристом.

В 1721 г. Сенат и Синод признают Екатерину императрицей, и ее торжественное возведение на престол в Успенском соборе Москвы стало первой в России императорской коронацией.

С 1704 по 1723 г. у императорской четы родились 11 детей, большинство из которых (в том числе и все сыновья) умерли во младенчестве. Отсутствие прямого наследника престола по мужской линии после смерти императора Петра Великого в 1725 г. привело к кризису власти. Лишь благодаря поддержке своей «партии» в Сенате и при участии гвардии новой российской императрицей была провозглашена Екатерина Алексеевна.

Следует иметь в виду, что лишь представители высшего сословия для подтверждения собственного статуса в государственной иерархии относительно легко подчинялись придворным нововведениям и перенимали западные обычаи, нормы поведения, а также отношение к вере. Подданные же простого происхождения, а особенно из среды духовенства, питали к чужестранным обычаям враждебное чувство. Они полагали, что иностранцы вносят в русский быт известную долю разврата. Особенно в среде духовенства не любили отечественных «иностранцев» – малороссских священников, то есть выпускников Киево-Могилянской духовной академии. Несмотря на более высокий образовательный уровень и обязательное владение несколькими иностранными языками, считалось, что они «заряжены еретичеством». Потому народ и свою монархиню желал видеть только православной веры. Однако в 1727 г. императрицы Екатерины I не стало.

Наследником престола был объявлен внук Петра I – *Петр II* (1727–1730)[68]. Возможно, он стал первым из царственных учеников, которого необходимо было обучать православию.

Дело в том, что цесаревич с детства жил за границей в

окружении протестантов. Его не воспитывали как наследника, и он даже с трудом изъяснялся на русском языке[69]. Поэтому для обучения православию к нему был приставлен сподвижник царя Петра и автор «Духовного регламента» – ведущий богослов своего времени *Феофан Прокопович*[70]. Благодаря ему к общеобразовательным предметам было добавлено рассуждение «Каким образом и порядком надлежит багрянородного отрока наставлять в христианских законах»[71], а также специально для цесаревича он сочинил «Наставление в Законе Божием».

Неизвестный художник, с гравюры А. Ф. Зубова. Стефан Яворский, митрополит Рязанский и Муромский. *Источник*: Российская Национальная библиотека

По словам одного из иностранных подданных, побывавших в России в ту пору, это сочинение «хотя и было напечатано на одном листе, однако по основательности своего содержания служит к чести и славе составителя»[72].

Если не считать Катехизиса митрополита Стефана Яворского, который он «для пользы народа и юношества» позаботился напечатать по образцу Канизиева катехизиса[73], то труд Феофана Прокоповича по праву можно назвать первой книгой подобного

рода, написанной в России специально для наследника престола.

Однако сам епископ Феофан не мог являться в полной мере законоучителем. Во-первых, Верховный тайный совет, который управлял от имени Петра И, питал к нему враждебное чувство и не допускал его значительного влияния на наследника и при дворе. Во-вторых, русское духовенство с именем Петра II связывало надежду на восстановление патриаршества и потому считало Прокоповича, выпускника Киево-Могилянской духовной академии, недостаточно православным за его склонность к протестантизму. В-третьих, ему самому сложно было серьезно влиять на будущего монарха, который по малолетству и легкомыслию вряд ли мог научиться чему-нибудь полезному, проводя все свободное время на охоте и в увеселениях.

Но срок правления Петра II был недолгим. В 1730 г. юный император умер от оспы, не оставив после себя наследника, даже не успев жениться[74].

Следующая монархиня, *Анна Иоанновна*[75], была племянницей Петра Великого. Она не имела специального религиозного воспитания с детства, так как не являлась прямой наследницей престола. Однако, будучи русской по рождению, в своей семье она впитала православную веру с младенчества и всю жизнь была глубоко набожна.

Известно, что при вступлении на престол Верховный тайный совет предложил ей подписать кондиции из восьми пунктов, ограничивающие ее права. Основной пункт кондиций составлял заботу о сохранении, укреплении и распространении в государстве православной религии. Кондиции государыня разорвала, но о вере пеклась постоянно.

Неизвестный художник, гравюра на дереве 1730-е гг. Портрет Феофана Прокоповича. Из книги: *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1889

Во время коронации[76] Феофан Прокопович впервые ввел Анну Иоанновну в алтарь[77] для совершения сопутствующих таинств и перехода ее в новое качество. Этим жестом был обозначен определенный сакральный статус императрицы независимо от ее пола[78].

Правление Анны Иоанновны началось с издания Манифеста от 1730 г., обращенного к Синоду, о наблюдении за чистотой веры, искоренении ересей, расколов и суеверий. Весь период царствования отличался также жестоким наказанием за переход в другую веру (особенно в иудаизм), вплоть до смертной казни, сжиганием колдунов по закону от 1731 г., смертной казнью за богохульство по закону от 1738 г. и т. п.

Никитин И. Н. Портрет Елизаветы Петровны ребенком. *Источник*: Государственный Эрмитаж

Несмотря на то что Анна Иоанновна была на русском престоле *единственной императрицей русского происхождения*, все же с 1730 г. при дворе всем заправлял ее фаворит, регент и граф Священной Римской империи Эрнст Иоганн Бирон, который хотя и действовал всегда в интересах России, но воспринимался подданными империи как «немец».

После смерти государыни в 1740 г. Бирон ненадолго стал регентом при следующем наследнике престола Иоанне VI Антоновиче. Однако засилье протестантов и «немецкие» порядки

при дворе породили хаос и явились поводом для недовольства высшего сословия, отстранения Бирона от регентства, а также его смещения и опалы.

Анна Леопольдовна[79] в период кратковременного «междуцарствия» (с 9 ноября 1740 г. по 25 ноября 1741 г.) являлась правительницей-регентшей при своем малолетнем сыне Иоанне VI Антоновиче.

Принцесса Елизавета родилась в Германии (город Росток), но в 1722 г. прибыла в Россию вместе с матерью Екатериной Иоанновной и скромно жила то в Москве, то в Петербурге, то в Измайлове. С детства она была воспитана в лютеранской вере. После воцарения императрицы Анны Иоанновны как ее единственная племянница принцесса Елизавета вышла из тени и получила важную роль при дворе. Поскольку у государыни не было детей, то для разрешения вопроса о престолонаследии духовник императрицы архимандрит Варлаам и архиепископ Феофан Прокопович посоветовали государыне воспитать принцессу в православной вере, найти ей равнородного жениха, а детей, родившихся в их браке, считать наследниками российского престола.

В результате 12 мая 1733 г. она была миропомазана и получила имя Анна Леопольдовна в честь своей тетки. Однако к власти она призвания не имела, политикой не занималась, на троне пробыла чуть больше года и, даже не успев короноваться, была смещена.

О религиозном воспитании Анны Леопольдовны известно немного. Скорее всего, это была лишь формальная катехизация для законного проведения в Церкви таинства миропомазания.

Царствование следующей императрицы, дочери Петра Великого *Елизаветы Петровны*[80] для русской Церкви было более чем благодатным. В противовес Анне Иоанновне, при дворе которой все же доминировали протестанты, Елизавета была подчеркнуто религиозной и демонстративно делала ставку на православие, что было близко и понятно ее подданным. Высшие ступени церковной иерархии стали занимать противники Феофана Прокоповича. Святейший Синод получил в свои руки цензуру, чем не преминул воспользоваться[81].

Известно, что в детстве Елизавета, как и ее старшая сестра Анна, долгое время считалась незаконнорожденной. Однако они с сестрой были «привенчаны», то есть во время таинства бракосочетания своих родителей в Исаакиевской церкви ходили за ними вокруг аналоя. После этой церемонии обе девочки официально стали именоваться цесаревнами[82].

Детские годы Елизаветы прошли в подмосковных селах

Преображенском и Измайловском в окружении патриархальной «русской старины». Неподалеку располагалась Александровская слобода, куда часто ездила юная цесаревна. Возможно, с той поры она полюбила бывать на богомолье, особенно в Троице-Сергиевой лавре, а также привечать странников, нищих и юродивых. Она часто принимала участие в крещении детей гвардейцев, и те называли ее не иначе как «матушка».

Как и отец, Елизавета Петровна любила все делать напоказ и была одновременно и актрисой, и зрителем всех своих спектаклей. Церковь как раз и была ее сценой, где государыня могла проявить все свои таланты. Известная своей набожностью, Елизавета строго соблюдала посты, читала душеполезные книги, а также отмечала хороших проповедников[83]. Императрица всей душой любила церковное пение и певчих, за отбором которых сама следила, посылая специальных людей в Малороссию. Она не пропускала ни одной торжественной службы, каждое воскресенье бывала на богослужении и даже «сама вышивала для церквей воздуха и пелены»[84].

Общее образование цесаревны, однако, не отличалось системой, особой глубиной и разносторонностью. Ей преподавали азбуку, арифметику, географию. Особо преуспела цесаревна в совершенном знании французского языка[85] (с ее именем в дальнейшем стали связывать начало галломании в России), а также прекрасно танцевала.

При этом специального законоучителя Елизавете Петровне определено не было, так как слишком далека она была «в очереди к трону», имея с детства впереди себя претендентов мужского пола[86].

В 1761 г. императрица Елизавета Петровна скончалась, и династия Романовых, оставшаяся на политической сцене лишь как историческое предание, прервалась.

Следующим императором стал *Петр III*[87]. С рождения будущий российский государь являлся наследником сразу трех монархов: шведского короля Карла XII, герцога Голштинского Карла-Фридриха и российского императора Петра Великого, дочь которого Анна приходилась ему матерью. В детстве маленького Петра готовили к шведскому трону и воспитывали протестантом. Богословие ему преподавал лютеранский пастор Хоземан[88].

Однако императрица Елизавета Петровна, мечтавшая узаконить права своего племянника на российский трон, решила приобщить его поскорее к православию. Когда будущий наследник престола приехал в Россию, академиком Штеллиным был составлен план его воспитания, одобренный государыней. Особенное внимание в программе обучения было уделено

русской словесности и Закону Божию, которым было посвящено каждое утро с 8 до 10 часов. По рекомендации митрополита Киевского и Галицкого Рафаила (Заборовского) был вызван ко двору Симон Тодорский[89]. В 1742 г. именным указом императрицы Елизаветы он был назначен законоучителем для великого князя, причем «иеромонаху Тодорскому было приказано торопиться в видах предстоящего миропомазания Петра с обучением его православному катехизису»[90].

Когда после смерти в 1751 г. шведского короля Фридриха представители государственных чинов предложили цесаревичу Петру корону Швеции, он уже оказался давно миропомазанным в православие с наречением имени Петра Федоровича и объявлением его прямым наследником государыни Елизаветы Петровны. А иеромонаха Симона с 1749 г. перевели в ранг духовника великого князя.

Короткий срок правления императора Петра III Федоровича (всего 186 дней) не оставил заметного следа в истории. Государь даже не успел короноваться ввиду его быстрого и насильственного отстранения от престола. Нельзя также серьезно судить о религиозности монарха. Однако новый государь сделал все, чтобы пренебрежением к религии своего народа отдалить от себя и духовенство, и подданных. При его воцарении уже во время первого молебна в придворном соборе и присяги «поведение Петра III превзошло всякое вероятие». Государь открыто демонстрировал абсолютную безучастность и неуважение не только к происходящему, но и даже к судьбе своего родного сына, не включив в форму присяги имени наследника престола, великого князя Павла Петровича[91].

По словам Екатерины II, новоиспеченный император не скрывал своей радости по поводу смерти Елизаветы Петровны. Он имел совершенно позорное поведение, «кривляясь всячески и не произнося ничего, кроме вздорных речей, не соответствовавших ни сану, ни обстоятельствам, и представляя более смешного арлекина, нежели иного чего»[92]. В день же самих похорон императрицы Елизаветы он был «непристойно весел»[93].

Екатерина Алексеевна, напротив, «исполнила со всяким рдением» все траурные церемонии по усопшей государыне, «в чем и заслужила похвалу от всех»[94]. Она сознательно ни во что не вмешивалась и тем самым дала возможность окружающим сделать самостоятельные выводы о поведении супруга.

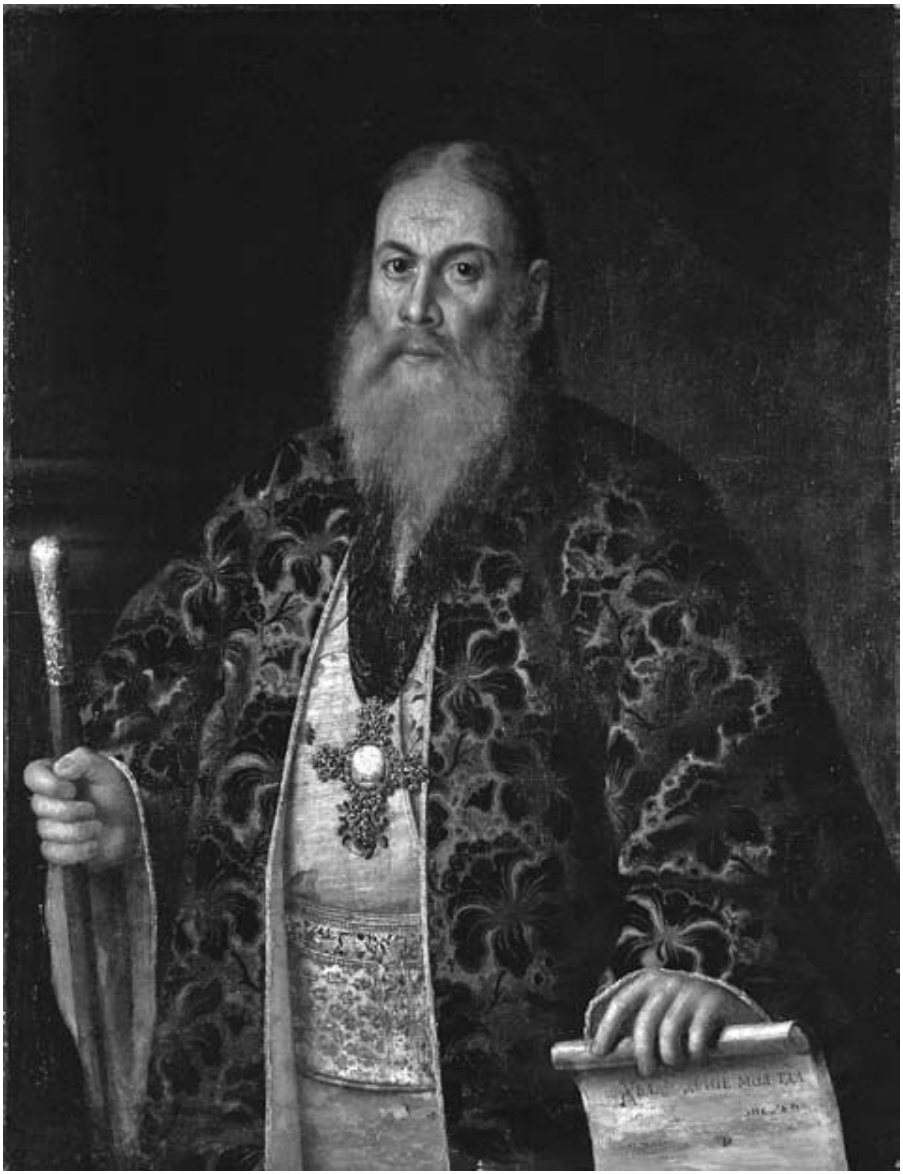
По замечанию Н. К. Шильдера, еще будучи наследником, великий князь Петр Федорович имел привычку «оскорблять религиозные чувства русского народа». Например, во время богослужения он показывал язык духовенству, выказывая тем

самым глубокое свое неуважение к их персонам. И вообще православную церковь он посещал редко, открыто симпатизируя лютеранам. Известна единственная запись в камер-фурьерском журнале о том, что великий князь Петр Федорович исповедовался и причастился у духовника императрицы Елизаветы Петровны протопресвитера Ф. Я. Дубянского[95].

Петр III, «мало набожный в своих приемах, не сумел приобрести доверия духовенства»[96], хотел побрить их «на манер пасторов» и даже начал процесс секуляризации церковных земель, что больно ударило по экономическому состоянию Церкви. Более того, одним из первых распоряжений нового императора было запрещение иметь домовые церкви. Первенствующему архиерею Святейшего Синода митрополиту Дмитрию Сеченову цесаревич приказал, «чтобы все образа, кроме образов Спасителя и Богоматери, были вынесены из церквей и чтоб священникам было предписано брить бороды и поповские рясы заменить пасторскими сюртуками»[97]. Эти откровенные нападки на православие не могли оставить безучастными ни духовенство, ни подданных.

Неудивительно, что в народные массы стали проникать сомнения, что наследник «не русский» и престол скоро займет «немец» и «лютер». В результате постепенно доверие к власти стало иссякать.

Но особенно не любил императора корпус гвардейцев, гарнизон которых находился в столице. Гвардия была особенно приближена к монаршей персоне и держала в своих руках весь императорский двор. Именно в их среде созрел заговор, благодаря которому произошла молниеносная смена власти.



Антропов А. П. Портрет духовника Ф. Я. Дубянского. *Источник*: Государственный Эрмитаж

Император Петр III Федорович, не успев короноваться, 28 июня 1762 г. был убит. Подданным было объявлено, что государь умер от геморроидальных колик. В тот же день архиепископ Дмитрий Сеченов в Казанском соборе провозгласил его жену великую княгиню Екатерину Алексеевну «самодержицей Всероссийской»[98]. Ее супруг удостоился лишь скромных похорон в усыпальнице Александро-Невской Лавры[99].

Императрица *Екатерина* II *Алексеевна*[100], которую в семье

называли Фигхен, была с детства воспитана, как и ее муж, в протестантской вере. Закону Божию на родине ее обучали придворный проповедник Перор и лютеранский законоучитель пастор Дове[101].

Родилась будущая российская императрица в старом померанском городе Штеттине. Исследователи не нашли в этом городе ни в одной приходской церковной книге упоминания ни о ее рождении, ни о крещении, из чего сделали вывод, что ее мог окрестить лютеранский пастор, не причисленный ни к какому приходу. О серьезном религиозном обучении также не осталось сведений. Известно только, что в воспитании принимал участие придворный проповедник Штеттина господин Моклер, который «часто посещал» молодую Фике, «особливо по воскресеньям»[102].

Ее родители, принц Христиан-Август Цербстский-Дорнбург и принцесса Иоанна-Елизавета Голштинская, принадлежали к владетельному дому, который прекратил свое существование в 1793 г. Отец зарабатывал на жизнь в качестве прусского офицера. Голштинская и Брауншвейгская ветви немецких домов состояли в родстве с Петром Великим и с его старшим братом Иоанном. Известно, что оба брата умерли, не оставив наследников мужского пола. Именно тогда в качестве претендента на российский трон и возникла персона цесаревича Петра Федоровича, который приходился троюродным братом Фигхен по линии Голштинского дома.

Неизвестный художник. Портрет Петра III Федоровича в детстве. *Источник*: Государственный Эрмитаж

Прибыв к российскому двору в качестве невесты наследника престола, Екатерина быстро осознала, что занять высокое положение в России и получить корону можно только в случае, если она сделается истинно русской.

Когда в 1744 г. для обучения религии к ней был приставлен иеромонах Симон Тодорский, она так рьяно взялась за дело, что все окружающие стали замечать, что «ознакомление ее с православием совершилось быстро, и вскоре она ясно и отчетливо могла произносить русские молитвы и православный Символ веры»[103].

Однажды она даже заболела вследствие того, что поднималась по ночам с постели и, гуляя на босу ногу по

холодному полу, прилежно твердила замысловатую русскую грамоту. Это обстоятельство чрезвычайно восхитило императрицу Елизавету Петровну, которая убедилась, насколько желала сблизиться великая княжна со своим новым отечеством и как добросовестно относилась к своему положению. Еще больше упрочился статус Екатерины Алексеевны, когда в день кризиса тяжелой болезни ей было предложено побеседовать с немецким пастором, но она отказалась и пожелала, чтобы к ней был приглашен отец Тодорский. Этот жест еще более усилил расположение к молодой великой княгине самой императрицы, придворных и всего народа – ее будущих подданных.

В июне 1754 г. принцесса София была торжественно миропомазана, причем «по получении от Новгородского архиепископа Амвросия благословения она ясным и твердым голосом и чисто русским языком произнесла Символ веры, не запнувшись ни на едином слове, и на все вопросы архиепископа отвечала с уверенностью и твердостью. Своим поведением в церкви новонареченная великая княжна Екатерина Алексеевна привела всех в восторг и удостоилась в тот же день получения от Елизаветы Петровны богатых подарков»[104].

Гроот Г.-Х. Портрет великой княгини Екатерины Алексеевны в юности. *Источник*: Государственный Эрмитаж

25 августа 1745 г. состоялось ее бракосочетание с наследником русского престола «по церемониальному образцу свадьбы французского дофина в Версале и польского, Августа И, в Дрездене»[105].

Великая княгиня Екатерина Алексеевна приняла православие не только потому, что так велел закон России, но и с далеко идущими намерениями. Секретарь французского посла в Петербурге шевалье К. К. Рюльер так писал об этом: «…сами родители принудили ее оставить ту религию, в которой она воспитана, чтобы принять греко-российскую, и в условии было

сказано, что если Государь (*Петр III. – М. Е.*) умрет бездетен от сего брака, то супруга его непременно наследует престол»[106].

За время своего пребывания при дворе императрицы Елизаветы Петровны молодая Екатерина, наблюдательная от природы, всегда готовая принять обычаи своей новой родины, не могла не почувствовать доминирующую роль Церкви в жизни русских людей.

Возможно, поэтому, описывая дворцовый переворот 1762 г., тот же К. К. Рюльер заметил: «Все вельможи, узнав поутру о сей новости, торопились во дворец. […] Они услышали во дворце торжественную службу, увидели священников, принимающих присягу в верности, и императрицу, употребляющую все способы обольщения»[107]. И далее: «В полдень первое российское духовенство, старцы почтенного вида […] украшенные сединами, с длинными белыми бородами, в блестящем и приличном одеянии, приняв царские регалии, корону, скипетр и державу, со священными книгами, покойным и величественным шествием проходили через всю армию, которая с благоговением хранила тогда молчание. Они вошли во дворец, чтобы помазать на царство императрицу, и сей обряд производил в сердцах не знаю какое впечатление, которое, казалось, давало законный вид насилию и хищению»[108].

Даже иностранец, догадываясь о насильственном смещении власти, не мог не заметить, что значит поддержка Церкви для монархини в этот момент. Тем более это условие твердо усвоила Екатерина, чье возведение на престол само по себе имело вид торжественной церковной службы.

Государыня всегда и во всем имела трезвый расчет, а религия была лучшим способом управления народом. Православие ей было необходимо прежде всего для оправдания своих притязаний на власть. Даже в своем Манифесте о вступлении на престол в качестве одной из главных побудительных причин занять трон императрица указала, что Петр III «понизил закон», то есть Православие, а она вознамерилась «вернуться к закону»[109].

Позже монархиня также не упускала случая приблизить к себе духовную персону, но никогда не обольщалась на счет представителей духовенства и не приписывала им излишней святости. Екатерина II всегда старалась подчеркнуть, что награду или повышение по службе священник получал из ее рук не как плату за труд, а как знак особой милости с ее стороны. Возведение в архиерейский сан также зависело от личного расположения государыни. В переписке с бароном Ф.-М. Гриммом она писала: «Всякий кандидат на епископство, который проповедует при мне, выбирается мною не по красноречию или

учености, а по той доброте душевной, которая нам открылась в его речи»[110].

Можно предположить, что именно «сердечная доброта» являлась одним из главных качеств ее законоучителя иеромонаха Симона Тодорского, «епископа Псковского»[111], о котором государыня вспоминала в своих мемуарах.

Напомним, что иеромонах Симон был выпускником Киево-Могилянской духовной академии. Это высшее учебное заведение было прославлено своими учеными, философами и богословами, а также знаменитыми выпускниками, сделавшими в XVIII в. головокружительные карьеры в России. Достаточно вспомнить имена таких сподвижников Петра I, как архиепископ Феофан Прокопович и фельдмаршал Борис Петрович Шереметев. Выпускником академии был также первый министр просвещения России, фаворит императрицы Екатерины Петр Васильевич Завадовский. Среди тех, кто вышел из стен академии, были также Григорий Сковорода, Симеон Полоцкий, Иван Мазепа и многие другие.

По окончании обучения Симон Тодорский в течение десяти лет слушал лекции в заграничных университетах, в том числе в Галле (Германия). В историю русской Церкви он вошел скорее как писатель-проповедник и филолог-ориенталист (востоковед), поскольку в совершенстве владел рядом восточных языков: еврейским, сирийским, халдейским, арабским и греческим, а также легко мог изъясняться на немецком и латыни. Его блистательные проповеди, произнесенные при дворе по случаю больших праздников, сразу же по указу императрицы Елизаветы Петровны публиковались значительными тиражами и с восторгом принимались публикой. Однако среди его трудов не сохранилось ничего специально предназначенного для его августейших учеников, за исключением панегирического сочинения «В день венчания великого князя Петра Федоровича с Екатериной» (М., 1745). Правда, в обязанности Тодорского не входило глубокое религиозное образование уже достаточно взрослого (14 лет) наследника, а затем и его невесты. Потому четких данных о каких-либо особенностях в методах обучения иеромонаха Симона до настоящего времени нам найти не удалось.

Поскольку лютеранский Символ веры практически ничем не отличался от православного, можно только косвенно предположить, что обучение прошло гладко, было достаточно традиционным и не особенно глубоким. В дальнейшем сама императрица Екатерина, демонстрируя внешнее благочестие, все же глубокой нравственной религиозностью не отличалась.

Екатерина Алексеевна переняла от эпохи прежнего правления

лишь внешний набожный стиль поведения. В самом начале своего царствования, зная о нелегитимности своих притязаний на власть, она усиленно посещала церкви и монастыри, как бы замаливая грех муже-и цареубийства, и публично благодарила Бога за то, что Он избрал ее на престол. Она строго соблюдала все посты и требовала того же от своего окружения, пешком ходила на богомолья, публично восхищалась проповедниками и «не позволяла в своем присутствии говорить против религии […] целовала у духовенства руки, шла иногда в крестных ходах»[112].

Тщательное соблюдение православных традиций императрицей описывает также неизвестный немецкий автор, который наблюдал ее во время придворного богослужения: «Когда священник что-либо читал или пел речитативом, то государыня, подобно простонародью, делала весьма глубокие поклоны верхним корпусом и при каждом поклоне крестилась трижды. Эти поклоны она делала так низко, что верхняя часть тела по отношению к ногам составляла прямой угол. […] Таких крестных знамений делала монархиня в течение получаса, пожалуй, до 50 и доказывала благочестие»[113].

Тем не менее в своих многочисленных путешествиях государыня все более убеждалась в этническом и культурном многообразии Российской империи и, несмотря на доминирующую православную веру, при выработке имперской идеологии старалась показать этнокультурную терпимость и религиозную толерантность[114].

Глава 4. «Московский Златоуст» Платон Левшин

По-настоящему первым из наследников, у кого был подлинный учитель Закона Божия, стал император *Павел I*[115].

Император Павел I Петрович – одна из наиболее загадочных и трагических фигур на российском престоле. Несмотря на обширную историографию, его персона до сих пор окружена завесой тайн, сплетен и домыслов. Между тем А. С. Пушкин называл его «романтическим императором» и собирался написать историю его царствования. А. И. Герцену принадлежало еще более яркое определение – «коронованный Дон Кихот». В литературных кругах рубежа XIX–XX вв. с легкой руки поэта Д. С. Мережковского Павла называли «Русским Гамлетом» за схожесть судеб с датским принцем. Сам Лев Толстой говорил о Павле: «Я нашел своего исторического героя. И ежели бы Бог дал жизни, досуга и сил, я бы попробовал написать его историю»[116]. К сожалению, этим замыслам не суждено было сбыться.

Никто более из российских государей не казался столь противоречивым на троне. Даже рассматривая религиозность Павла Петровича, историки не сформировали сколько-нибудь целостной картины его мировоззрения. В исследованиях отмечались его болезненная религиозность и мистицизм[117], склонность к католицизму и влияние на него масонских идей[118], связи с Мальтийским орденом[119] и многое другое. В некоторых работах утверждалось, что Павел вообще больше любил бывать на плацу, чем в церкви[120].

Тем не менее религиозная составляющая играла решающую роль во внутренней и внешней политике Павла I. Именно Платон (Левшин)[121], которому историки традиционно отводят ведущее место среди русских иерархов той эпохи, на долгие годы стал духовным наставником императора.

Владыке Платону[122] также посвящено немало сочинений[123], в которых его признают как высшего администратора[124], как талантливого писателя[125], как выдающегося богослова [126] и как придворного проповедника[127], получившего известность не только в России, но и далеко за ее пределами. Однако его роль в деле религиозного воспитания сына Екатерины Великой, на наш взгляд, освещена недостаточно полно.

Биография митрополита Платона была традиционна для иерарха того времени[128]. Происходил он из семьи

церковнослужителя. В автобиографии[129] он отмечал, что родился на восходе солнца в Петров День[130] и потому назван был Петром. Его отец, причетник церкви, в это время бил в колокола к заутрене. Мальчик с раннего детства прежде всех наук постигал умение молиться, а грамоте, как и все дети его окружения, также обучался по церковным книгам. В восемь лет он уже свободно читал, пел в церковном хоре и мог на клиросе «править во время литургии».

Сначала сына церковнослужителя отдали учиться в Коломенскую семинарию, а затем в Славяно-Греко-Латинскую академию. Основанная в 1687 г. выдающимся богословом Симеоном Полоцким и его учеником Сильвестром Медведевым, академия долгое время считалась единственным высшим учебным заведением России. Многие ее выпускники в дальнейшем стали известными учеными, дипломатами, деятелями культуры, искусства и Церкви.

Портрет цесаревича Павла Петровича в Учебной комнате. *Источник*: Государственный Эрмитаж

Кроме богословских предметов, Петр Левшин самостоятельно овладел греческим и французским языками, стал свободно пользоваться немецким и латынью. Во время учебы в академии на него была возложена обязанность толкования в церкви Катехизиса.

Каждое воскресенье эти беседы привлекали со всей Москвы многочисленных прихожан, и в скором времени о нем пошла

слава как о «московском апостоле» и «втором Златоусте». Сам владыко вспоминал это время как самое счастливое в своей жизни.

По окончании учебы он был переведен преподавателем семинарии при Троице-Сергиевой лавре, где и принял в 20-летнем возрасте монашеский постриг с именем Платон. Придворным проповедником в то время был Гедеон Криновский, занимавший должность архимандрита лавры. Он же стал первым покровителем Платона, взяв его на масленицу 1759 г. в Петербург. Но по-настоящему знакомство со столицей и придворным обществом произошло несколько позже.

Будущая императрица Екатерина Алексеевна была тогда еще лишь великой княгиней и не пользовалась никаким влиянием при дворе. Она даже была разлучена с сыном после его рождения по воле государыни Елизаветы, которая сама занялась его воспитанием.

Великий князь Павел Петрович был на тот момент единственным правоспособным лицом для занятия российского престола, и потому его стали воспитывать как наследника. В раннем детстве он был отдан на попечение нянек, сказочниц, богомолок и приживалок. Когда же Елизавета всерьез начала обдумывать способы воспитания цесаревича, она обратилась за советом к графу Никите Ивановичу Панину, главному воспитателю наследника. Он сочинил пространный опус[131], в котором развил мысль о богословском воспитании: «Три главные и начальные человеческие добродетели, о которых здесь упомянуть должно, суть: чувствительное познание своего Творца; Его святое намерение в создании нас и нашей за то Ему посвященной должности»[132]. Отсюда следовал вывод, что «познание Бога» – это главное, чему следует обучать цесаревича». В ответ императрица собственноручно составила «Инструкцию»[133], или «Наставления»[134], адресованные Н. И. Панину, от 24 июня 1761 г. В частности, в пункте первом там было сказано: «Познание Бога да будет первый долг и основание всему наставлению»[135].

В канун Рождества 1781 г. императрица Елизавета Петровна умерла, и на трон взошла императрица Екатерина Алексеевна.

Когда государыня взошла на престол, в мае 1763 г. по обычаю русских монархов[136] она приехала в Троице-Сергиеву Лавру на поклон к мощам преподобного Сергия Радонежского. Здесь же в поле ее зрения попал удивительный проповедник – первый соборный иеромонах Платон, поздравительная речь которого до слез растрогала государыню. В своей проповеди он развил мысль о Божьем промысле на избрание царей[137], сравнивая монарха с

пастырем, а его подданных с паствой, тем самым проведя прямую аналогию правителя с Иисусом Христом. Императрица тут же приказала проповедь отпечатать[138].

Поскольку вопрос о законоучителе для наследника до того времени оставался открытым, Екатерина Алексеевна решила остановиться на кандидатуре ученого монаха из Троице-Сергиевой лавры. Правда, перед утверждением его в должности граф Никита Панин решил проэкзаменовать будущего законоучителя. Не будучи богословом, но имея высокий статус при дворе и большой авторитет в глазах самой государыни, он спросил Платона, не суеверен ли он. Но тот ответил, что ненавидит суеверов и ханжей[139]. Сей ответ показался всем весьма достойным.

Однажды сам Платон вспоминал, что императрица в начале их знакомства спросила, почему он избрал монашескую жизнь. Он ответил: «По особливой любви к просвещению». Екатерина удивилась: «Да разве нельзя в мирской жизни умножать просвещение?» «Льзя, – ответил ученый монах, – но не столь удобно, имея жену и детей и разные мирские суеты, сколько в монашеской жизни, где по всему свободен». Из этого разговора Платон сделал вывод, что «сей ответ убедил императрицу в избрании его учителем»[140].

В результате через полгода после первой встречи императрицы и иеромонаха в камер-фурьерском журнале уже появилась запись, что 2 ноября 1763 г. в придворной церкви «проповедь говорил учитель Его Императорского Высочества […] иеромонах Платон»[141].

Обучение вере, как и прочим общеобразовательным предметам, обычно начиналось с 7-9-летнего возраста. С этого же времени начиналось и духовное воспитание. Это не случайно. Напомним, что в православии до семи лет ребенок считается младенцем, не способным сознательно совершать грехи, и потому причащается без исповеди. После семи лет он уже отрок, вполне отвечающий за свои слова и действия. Именно с этого возраста у ребенка появляется возможность исповедоваться и с ним в церкви начинает общаться духовник[142]. У великого князя Павла Петровича религиозное воспитание началось с девяти лет.

Законоучитель был определен на квартиру в бывшем деревянном Зимнем дворце[143], и ему было положено приличное жалованье[144]; уроки наследнику он должен был давать три дня в неделю: в понедельник, среду и пятницу в течение одного часа. По воскресеньям и в праздничные дни он читал с наследником перед обедней Священное Писание с объяснениями[145], причем время занятий было не ограничено.

Для лучшего усвоения материала иеромонах составил книжку-учебник с религиозными вопросами и ответами, своего рода Катехизис[146]. Этот труд, специально предназначенный Платоном для усвоения цесаревичем основ вероучения, был издан позже отдельным томом[147]. Книга имела отметки на полях, сделанные рукой 11-летнего Павла.

Катехизис был опубликован в России в 1765 г. тиражом 800 экземпляров (второе воспроизведение – 1780 г.)[148], а также был переведен на несколько иностранных языков и вскоре получил широкую известность за рубежом.

Данное сочинение стоит особняком среди прочих трудов Платона. Несмотря на то что он оставил после себя богатейшее богословское наследие (например, им было составлено несколько Катехизисов: для мирян, для священников и т. п.), этот сборник содержал основы вероучения, специально адресованные для будущего православного императора. В книге наряду с объяснениями заповедей, основных молитв, значения обрядов и таинств главное внимание было уделено *обязанностям государя перед Богом, Церковью и народом* (*выделено мной. – М. Е.*).

Таким образом, именно Платоном Левшиным при Российском императорском дворе впервые было озвучено учение византийского богослова IV в. Евсевия Памфила. В частности, в тексте было сказано: «А наипаче для государя благочестивая вера есть особливо полезна: ибо она его, яко никакому человеческому закону не подлежащего подвергает закону своему, а чрез то содержит его в пределах святой правды, – притом делает, чтоб он без расслабления проходил свою великую должность»[149].

В этой работе Платон особо подчеркивал, что нет никого на земле выше государя, а потому ни от кого монарх не может получить награды за свои подвиги, кроме самого Всевышнего. Как воля Бога должна быть для императора непрекословным законом, так воля императора должна быть законом для подданных. «Но чтоб сия между человеком неограниченная воля не была употреблена во зло, вера ей свои священные предписывает правила, и Государя, неподверженного законам человеческим, подвергает Закону Божьему», – писал Платон[150].

Книга состояла из введения, двух частей, молитв и «Рассуждения о Мельхиседеке». Зная, что Катехизис будет опубликован, в начале текста Платон поместил обращение к читателю, где было сказано, что высокий пример Его Императорского Высочества должен возбудить родителей, чтобы детей своих с младенчества воспитывали в законе Господнем, готовили их к честности и беспорочному житью в будущем.

Когда законоучитель разъяснял цесаревичу его будущие

обязанности, он пытался говорить простым и ясным языком, далеким от схоластических богословских проповедей. Так, согласно учению Церкви, будущему государю необходимо прилагать старание, чтобы его народ обучался Закону Божию для стремления к добру и обуздания своих порочных желаний. В свою очередь долг монарха – служить «примером и светлым зерцалом», в котором подданные его могли бы усмотреть дух благочестия и пример для подражания. Заключал же он свое сочинение словами: «Сама Христианская Церковь на земле вручает себя покровительству Государю».

Занятия с наследником начались 30 августа 1763 г. сначала устно – с рассуждения о пользе обучения богословию. По книге уроки продолжались с 13 апреля 1765 г.[151], о чем в книге есть пометка, сделанная рукой Павла Петровича.

12 сентября того же года в присутствии императрицы Екатерины Алексеевны состоялся экзамен по богословию, о чем также имелась запись рукой архиепископа Платона на двадцать седьмой странице, где заканчивалась первая часть обучения.

Платон писал во введении, что в этом сочинении великий князь увидит «высокие истины о Бытии Бога и […] его совершенствах», о том, как Господь создал этот мир, украсил его и связал своим Промыслом, как Он этот мир сохраняет и им управляет; цесаревич познакомится с евангельскими таинствами и откровениями. «Ваш разум просветится, – писал Платон, – чистейшими Евангельскими нравоучениями с самыми подробными испытаниями добра и зла»[152].

Прежде всего в этом труде было отмечено, что будущему государю необходимо прилагать старание, в противном случае бывали примеры бесславных правителей, которые оставили после себя в истории свои имена «в омерзении», чьи цветущие государства пали и «цари не благочестивые были тому причиной».

Наследник завел тетрадь, где все уроки записывал в виде вопросов и ответов[153]. Одновременно Платон также начал вести дневник с 29 августа 1763 г. (день, когда он вступил в должность законоучителя) и по 8 сентября 1765 г. (за несколько дней до сдачи наследником экзамена по богословию).

В дневнике были отмечены не только темы уроков, но и ответная реакция на них маленького Павла. Первая глава Катехизиса называлась «О естественном познании Бога». В ней имелась непрерывная цепь рассуждений, приводящих к выводу о существовании Всевышнего[154]. Например, мы сами себя создать не могли, и этот мир также сам себя создать не мог. Значит, все это кто-то создал. Если все кто-то создал, значит, Он над всем

властвует. У всех народов, даже самых примитивных, есть вера и алтарь. Значит, все без исключения верят в Бога. У всех людей есть совесть, которая страдает от греха и радуется правде. Значит, не может человек удовлетворяться только земными радостями, а есть чувства более высокие. Узнав, что Бог есть, человек в меру своих возможностей пытается Его себе вообразить. Значит, внутри него есть что-то, отличное от тела, дающее возможность познавать самого себя, мир и Бога. Значит, есть душа[155].

Павел, выслушав урок, спросил: «Что прежде мира было?» «Ничего, кроме Бога, – ответил Платон, – ибо все вещи заключены в мире; а когда мир сделан из ничего: следует, что прежде мира не было ничего, кроме Бога»[156].

В Катехизисе имелось рассуждение о Священном Писании, о его разделении на Ветхий и Новый Заветы; о происхождении Спасителя. «А почему Иисус Христос называется Сын Давидов и Аврамов, если они его не родили?» – спросил Павел. «Потому что он их потомок», – ответил Платон[157].

Перед глазами маленького цесаревича представали все пророчества и чудеса, нравоучения и заповеди, легенды и мифы[158]. Павел постоянно задавал вопросы, а Платон терпеливо на них отвечал. Но бывало, что и законоучитель спрашивал своего ученика: «Почему Святой Дух явился в виде голубя?» И получал ответ: «Голубь есть птица самая чистая». Когда же речь зашла, отчего Бог при крещении творил чудеса, Павел ответил: «Чтобы фарисеи уверовали»[159].

За время занятий подробно говорилось о грехах и преступлениях людей, об их последствиях и примерах спасения от них. «Для спасения человека Бог сам воплотился в Христе», – заключал Платон[160]. Так же подробно рассказывалось о божественной и человеческой природе Христа, который соединил в себе три ипостаси: Царскую, Священническую и Пророческую; о Его делах и пророчествах, о муках, погребении и воскресении[161].

На следующих уроках выяснили, что если Бог есть, то человек обязан относиться к Нему с почтением. Но есть почитание внутреннее, а есть внешнее[162]. Платон подчеркивал, что оба вида поклонения обязательны для христианина. «Сие Богопочтение не может остаться без награды, а нечестивость без наказания, ибо Господь все видит»[163], – сделал вывод законоучитель. «Воображаю такового, который все видит», – был ответ Павла[164].

Платон давал объяснение, что такое Церковь, и утверждал, что Церковь всегда была и будет гонима, ибо «между добродетелью и пороком есть вечная, непримиримая брань», а в

качестве примера приводил судьбу Каина и Авеля[165].

Особое внимание Платон обращал на доказательство правоты Греко-Российской Церкви. Он считал, что от ее единства отрываются все те, чье общество «не есть Церковь, а сборище неправославное». И далее он называл «три знатнейшие в христианстве секты: Папскую, Лютерскую и Кальвинскую», которые «все себе взаимно противны»[166].

«Наша Церковь с апостольских времен содержит ненарушимые предания. Еретические учения она соборами Вселенскими отражала»[167], – делал вывод Платон. «Папство, – продолжал он, – кроме того, что суевериями самыми вредными наполнено», догмат о Святом Духе «перетолковывает», «чашу причащения и чтения Священного Писания от простого народа отняло» и присваивает себе «неизвестное Евангелию владычество». А кальвинизм и лютеранство, по мнению Платона, также «отвергли и святые предания апостольские первенствующей церкви» и, кроме того, «противно Писанию учат о тайне причащения и о прочих тайнах»[168].

Не останавливаясь подробно на разнице в догматах всех конфессий, Платон пытался доказать, что поскольку Греко-Российская Церковь, заложенная в первые века христианства и хранящая предания, может считаться первенствующей и потому истинной, то все прочие, отколовшиеся от нее с течением веков, могут называться лишь «сектами», проповедующими еретические учения. Только в России и Греции не было нарушения веры, «а Церковь наша православная не только есть истинная, но едина также от самого начала мира». Мы приняли веру от греков, они – от апостолов, а апостолы неразлучны были с ветхозаветными преданиями и самим Спасителем[169].

Таким образом, Платон подводил наследника к мысли о первенстве Церкви, к которой принадлежал российский монарх. «А если бы я магометанина имел слугу, должен ли я принудить его нашу веру принять?» – спросил Павел. «Не должно принудить», – ответил ему Платон. «И мне так кажется», – согласился цесаревич[170].

С января 1764 г. стали подробно разбирать каждое положение Символа веры[171]. В дальнейшем заговорили о священных обрядах и таинствах, в которых под «чувствуемыми видами подается верующим невидимая Божья Благодать»[172].

Когда речь зашла об Иуде, юный цесаревич заметил, что «хитрые люди подобны мартышке, которая, кажется, ласкается и вертится, но того и смотрит, чтобы укусить»[173]. Когда заговорили, какое вино надо употребить при евхаристии – белое или красное, Павел справедливо предположил, что «красное

приличнее»[174], ибо это цвет крови.

В дневнике Платона было отмечено, что в марте 1764 г. наследник под руководством законоучителя стал готовиться к исповеди и причастию. «Я часто себя экзаменую, – признался Павел, – особенно когда вспоминаю Страшный Суд»[175]. Вообще, когда начали читать о Страшном Суде, то Павел попросил не делать этого и сказал, что он уже читал об этом и помнил: «…а теперь еще читать боюся»[176].

Когда же заговорили о покаянии, великий князь спросил учителя, не будет ли считаться грехом, если он что-нибудь забудет объявить на исповеди. Платон ответил, что грехом не будет, но лучше вспомнить все[177]. На следующем уроке заговорили о вечном покое, который возможен лишь в вечной жизни. «И то правда, – вздохнул на это Павел и, как в доказательство тому, добавил, что вот, например, в театре веселятся; а ну как нечаянно (чего Боже сохрани) загорится, так все веселие и пропало»[178].

На других уроках разбирали утверждение, что «вера без дел мертва», разоблачали еретиков, язычников и суеверов; подробно изучали все заповеди и повседневные молитвы[179], а также говорили о всеобщем воскресении мертвых.

«Все ли люди воскреснут?» – решил однажды проэкзаменовать своего ученика Платон. «Да, – ответил Павел, – да только с разными аттестатами»[180]. «А каким образом воскреснут наши тела?» – не унимался Платон. Павел замешкался, затем ответил, что это, дескать, курьезность излишняя.

Когда Платон сказал, что все святые после второго пришествия Христа будут вместе и что и мы будем в их содружестве, то Павел оживился, произнес: «Тогда я и увижу Павла, своего патрона», и порадовался, что увидится со всеми своими предками[181].

Однажды речь зашла об апостоле Петре. Когда цесаревичу стало известно, что тот отговаривал Христа умирать, то Павел заметил: «Видно, Петр был простого сердца»[182].

Когда рассказ зашел об Андрее Первозванном, Платон объяснил своему ученику, что это тот самый Андрей, которого он кавалерию носит. «А почему сия кавалерия установлена во имя Андрея?» – заинтересовался Павел. «А потому, – ответил ему учитель, – что сей Апостол ходил в Россию и предрек ей православие». «Тогда еще не было России», – возразил наследник. «Империи не было, а народ был. От него мы и ведем родство»[183], – ответил наставник.

Таким образом, в живой беседе шаг за шагом сам Павел при

помощи своего учителя постигал не только основные положения вероучения, но и уроки отечественной истории.

Все окружающие великого князя отмечали, что «высокий воспитанник» всегда был к набожности расположен и «рассуждения или разговоры относительно Бога и веры были ему всегда приятны»[184]. Правда, обилие при дворе всяческих развлечений (балов, парадов, обедов) часто мешало проведению занятий. Однако уроки не прошли даром, и однажды Павел поведал, что стоял у окошка и увидел нищего. Сначала он отошел прочь, «но как мне пришел на ум Страшный Суд, – вспоминал цесаревич, – так я велел нищему этому подать милостыню»[185]. Однако через год, в 1765 г., когда речь снова зашла о том, что делать с нищими, наследник ответил: «Слабых снабжать, а здоровых к работе определять»[186].

Для утверждения будущего монарха в его служении и для того, чтобы мальчик окончательно поверил в свои силы, Платон в том же Катехизисе приводил в пример апостолов, которые были слабые и бедные люди, без оружия и без высокого земного покровительства, но они покоряли целые народы одной своей проповедью.

Можно себе представить, как добрый, впечатлительный и ранимый по натуре Павел мог воспринимать слова своего законоучителя, с которым вынуждена была считаться даже императрица Екатерина.

Наконец, Платон стал подводить наследника к мысли об эсхатологическом смысле его будущего предназначения. Он предложил вопрос: почему законы государевы, хотя и человеческие, однако обязывают всякого к совести? И сам же ответил: «Потому что они должны быть сходны с Законами Божиими»[187].

Несмотря на то что в Катехизисе нет подробно изложенного учения о власти христианского монарха, согласно тексту Евсевия Кесарийского, законоучитель изложил его своими словами, приспосабливая к пониманию маленького Павла. Иеромонах внес в свой дневник запись о том, что 20 февраля 1764 г. наследнику «было изъяснение должностей, каких требует церковь от православного государя. Учение сие его высочество слушал с особенным вниманием, ибо должности сии, написанные на бумаге, изволил выучить наизусть»[188].

Именно этот посыл, облеченный в более простую и понятную для юного наследника форму, и стал основной идеей в его обучении. Иеромонах Платон, перед глазами которого постоянно сменялась власть, а нравы при монаршем дворе зачастую напоминали языческие оргии, чрезвычайно ответственно отнесся

к своему пастырскому служению.

В Катехизисе Платон, обращаясь к воображаемому читателю, писал, что пример воспитания цесаревича может быть положен в основу воспитания любого подданного империи. «Мы не много имеем служащих к тому духовных наставлений, – добавлял Платон, – которые бы кратко разъясняли Евангельские истины и которые служили бы первым направлением отрокам»[189].

О необходимости серьезного обучения основам православия не только наследника престола, но и всего русского народа и об отсутствии общей для всех программы обучения Закону Божию с сожалением будут упоминать не только религиозные, но и общественные деятели России XIX в[190].

В связи с этим труд иеромонаха Платона (Левшина) – непревзойденный образец для учебников подобного рода. Последующие законоучители будут использовать его текст при составлении своих программ обучения.

Ученый монах довольно скоро завоевал расположение императрицы и всего придворного сообщества, более всего потому, что он принадлежал к образованному духовенству, что было в то время редкостью. Сам о себе Платон писал, что «был он нрава веселого и словоохотливого»[191]. Знание языков помогало ему завоевать авторитет не только на родине, но и за рубежом. У него часто бывали в гостях иностранцы: греки, сербы, далматы, французы, немцы, итальянцы. Они любили приезжать к нему в гости на обед или собираться по вечерам[192]. Многие из них были люди ученые, например профессора из Кембриджа[193].

Через полномочного при дворе посла в Великобритании графа С. Р. Воронцова к Платону однажды обратились английские богословы с некоторыми догматическими вопросами, на что он послал им свое сочинение «Христианское Богословие» на латинском языке. Книга эта позже использовалась на лекциях в Оксфорде и в университете Глазго[194].

Переписку с Платоном вели ученые Германии, Италии, Швеции, Франции и других стран, занимавшиеся вопросами духовного состояния России. Однако это не означало, что иеромонах легко подстраивался под чужое мнение. Например, сколько ни вызывал его «на сближение с собою Римский Папа, сам и через своих агентов, однако же Платон, не терпевший системы папизма, уклонился от сношений с римским первосвященником»[195].

Позже к нему обращался с письмом Наполеон через своего сенатора графа Грегуара, где также была выражена надежда на воссоединение Восточной и Западной Церквей. Однако Платон отклонил и это предложение[196].

Он был скромен и дипломатичен в быту, умел отличать и приближать к себе талантливых и способных людей[197]. Вопреки монашескому чину часто бывал в театрах, где сидел в особой ложе, назначенной для членов Синода[198].

Вскоре Екатерина II осознала, что по уму своему и талантам Платон Левшин смог бы получить такое же значение, какое имел духовник императрицы Елизаветы Петровны – протоиерей Федор Яковлевич Дубянский[199]. В результате, когда в 1763 г. умер придворный проповедник Гедеон Криновский, его должность была возложена на Платона.

В присутствии высших придворных особ и самой императрицы Платон стал не раз говорить предики (проповеди) по разным торжественным случаям, и всегда к его слову оказывалось благосклонное внимание.

В начале XVIII в. среди духовенства первые роли справедливо занимали выходцы из Малороссии[200]. Некоторые из них, например Феофан Прокопович, получали образование в западноевропейских учебных заведениях и потому были менее консервативных взглядов, чем ортодоксы. Несмотря на то что новый придворный проповедник получил образование в России, он также был в ряду просвещенных монахов.

Благодаря таким проповедникам, как Платон Левшин, Феофан Прокопович, Гедеон Криновский и Гавриил Петров, религиозное учение в XVIII в. в России стало частью «Русского просвещения»[201]. Современники же отмечали, что государыня по «широковещательности Платона могла судить о его искренности»[202].

Через много лет в письме к барону Гримму за 1778 г. Екатерина II отмечала: «По случаю празднования мира архиепископ Московский Платон нас всех заставил плакать. В проповеди он обратился к фельдмаршалу Румянцеву и говорил так хорошо, так красноречиво, так справедливо и так кстати, что сам фельдмаршал заплакал, а с ним вся церковь, которая была битком набита, и я тоже»[203].

За несколько лет придворной службы Платон многократно был отмечен монаршей милостью. На прокладных листах месяцеслова за 1775 г. есть его собственноручные заметки под заглавием «Благолепия Божии в сем году на мя излиянные», где следовал довольно внушительный перечень пожалованных Платону наград и денежных премий от императрицы[204].

В том же году он был возведен в сан Архиепископа Московского и стал директором Славяно-Греко-Латинской академии, которую сам когда-то окончил. Об этом периоде в жизни иерарха существует обширная литература. Напомним

только, что самого Платона в качестве директора сравнивали с Петром Могилой[205], долгие годы возглавлявшим Киевскую духовную академию, названную позже в его честь Могилянской. В 1783 г. он начал строить Вифанскую пустынь, которая была окончена в 1787 г. и позже стала мужским монастырем.

В тот же 1787 г. в Москве на литургии, которую совершал Платон, в надлежащее время духовник Екатерины II протопресвитер Иван Панфилов неожиданно, к изумлению молящихся, провозгласил его митрополитом Московским. Для Платона это был долгожданный день его абсолютного возвышения в церковной иерархии[206]. По поводу возвышения своего законоучителя великий князь Павел Петрович писал 12 июля 1787 г.: «С великим нетерпением ожидал точного известия о новом титуле Вашего преосвященства. […] Спешу Вас с сим, как и жена моя, поздравить»[207].

Однако это была лишь внешняя сторона придворной службы, внутренняя суть которой была мало похожа на идиллию. В Священном Писании сказано, что «и бесы веруют и трепещут» (Иак. 2:19). Это значит, что мало только одной веры в Бога, необходимо постоянно подкреплять ее конкретными делами. Но при дворе, где интриги, праздность и разврат – норма жизни, истинно верующему человеку со временем приходится выбирать: спасать ли свою бессмертную душу или изо всех сил пытаться держаться за власть, что в итоге предопределит нравственную погибель. Платон выбрал первое. Он так и не научился двуличию и постепенно стал отделяться от двора.

Его трагедия заключалась в том, что он считал нравственный идеал обязательным для всех, на какой бы ступени общественного статуса человек ни находился, и «со своим идеалом он явился в Петербург при дворе в качестве законоучителя»[208].

Платон быстро привязался душой к своему ученику. Его открытый, общительный и веселый характер располагал к себе людей, и в том числе многих придворных. Однако когда ученый монах осмелился искренне высказывать свои убеждения и симпатии, не согласные с мнением царственных покровителей, для последних его искренность была неприятна[209]. Платона стали отдалять, отстранять от обязанностей. Интриги долго не позволяли ему стать членом Святейшего Синода. Когда же он, наконец, им стал, то сразу высказался, что власть обер-прокурора «или слишком далеко распространена, или они много сами себе присваивали»[210], чем нажил себе еще одного влиятельного врага.

Платон был одним из первых иерархов Церкви, кто связывал

свою проповедь с сегодняшним днем. Поскольку его проповеди сразу же выходили отпечатанными, то легко сравнить по годам, как менялась их тематика. Поначалу тексты лишь разъясняли смысл праздников согласно евангельским сюжетам. Они изобиловали описаниями красочных картин земного рая и были преисполнены поэтических метафор: «Так представим же мы себе пресветлый блаженный собор, и вдруг откроется нам земной рай разными добродетелей цветами преисполненный»[211]. Однако через несколько лет проповеди становятся все более жесткими и трагичными, полными обличений конкретных пороков.

Возможно, отзываясь на свои непосредственные впечатления от придворной жизни, Платон одну из своих речей полностью посвятил придворным подхалимам, которых он называл «ласкатели». «Ласкатель, – говорил Платон, – должно быть, животное прехитрое, а притом корыстолюбивое и честолюбивое. Он ищет, как бы снискать способы к своему возвышению, дабы чрез то получить власть играть жребием бедных людей»[212]. «Кроме того, – продолжал он, – ласкатель хочет людей добрых и справедливых от государевой персоны удалить, дабы они ему в его притязаниях воспрепятствовать не могли. Он их издалека начинает пред государевой персоной выписывать черными красками, приписывая им несуществующие качества мало-помалу в разговорах, приписывая им излишнее самомнение. Этого доказать нельзя, но те, кто имеет власть, всегда болезненны к восприятию (*явный намек на Екатерину II – М. Е.*). Другие ласкатели некорыстны, но они низкие и боязливые души. Они не защищают правду и не обличают порока, а всегда заискивают перед властью из трусости»[213], – заключал Платон.

Само собой, что подобные проповеди не могли оратора оставить без «награды», ибо официальная столица и императорский двор предпочитали «ласкателей». В итоге к Платону к среде придворных было настороженное отношение, и он часто стал удаляться от Санкт-Петербурга в Москву.

Необходимо учесть, что объективно существовал еще ряд причин, ограничивающих владыку Платона в его пастырском служении.

Во-первых, весь синодальный период Церковь была жестко подчинена государственным интересам[214], и любой ее член, особенно иерарх, чувствовал свою прямую зависимость от властей. Жизнь при дворе императрицы Екатерины для монаха была еще и поэтому затруднительной. Государыня при всей своей показной набожности[215] все же была сторонницей европейского просвещения, отрицавшего религию как анахронизм. С ее точки зрения, Платон имел «преувеличенное представление о значении

духовной власти в государстве»[216].

Даже несмотря на меры правительства по секуляризации церковного и монастырского имущества, он часто просил Екатерину II о финансировании Лавры и других подчиненных ему монастырей[217]. При этом имел «отважный дух и большую твердость воли в достижении поставленных им целей»[218].

Во-вторых, зачастую при дворе человек не мог не только высказать своего мнения, но даже его иметь. Любой придворный вел себя исключительно в соответствии со своим статусом, и его слова и поступки всегда четко регламентировались неписаными законами. Лишь только он выходил за рамки предназначенной ему роли, тотчас же его положение при дворе могло резко измениться, и не в его пользу. Поскольку Платон был христианином и человеком прямым и открытым, а нравы двора были далеки от истинного понимания добра и зла, ему было крайне тяжело морально. Но при этом он мог говорить от имени Бога и потому иногда позволял себе в проповедях некоторые двусмысленные высказывания не в пользу придворных особ.

Например, в день рождения наследника, 20 сентября 1767 г., он сказал, что высокие должности обычно на людей производят высокое мнение о тех, кто эти должности имеет, и заставляют их отдавать им всякие знаки почтения. «Да и какая должность сама чрез себя бесчестна, – продолжал Платон, – когда она служит к общей пользе: подла и презренна одна только праздность и роскошь»[219], имея в виду обилие развлечений при дворе.

И далее он стал велеречиво рассуждать на тему, что персоны, которые от великих людей произошли (*возможно, намекая на наследника. – М. Е.*), должны иметь «домашний пример добродетели», ибо произошли от «отцов благочестивых». И далее он спрашивал воображаемого собеседника: «Так обещал ли Бог всегда миловать детей развратных для того, что они имели отцов благочестивых?»[220]

В том же году в Троице-Сергиевой Лавре в день тезоименитства наследника он начал в своей проповеди обличать тех, кто погряз в недрах праздности, корыстолюбия, честолюбия[221]. Трудно было придворным не догадаться, кого имел в виду законоучитель.

В-третьих, во второй половине XVIII в. в русском образованном обществе стали процветать различные философские направления: французское Просвещение, английский деизм и др. Появились сочинения, настроенные на обличительно-полемический характер повествования в адрес Церкви и критику ее обрядовой стороны. Со временем в среде дворянства вошли в моду различные эзотерические учения, а

верование в Иисуса Христа стало считаться крайним невежеством[222].

Платон, зная о глубоком проникновении масонского учения в придворное общество и не имея возможности прямо его обличать, стал облекать свои мысли в поэтическую форму. Например, описывая «черную храмину», где вольные каменщики совершали свои ритуалы, он отмечал, что ужас наполняет все ее углы и все говорит ясно, что «…здесь царствует тление и жизнь поглощена смертью. […] Се есть печальное, но живое изображение души человеческой, умершей для жизни Божией и предавшейся смерти грехопадения»[223].

Перед придворным проповедником, таким образом, вставала непреодолимая задача: нужно было лавировать между «интеллектуальной модой» в среде образованного сословия и своим долгом христианского пастыря. Более того, Платон старался не противопоставлять людей образованных и людей верующих и пытался в своих проповедях в контекст философии Просвещения органично встроить христианское вероучение, стараясь доказать возможность такого синтеза и того, что наука и религия не противоречат друг другу[224].

В это же время в общеобразовательных учреждениях России стало постепенно вводиться преподавание Закона Божия как обязательного предмета. Однако его значение в то время было невелико. Законоучителям предписывалось кратко излагать ветхозаветную историю, не вспоминать о Страшном Суде и вечных муках, ибо «ничто так не вредит детям, как устрашение их грозительными рассказами о мучениях во аде»[225]. Но сами педагоги, зараженные всеобщей модой, «постоянно смеялись над всем русским, особенно над русскими церковными обрядами»[226].

При таком отношении к Церкви духовенство в то время не было привилегированным сословием. «Может быть, у некоторых едва ли есть человек униженнее, как совершитель Божественных Тайн, – писал Платон с горечью. – Презренный смехотворец, шут развратного зрелища удостаивался большего почтения, нежели священник»[227].

Но особенно сложной для Платона была задача преодоления, с одной стороны, нравственной лени и разврата, царивших при дворе, и с другой стороны – так называемого куртизанства. Как писал известный монархист Лев Тихомиров, «куртизанство, которое стремится извлекать выгоды путем лести, угождения, потворствования слабостям, может окружать будущего царя еще в его детстве. С другой стороны, немало примеров и обратного, грубо ожесточающего отношения к царственному ребенку, быть

может, даже из желания выставить перед родителями свое непричастие куртизанству»[228].

Было очевидным, что будущий император рос в обстановке, ему не дружественной. Детство его было почти сиротским, хотя и протекало в роскоши. Павел не знал родительской любви, а после смерти отца совсем замкнулся в своих переживаниях. Он еще не умел по малолетству осознавать происходящее в его семье и государстве; не знал, что если бы Екатерина Алексеевна следовала закону, то она могла бы занимать престол лишь до его совершеннолетия, а до этого срока была бы только регентшей. Но он постоянно чувствовал недоверие к нему со стороны матери, всегда боявшейся лишиться престола. По мере взросления он начинал понимать, что переворот был организован гвардией, его отец и законный правитель был свергнут насильственно, а главные пособники воцарения его матери осыпаны ее милостями и щедротами. При этом фавориты Екатерины, плотным кольцом окружавшие трон, относились к Павлу как к ребенку, но без уважения, подобающего наследнику престола.

Избалованные, беспечные царедворцы, легко усвоившие атмосферу парижских салонов и ведущие рассеянную жизнь, не способствовали здоровому воспитанию наследника. Придворные его не слишком стеснялись. Порой за столом, куда приглашали и его законоучителя, велись двусмысленные разговоры, мало предназначенные для ушей мальчика. Вечером наследника водили в театр на представления французских комедий, сюжеты которых крутились вокруг любовных интриг, одураченных опекунов и мужей-рогоносцев[229].

Фавориты императрицы также часто подавали наследнику примеры нравственного распутства. Например, Григорий Орлов однажды предложил маленькому Павлу нанести визит фрейлинам, после чего наследник «вошел в нежные мысли и в томном услаждении на канапе повалился», а потом стал искать во французском энциклопедическом словаре слово «любовь»[230].

Учитель математики наследника С. А. Порошин в своих записках указывал, как беседовал с одиннадцатилетним Павлом о совершеннолетней фрейлине Вере Чеглоковой и всячески способствовал флирту между ними, наводя цесаревича на определенные мысли[231]. «Шутя говорили, – писал Порошин в "Записках", – что приспело время государю великому жениться. Краснел он и от стыдливости из угла в угол изволил бегать; наконец изволил сказать: "Как я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнив буду. Рог мне иметь крайне не хочется. Да то беда, что я очень резв; намедни слышал я, что таких рог не видит и не чувствует тот, кто их носит" Смеялись много о сей его

заботливости»[232].

Возможно, со стороны малолетнего Павла все это было совершенно невинно, но капля камень точит, ведь о частой смене фаворитов при дворе государыни в столице даже ходили анекдоты.

Таким образом, с одной стороны, маленького Павла окружали придворные и фавориты, которые ни в грош не ставили наследника российского престола и откровенно над ним потешались, а с другой – учитель, разъясняющий, что именно он рожден человеком, выше которого лишь Господь Бог.

Как отмечал известный историк екатерининской эпохи князь М. М. Щербатов, поскольку императрица «закон христианский […] ни за что почитала», то в эпоху ее правления эта «нерушимая опора совести и добродетели разрушена стала»[233]. Он же с сожалением прибавлял, что только тогда воспрянет Россия, «когда мы будем иметь Государя, искренне привязанного к закону Божию, строгого наблюдателя правосудия […] награждающего добродетель и ненавидящего пороки»[234].

Таким государем мог стать Павел Петрович, ведь провидением в качестве его законоучителя был избран сильнейший богослов эпохи – Платон (Левшин). Но до вступления на престол было еще очень далеко.

С бракосочетанием цесаревича в 1773 г.[235] функции Платона как законоучителя закончились. Теперь в его обязанности входило наставлять в православии сначала невесту, а затем жену наследника великую княгиню Наталью Алексеевну[236]. Когда же она скончалась в родах, Платон призвал Павла Петровича не предаваться особой горести и настойчиво уговорил вступить во второй брак, «дабы не пресекалась царская династия»[237].

Следующей избранницей цесаревича благодаря усилиям Екатерины II и прусского короля Фридриха II стала Вюртембергская принцесса София-Доротея[238]. В своем письме к императрице Екатерине Алексеевне от 1776 г. кавалерственная дама, графиня Е. М. Румянцова-Задунайская, так отзывалась о ней: «Выбор сделан пресчастливейший, ибо я нахожу ее светлость принцессу превосходней всего того описания, какое прежде об ней имела»[239]. Вообще, современники не раз отмечали, что государыня была разборчива в людях: «Она знала, с кем ей вступить в родство»[240].

В письме к Гримму от 18 августа 1776 г. императрица Екатерина писала насчет обучения православию принцессы Доротеи: «Как только мы ее получим, мы приступим к ее обращению. На это потребуется, пожалуй, дней пятнадцать. […]

Чтобы ускорить дело, Пастухов отправился в Мемель, где выучит ее азбуке и исповеданию веры по-русски: убеждение придет после»[241].

Невеста великого князя вскоре прибыла ко двору, где ей предстояло принять новую веру. По личной просьбе матери принцессы Доротеи, которая еще в Германии читала Катехизис Платона (Левшина), изданный на немецком языке, она лично попросила именно Платона стать законоучителем ее дочери. Что же касается отношения к предстоящему событию самой Екатерины Алексеевны, то лучшей характеристикой этому можно считать отзыв монархини о некоей книге, возможно, Катехизисе Платона, который она однажды прочла: «Я нашла, что книга о православии святой Греческой церкви есть несравненная вещь в настоящем трудном времени и обстоятельствах. Это будет первая книга в свете, которая послужит украшением и щитом, и своим двойным употреблением она может соперничать с самой лучшей французской шифоньеркой, мебелью, которой полезность, если верить купцам, ее продающим, так разнообразна»[242].

В любом случае дело освоения православной веры юной немецкой принцессой двигалось быстро; вскоре невеста цесаревича была миропомазана, приняла православие и была наречена Марией Федоровной.

Несмотря на более чем благоприятное впечатление, произведенное избранницей на великого князя, он был осторожен. Имея с детства перед глазами пример чудовищной деморализации, развития фаворитизма и расточительности при дворе Екатерины II, да к тому же пережив не очень счастливый первый брак[243], Павел Петрович решил заняться воспитанием нравственности будущей императрицы России самостоятельно.

Перед помолвкой, решив обезопасить себя и свою будущую жену от неминуемых разочарований при дворе, цесаревич составил некую инструкцию[244]. В ней был прописан весь этикет придворной жизни, содержались полезные сведения о России, жизни и обычаях ее народа и было регламентировано поведение великой княгини в кругу придворных. Особенное внимание в этой инструкции было уделено религиозному вопросу. Первый и главный пункт касался того, что надобно будет соблюдать будущей великой княгине, а затем императрице, по отношению к церковным обрядам и обычаям. Знакомясь с этим документом, можно косвенно определить, каким образом Платон воспитывал самого Павла Петровича. «Я полагаю, не допуская в том ни малейшего сомнения, – писал великий князь, – что принцесса настолько ознакомлена с религией вообще, что она не может быть ни невежественна, ни ханжа, ни неблагочестива. […] Допустив

это, приличие требует соблюдать для нее самой и ради того сана, который она будет носить, а тем более для примера другим, обряды и правила нашей церкви – хотя они бывают часто стеснительны и утомляют, – дабы не подать повода к соблазну и более понравиться простолюдинам, что чрезвычайно важно»[245].

В конце первого пункта был сделан важный вывод. «Наконец, необходимо, – писал Павел, – чтобы у нее (*принцессы. – М. Е.*) по этому поводу никогда не сорвалось с языка ни перед кем насмешки, порицаний, жалобы и т. п. и чтобы она даже не выслушивала шуток, которые многие позволяют себе у нас относительно религии»[246].

Однако в инструкции нет ни намека о том, что супруга императора когда-либо сможет занять самостоятельно российский престол и что в связи с этим на нее будут налагаться какие-то особенные христианские обязательства. Таким образом, молодая принцесса, едва вступив на русскую землю, была достаточно осведомлена о том, какую роль ей уготовило провидение.

Несмотря на женитьбу и связанные с этим обстоятельством новые обязанности, сам Павел Петрович никогда не прекращал близких отношений со своим бывшим законоучителем и советовался с ним не только по религиозным вопросам. Об этом можно сделать вывод из опубликованной их богатой переписки[247]. Например, Павел писал своему законоучителю: «Желательно, дабы при воспитании Российского юношества никогда не оставлялось в забвении […] основательное наставление в православном нашем законе. Сие единое действительное есть средство произвесть добрых граждан и достойных сынов отечества»[248].

Далее наследник, повторяя мысли самого Платона, делал вывод, что православный человек в науках не впадет в погрешности, свойственные невежеству, а в обычной жизни удалит от себя все искушения развратных мыслей и что надо больше издавать книг, обучающих православию. «Я имел всегда причины, – писал уже повзрослевший Павел в 1776 г., – быть вам благодарным и любить вас по бытности вашей при мне в младенчестве моем и по трудам и старанию, приложенным вами к воспитании моему. […] Вы знаете сердце и намерения мои»[249].

О величайшей духовной близости будущего императора с его наставником свидетельствуют и такие строки: «Вчерашний день сподобился я причаститься Святых Тайн, следовательно, и обновил дух свой. Кому первому сообщить сие, как не тому, который всегда вверял и подкреплял меня в расположениях, которые служат мне всегда единственным утешением и

подкреплением всего бытия моего. Помолитесь, чтоб Всевышний сподобил меня быть всегда достойным чувствовать всю цену сего христианского действия»[250].

Когда в декабре 1777 г. у великого князя родился наследник Александр, Павел одним из первых оповестил об этом своего духовного пастыря, без ложной скромности добавив: «Желаю, чтобы он усердием к Богу и к отечеству своему походил бы на меня»[251].

Будучи в феврале 1782 г. в Риме, великий князь отметил, что «церковь Св. Петра такова, что желательно было бы, чтоб друг мой архиепископ Московский в таковой в Москве служил»[252]. А незадолго до воцарения Павел признался своему пастырю: «Сейчас, вышед из церкви, причастясь Святых Тайн, тридцатидвухлетним долгом почитаю к вашему преосвященству отнестись как к первому путеводителю моему. Не знаю, имею ли нужду более изъясняться, как о расположении душевном моем, так и сердца моего, с каковым есть ваш Павел»[253].

* * *

В ноябре 1796 г., когда в Санкт-Петербурге устанавливается самая мрачная и промозглая погода, скончалась императрица Екатерина Великая.

Павел Петрович, осознав всю важность события, призвал Платона срочно приехать в Петербург, желая видеть подле себя самого близкого по духу человека. Он писал своему бывшему пастырю: «Не нахожу слов сказать вам, как то, что когда, в самых первых днях царствования моего, желал я поспешно вашего сюда приезда, то сие происходило от удовольствия, какое находил я всегда, видя вас вместе с нами»[254].

Анализ исторических фактов, связанных с первыми шагами воцарения Павла I, убеждает, что действовал он по заранее продуманной схеме.

Первое, что он вознамерился сделать до похорон своей матери, – это восстановить справедливость по отношению к законному императору России – своему убиенному отцу – и совершить над ним чин погребения с почестями, ему подобающими как законному императору.

По его приказу гроб с телом покойного Петра III был торжественно извлечен из могилы, останки переложены в новый гроб, а на череп его была возложена корона. Этот жест не может в полной мере считаться посмертной коронацией императора Петра Федоровича, так как коронация включает в себя две

составляющие: светскую и религиозную. В первой части императору вручают инсигнии: корону, скипетр и державу. Во второй части над ним совершают таинства миропомазания и монарх причащается Святых Тайн. Над мертвым телом ни того, ни другого совершить нельзя. Тем не менее всем торжественным и жутким обрядом, внешне повторяющим коронацию, Павел Петрович хотел публично вымолить прощение за себя и за свою мать за совершенный грех цареубийства и заставить общество признать ошибку в попустительстве за это преступление. Но прежде всего цель этого действа состояла в том, чтобы подчеркнуть законность своей власти, ее преемственность с существующей императорской династией и с православно-самодержавной традицией[255].

В Манифесте о вступлении на престол от 06.11.1796 он ссылался на «наш прародительский, наследственный, императорский, всероссийский трон»[256].

Таким образом, воцарение Павла I не только совпало с началом зимы, но и было ознаменовано мрачным торжеством погребения матери и отца, останки которого были перевезены из Александро-Невской Лавры в императорскую усыпальницу Петропавловского собора. Шведский посланник Стединг, увидев рядом с гробом покойной императрицы Екатерины гроб со скелетом ее убиенного супруга, писал: «Что можно сказать об этой честолюбивой женщине, которая диктовала свою волю земным государям, а теперь лежит у всех на глазах рядом с мужем, которого приказала убить? Какой страшный урок дало Провидение всем порочным натурам»[257].

На первой медали, которая была изготовлена по случаю этого события, были изображены два гроба родителей императора Павла.

«Истинно зимним, мертвенным холодом повеяло от нового царствования, – писал историк XIX в., – лютый мороз дохнул на розы и лавры золотого века Екатерины». На смену века «женского правления» пришла мужественная, воинственная эпоха[258]. Никто не знал, чего ожидать от нового правителя, которого все привыкли считать вечным недорослем.

Однако перед вступлением во власть Павел патетически произнес: «Я прожил сорок два года. Бог меня поддерживал. Быть может, Он даст мне силу и разум исполнить даруемое Им мне предназначение»[259].

Его бывший законоучитель Платон в конце XVIII в., оставив свои труды при дворе, жил в Троице-Сергиевой лавре. Но по воле императора Павла I главным действующим лицом при его коронации все же был именно митрополит Платон Левшин.

Глава 5. Коронация императора Павла I

Предстояло важнейшее событие в жизни Павла Петровича – восшествие на престол, или коронация[260].

В XVIII в. наблюдалась эволюция ее модели, что было обусловлено необходимостью приспособиться к политическим и культурным требованиям современности. Этот ритуал издревле имел сакральный характер принятия монархом символов принадлежащей ему власти. Сам государственный акт коронации декларировал преемственность власти, торжественно заявлял «граду и миру» о ее новой модели, а также утверждал территориальную целостность государства, его политический суверенитет и единство нации. Не явилась исключением и коронация Павла I[261], чье восхождение на престол необходимо рассматривать исключительно в контексте его идеологической доктрины[262].

Перед началом торжества был издан ряд официальных документов, оповещающих подданных о предстоящих событиях: Манифест о вступлении на престол; Манифест о предстоящей коронации[263]; «Чин Венчания», изданный Святейшим Синодом в двух вариантах[264], и специально разработанный план императора о самом обряде[265].

Все эти документы вошли в отдельный свод[266].

Точная дата коронации не была назначена, однако для проведения торжеств был отменен траур по Екатерине II и Петру III, который, по законам Православной Церкви, должен был длиться год[267].

Традиционно коронация всегда проходила в главном храме России – Успенском соборе Московского Кремля[268], что подчеркивало сакральный статус события. После коронации император в сопровождении семейства, ближнего окружения и духовенства по сложившемуся обычаю должен был посетить также Архангельский собор, где покоились его прародители – великие князья и цари из династий Рюриковичей и Романовых – для поклонения их мощам. Последним было посещение «государева» Благовещенского собора, бывшего до XVIII в. домовым храмом русских государей[269].

По пути из Санкт-Петербурга в Москву Павел Петрович остановился в Петровском путевом дворце, построенном Екатериной II, чем заложил традицию для последующих коронующихся императоров. Здесь он принимал поздравления по поводу предстоящего события. Особенно его растрогала речь митрополита Московского Платона, в которой владыко в

очередной раз подчеркнул высокую миссию российской верховной власти.

Из столицы в Москву были доставлены императорские регалии: большая и малая короны, скипетр, держава, далматик, государственный меч, государственная печать, государственное знамя, орден Андрея Первозванного и т. д. Все императорские регалии имели двойную семантику: они являлись символами и светской, и религиозной власти[270]. Для Петра Великого и его преемников царские регалии были выражением западного характера их власти, а для Павла I они заключали в себе прежде всего священную сущность монархии, учение о которой шло из Византии.

По пути следования императора от путевого дворца к Успенскому собору, кроме уже существующих Триумфальных арок, были построены еще шесть новых. Они должны были символизировать «Золотые ворота», через которые, согласно Новому Завету, Господь въехал на молодой ослице в Иерусалим. Дата въезда императора Павла Петровича в Москву была назначена на 23 марта, что совпадало в тот год с величайшим православным праздником – Вербным воскресеньем, или Входом Господнем в Иерусалим. Это было, разумеется, не случайным совпадением. Появление государя верхом на коне сопровождалось колокольным звоном со всех церквей первопрестольной и пушечной пальбой из 71 орудия. Таким образом, с самого начала коронация Павла I ассоциировалась в сознании народа с величайшим православным праздником, и в ней счастливо соединились «государственная, военная и религиозная церемонии»[271].

День собственно коронации совпал с Пасхой. Великая суббота, предшествующая этому торжеству, была ознаменована обнесением плащаницы не вокруг кремлевских храмов, как это случалось обычно, а вокруг всего Кремля. Таким образом, крестный ход, приуроченный к выносу плащаницы и наступающей Пасхе, прямо коррелировался с предстоящим чином коронации. Использованные при этом государственные регалии, которые трижды были обнесены вокруг Кремля, воспринимались в данном контексте как религиозные символы – знаки освящения власти и правления императора.

Руководили коронацией митрополит Новгородский Гавриил и митрополит Московский Платон. В центре храма был поставлен императорский трон. Его расположение прямо перед алтарем и престолом символизировало власть земную, предстоящую перед властью небесной. Войдя в храм, император, одетый в военный мундир со шпагой, совершал молитву, прикладывался к иконам и

занимал трон.

По обычаю на него должны были возложить порфиру[272]. На этот раз архиереи поднесли ему далматик[273], который надели поверх военного мундира. Далматик символизировал архиерейское облачение – саккос. Этот жест должен был подчеркнуть переход Павла I в священный сан и его всемирные, мессианские притязания, так как на православных иконах «Христос Вседержитель» (или «Пантократор») Сын Божий всегда изображается именно в далматике как царь или великий иерарх[274].

В отличие от предыдущих коронаций, возложение короны на этот раз было предоставлено не высшему иерарху Церкви, а высшему представителю светской власти – А. А. Безбородко[275]. Этот жест символизировал доминирование в наступающем царствии светской власти и утверждение императора как главы Церкви. Далее император Павел сам надел корону на Марию Федоровну как на свою супругу, а не как на будущую императрицу[276]. Тем самым был положен конец эпохе «женского правления» и практике дворцовых переворотов.

По традиции коронация, чин которой, как уже упоминалось, происходил из Византии, входила в литургический контекст и потому сопровождалась личной молитвой монарха к Господу и священным таинством миропомазания[277], которое символизировало переход царствующей особы в новое, сакральное качество, отличное от простого мирянина[278].

Завершалась церемония принятием Святых Тайн, которое император совершал внутри алтаря уже не как мирянин, а как священнослужитель. Митрополит Платон, однако, остановил Павла, когда тот хотел войти в алтарь, не сняв шпаги. «Здесь приносится бескровная жертва, государь, – сказал ему бывший законоучитель, – отыми меч от бедра твоего»[279]. Павлу Петровичу пришлось подчиниться.

По совершении коронации теперь уже абсолютно легитимный монарх на амвоне храма прочел «Акт о престолонаследии»[280]. Свиток его был положен в серебряный ковчег и оставлен на вечное хранение в Успенском соборе. Этот «Акт» открыл новую эпоху в сознании народа и воскресил монархический идеал императора как «отца своих подданных». В нем содержались все существующие представления о монархе как о персоне, получившей «власть от Бога», то есть в силу закона и рождения, и никому не обязанного своим возвышением, кроме Бога. В частности, в нем государь де-факто объявил себя главой Православной Церкви, что де-юре было закреплено позже в «Своде законов Российской империи» (1832). Его статья 42-я (том

I, часть 1-я) гласила: «Император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов и блюститель правоверия и всякого в церкви святого благочестия».

Этим «Актом о престолонаследии» устанавливался четкий порядок наследования трона. Отныне власть в императорской семье должна была передаваться по старшинству по мужской линии, и только если та пресечется, престол могла бы занять женщина. Этот закон избавил весь последующий период правления династии от неопределенности в преемстве престола.

Продолжением закона о престолонаследии было «Учреждение об Императорской фамилии»[281], в котором четко определялись состав императорской семьи, иерархическое старшинство его членов, их права и обязанности, а также гербы, титулы и размеры содержания.

По мнению многих исследователей, церемония коронации Павла I, отразившая официальную идеологию, представила образ и модель власти, которая предполагала в будущем с помощью Божией навести порядок в государстве.

Глава 6. Христианская модель во внутренней и внешней политике Павла I

Внешней и внутренней политике Павла I посвящена обширная научная литература[282]. При этом историки XIX – начала XX в. в основном мало смотрели архивы[283] и в большей степени опирались на мемуарную литературу, которая происходила преимущественно из дворянских кругов. Дворяне, как известно, имели серьезные причины относиться к императору Павлу недоброжелательно. Он действительно был неуравновешен по характеру, но отнюдь не безумен. Его внутренняя политика была последовательна, и об этом говорят правительственные документы. Мы выделим лишь некоторые аспекты, имеющие отношение к нашей теме.

Объективность требует отметить, что ввиду короткого срока своего правления (четыре года и четыре месяца) император не смог разрешить того комплекса вопросов, который был оставлен предыдущим правлением. Однако если проанализировать ту лавину указов и распоряжений, которые последовали по его воцарении, то в них можно выделить, кроме двух главных направлений сословной политики (крестьянское и дворянское), еще и самостоятельную религиозную политику[284], характеризующую государя как человека, имеющего серьезные претензии на роль главы Вселенской Церкви.

Необходимо учитывать, что общеполитические процессы в XVIII в. не только в России, но практически во всех ведущих странах Западной Европы вели к десакрализации европейских монархий, и повсеместно наблюдалось постепенное снижение «монархической идеи по божественному праву»[285].

Секуляризация церковного имущества на фоне всеобщей Реформации произошла еще в XVI в. Так, Англиканская Церковь стала обладать государственным статусом, а король Генрих VIII в 1534 г. объявил себя ее единственным верховным главой и защитником веры. Религиозные ритуалы хоть и сохранились в общих чертах, но были значительно сокращены. Тем не менее абсолютизм продолжал утверждаться при помощи церковных церемоний: коронации, погребения монарха и т. п.

Великая Французская революция 1789 г., в результате которой Франция была объявлена республикой, вообще отменила власть церкви и короля.

Протестантская (преимущественно) Германия к тому времени распадалась на 22 монархии и три вольных города, поэтому

общей для всей страны государственной церкви и государственной власти не было.

Италия представляла собой конгломерат феодальных и полуфеодальных государств, находящихся под политическим влиянием Франции, Испании и Австрии. Лишь империя Габсбургов, занимавших престол бывшей Священной Римской империи, сохраняла свое могущество в Европе под покровительством Ватикана вплоть до начала XX в.

Несмотря на это, во всех европейских государствах в той или иной степени все же именно религией были пронизаны практически все аспекты жизни монархов, их двора, а также менталитет их подданных. В данном контексте Россия не была исключением. В частности, на наш взгляд, историками значительно преувеличена секуляризация общественной жизни в эпоху правления Петра Великого. Скорее всего, с начала XVIII в. наблюдается лишь характер сближения религиозных церемоний со светскими праздниками. Например, военные победы всегда рассматривались русскими как вмешательство Божьего промысла, начиная с эпохи Петра I они стали повсеместно праздноваться при обязательном и доминирующем участии Церкви[286]. В правление Павла Петровича эти тенденции усилились.

По восшествии на престол 6 декабря 1796 г. Павел I своим первым указом освободил духовных лиц от телесного наказания до момента лишения их сана, так как наказание, «чинимое в виду тех самых прихожан, кои получали от них спасительные тайны, располагает их к презрению священного сана»[287].

Указом императора от 1799 г. впервые в России были узаконены меры по обеспечению вдов и сирот духовенства[288]. Значительно увеличились ассигнования из казны государства на духовные школы. Были созданы новые семинарии: Вифанская (усилиями митрополита Платона), Калужская, Пензенская, Пермская, Оренбургская; Коломенская была переведена и стала Тульской. Для детей армейского духовенства была организована и так называемая армейская семинария. Казанская семинария обрела статус духовной академии наряду с Киево-Могилянской и Московской.

В отличие от Екатерины II, Павел выказывал большую веротерпимость по отношению к раскольникам. При нем была разрешена свободная деятельность старообрядческой церкви, а староверам возвратили отобранные у них ранее богослужебные книги[289].

К униатам западных губерний России, присоединенных к империи после трех разделов Польши[290], также стала проявляться лояльность: всем западным епархиям было

объявлено, что униатов нельзя больше силой обращать в православную веру[291].

Император Павел проводил благожелательную политику по отношению к католичеству и охотно отозвался на просьбу Ордена Святого Иоанна Иерусалимского принять их под свое покровительство после ликвидации ордена Наполеоном в 1798 г. Став магистром Мальтийского ордена, Павел наградил орденом Святого Иоанна Иерусалимского некоторых епископов, а придворных священников возвел в звание кавалеров ордена. По мнению современных исследователей, «рыцарский орден, сближающий воина и священника, был находкой для Павла, который еще до Мальтийского гроссмейстерства соединил власть светскую и духовную»[292].

Кстати сказать, император Павел не только провел ряд узаконений в пользу церковного быта и повысил штатные оклады церковнослужителей, но также ввел награждение духовных лиц гражданскими орденами «за особые заслуги перед государством», а также камилавками, скуфьями, митрами и наперсными крестами. Он же впервые в 1800 г. наградил своего бывшего законоучителя высшей наградой Российской империи – орденом апостола Андрея Первозванного.

Если в предыдущее правление в империи был дан приют иезуитскому ордену, то император Павел I пошел дальше своей матери: в 1799 г. он принял генерала иезуитского ордена пастора Гавриила Груббера, который добился от монарха разрешения для иезуитов открывать «богоугодные заведения» в столице. В 1800 г. иезуитам был передан в Петербурге католический храм Святой Екатерины Александрийской, при котором была основана иезуитская коллегия. В 1801 г. император даже добился от Папы Пия VII издания 07.03.1801 буллы о восстановлении ордена в пределах России[293].

С первых дней своего воцарения он также старался оказывать открытое покровительство всем подданным своей империи – всех сословий и всех конфессий[294], помня слова апостола Павла, говорившего, что у Создателя нет ни Еллина, ни Иудея, ни раба, ни свободного, «но все и во всем Христос»[295].

Более того, государь мечтал о соединении христианских церквей, и только косность и непримиримость консервативной части российского духовенства помешали осуществлению этого начинания. Он даже проникся идеей воссоединения Католической и Православной Церкви и направил план в Святейший Синод, члены которого, однако, категорически воспротивились этому проекту.

Как религиозный глава своего государства император Павел в

день коронации издал манифест, запрещающий помещикам заставлять крестьян работать в воскресные дни, так как Священное Писание велит этот день посвящать Богу. Он повелел «всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал работать в воскресенье»[296]. Этот же манифест ввел фиксированную трехдневную барщину[297].

Если принять во внимание утверждение, что эпоха Екатерины Великой была временем наибольшего расцвета крепостного права[298], то распоряжения императора Павла I до некоторой степени смягчили тяготы крепостного права и укоротили притязания помещиков на бесплатный труд своих крепостных.

Справедливости ради следует отметить, что императрица Екатерина II за 34 года своего правления раздарила фаворитам 880 тысяч крестьян, тогда как Павел Петрович лишь за четыре с небольшим года царствования пожаловал своим друзьям более 530 тысяч крепостных душ[299].

При этом Павел I притеснял дворян отнюдь не во имя социального равенства, а в угоду торжества абсолютизма. Просто государь не терпел самостоятельной силы вне подвластного ему чиновничества, и организованное дворянство могло претить ему не в социальном, а в политическом плане. К тому же многие исследователи отмечали, что более благосклонно монарх относился к тем, кто подвергался опале и кого преследовали в предыдущее правление. Например, он был вполне лоялен к масонам. Государь также вернул из ссылки участников Польского восстания под предводительством Анджея Костюшки[300].

Однако не все действия императора воспринимались в обществе однозначно. Павел I, решивший положить конец беззаконию, царившему в эпоху его матери, и отрезвить Россию, поначалу не столько созидал, сколько разрушал предыдущие порядки, причем действовал жестко и решительно. Мягкий и добрый по натуре, уступчивый в молодости и способный на подвиг рыцарского благородства, Павел Петрович в зрелом возрасте стал крут и заносчив. Потому ломка многих прежних законов и замена их новыми, а также многочисленные преобразования по всем отраслям государственного управления сразу вызвали ропот среди высших сословий.

Многие исследователи причину этого видели в печальной обстановке, окружавшей цесаревича с детства[301]. Павел знал о временном регентстве Екатерины II и был уверен в справедливости своих притязаний на власть, но он слишком долго ждал своего восшествия на престол. С отроческих лет он мечтал о любви своего народа, в котором со временем стал возбуждать лишь боязнь и недоверие, а подчас и «неуважение к

самому представителю верховной власти»[302].

О Павле I усиленно распускали в народе слухи, анекдоты; повсюду рассказывали о странностях императора и его эксцентрических выходках. О нем злословила отечественная и зарубежная печать, в журналах повсюду появлялись памфлеты и карикатуры.

Исследователи объясняют такую странность в поведении императора многими причинами. Во-первых, Павел с детства остро чувствовал неприязненное отношение к себе со стороны матери и ее фаворитов и, даже будучи наследником престола, не был уверен в своем будущем, так как его слишком далеко держали от «государственных дел». Во-вторых, якобы имелось завещание, согласно которому императрица Екатерина своей волей предполагала передать власть внуку Александру Павловичу, и только вмешательство кабинет-секретаря А. А. Безбородко предотвратило такой поворот дела[303].

Нами обнаружен документ, который может косвенно свидетельствовать об обратном. Это копия духовного завещания (или наставления), оставленного императрицей Екатериной Алексеевной своему сыну Павлу Петровичу как будущему правителю России[304]. В «Наставлениях» государыня сравнивала Петра Великого с «Ромулом России», ибо он положил истинное основание империи, и при этом утверждала, что именно Павла призвал Господь, чтобы тот утвердил это основание империи. «Сын мой! – обращалась монархиня к цесаревичу. – Надобно, чтобы престол, на котором Вы меня замените, возбудил удивление, восторг и благодарность Европы и всей вселенной. Вы довершите произведение Вашей матери, и я льщусь мыслию, что переживу себя в моем сыне»[305].

И далее в этом своеобразном завещании следовали четкие указания наследнику, как именно ему стоит распорядиться властью. Императрица советовала усмирять народные бури внешними войнами. «Все будет Вам позволительно, – писала она, – доколе оружие Ваше останется победоносным»[306].

Государыня, ссылаясь на опыт Древнего Египта, советовала закрывать границы и все выходы портов страны всем иностранцам, а также четко следить за цензурой в печати, особенно за книгами, входящими из чужих стран, и не позволять литераторам нападать на Россию. Она считала, что во все времена от книг было более вреда, чем от сражений или потерянных земель[307].

«Народ, хорошо управляемый, – делала вывод монархиня, – не должен иметь никаких мыслей, кроме мыслей своего государя. Подданные Ваши не должны приобретать иных познаний, кроме

одобренных Вами […] и не надобно, чтобы они были излишне учеными или научены рано». Главное, считала императрица, это «нравственность домашняя», «добродетели общественные и семейные». По ее мнению, не следовало бы оставлять народу времени на размышления, так как народ не рожден к этому. Пусть подданные никогда не преступают за черту рукоделия: «Не надобно, чтоб народ думал. […] Пусть же работает и молчит».

Ссылаясь на высказывания Жана-Жака Руссо, которого Екатерина II называла «медведем Женевским», она утверждала, что успехи в науке лишь вредят нравственности и что нельзя владеть народом, который рассуждает по своей воле.

При этом личную дружбу с французскими философами Д. Дидро и А. Вольтером монархиня считала крайне полезной для себя. «Они были первым эхом моей славы, – писала Екатерина. – Несколько благодеяний доставили мне от них названия самые пышные; они превозносили меня Северной Семирамидой, и мое поведение, надеюсь, не обмануло их похвалу»[308].

Победы во внешних войнах императрица также связывала исключительно с почтением народа к монаршей персоне и со страхом перед волей Всевышнего. «Без их благоговения к святителю Николаю и преданности к моей особе мои солдаты не заставили бы бледнеть полумесяц и не избавили бы меня республики Польской», – утверждала государыня.

«Горе Вам, сын мой, ежели Ваши подданные узнают, что можно безнаказанно (изъявлять) неуважение и непослушание монарху!» – убеждала Екатерина.

Следуя этим «Наставлениям», император Павел действительно установил четкую цензуру всей входящей в страну литературы. Более того, он стал следить за всеми движениями своих подданных, вплоть до их внешнего вида.

Наконец, в придворных кругах созрел антиправительственный заговор, о котором знал и его сын Александр. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. император Павел Петрович, как и его отец Петр III, был убит заговорщиками. Подданным было объявлено, что у государя случился апоплексический удар.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна не прервала отношений с митрополитом Платоном и после смерти государя от его имени стала заниматься благотворительностью. Она написала владыке письмо, что желала бы по воле покойного супруга раздать милостыню разного рода бедным людям, находящимся в Москве. Государыня в письме Платону указала, что жертвует для этой цели шестнадцать тысяч шестьсот шестьдесят шесть рублей, «чтобы раздача сих денег произведена

была под особенным попечением» самого митрополита. «Я надеюсь, – писала Мария Федоровна, – что в таковом подвиге покойного Государя найдут оные новый опыт его к ним благости и милосердия, а вам, конечно, приятно будет исполнить сие последнее препоручение его»[309].

В последнем слове своем, в 21-й статье Завещания, император Павел не забыл законоучителя: «Митрополиту Московскому отдаю трость с изумрудным набалдашником и мою двуместную красную карету, в которой всегда ездил»[310].

Несмотря на то что благодаря «Указу о престолонаследии» Мария Федоровна стала первой русской императрицей, которая не смогла занять престол после смерти мужа, она с честью выдержала испытание русской короной. Созданное ею «Ведомство императрицы Марии», впоследствии IV Отделение Собственной Канцелярии Его Императорского Величества, стало основой для развития благотворительности в России не как частного дела отдельных жертвователей и меценатов, а именно на государственном уровне[311].

Мария Федоровна еще долго продолжала общаться с митрополитом Платоном, считая его своим ближайшим духовным наставником, а также советовалась с ним по делам благотворительности. Она писала владыке относительно учреждения своего ведомства: «Усердствуя по возможности сил моих способствовать спасению жизни несчастнорожденных, Промыслом Божиим воспитательным домам вверяемых младенцев, для большего в столь богоугодном деле успехе, обращаюсь ныне к Вашему Преосвященству, яко пастырю духовному, дабы вы […] поручили приходским священникам […] уговаривать жен несчастнородивших и лишившихся вскоре после родов детей своих, чтоб являлись в воспитательный дом для определения в кормилицы или для взятия к себе в дом на воспитание детей, и о таковых желающих немедленно бы давали знать священники к главному того дома надзирателю, за что производиться будет помянутым женщинам весьма выгодная по состоянию их плата»[312].

Великий князь Александр, в свою очередь, просил Платона: «В помощь бедных вдов […] и в милостыню нищим определив раздать от лица моего сорок тысяч рублей и от лица Государыни Императрицы, любезнейшей супруги моей, двадцать тысяч рублей, я не могу лучшим и полезнейшим образом распределить сие подаяние, как возложив оное на Вас; почему и приказал я доставить к Вам из кабинета шестьдесят тысяч рублей, предоставляя Вам разделить их по приходам и сделать такие распоряжения, какие благоразумие Вам свойственное внушить

может, дабы при раздаче их удален был всякий вид пристрастия, несправедливости, беспорядка и соблазна»[313].

Великий князь Константин Павлович также постоянно общался со своим законоучителем и писал ему письма по-гречески[314].

Никому из участников заговора против Павла I фортуна не принесла ни славы, ни почета, ни богатства. В царствование его сына о трагическом событии предпочитали не вспоминать.

В 1801 г. состоялась коронация императора Александра I, по случаю которой митрополит Московский Платон, обращаясь к государю, обозначил надежды на его царствование такими словами: «Предстанет лицу твоему пространнейшая в свете империя, которую едва ли когда видела вселенная, и будет от мудрости твоей ожидаться во всех своих членах и во всем своем теле совершенного согласия и благоустройства»[315].

Однако с воцарением императора Александра Павловича началась для России совсем иная эпоха.

Часть вторая

Глава 7. «Английский компонент» в религиозном воспитании Александра I

Приход к власти Александра I Павловича в 1801 г. был встречен с восторгом, «выходящим даже из пределов благопристойности»[316]. Несмотря на истинно «христианское воспитание» императора Павла I, личные качества его характера заставляли страдать и его ближнее окружение, и подданных страны. В результате насильственной кончины монарха общество, по мнению ряда исследователей, как бы очнулось от терроризма человека, который четыре года, не ведая что творит, мучил «Богом вверенное ему царство»[317].

В результате цареубийства к власти пришел его старший сын Александр, воспитанный Екатериной Великой, эпоху правления которой называли Золотым веком.

Вопросы духовно-нравственного воспитания императора Александра Павловича в отечественной историографии до настоящего времени изучены недостаточно полно. Представителям клерикальной литературы до 1917 г. было рискованно вторгаться в эту область из-за сильной церковной цензуры, а в советский период эта проблематика вообще была обойдена вниманием. Лишь на рубеже XX–XXI вв. появились публикации, рассматривающие церковную политику императора Александра I с различных сторон: от экуменического и библейского движения первой четверти XIX в.[318] и реформ ближайших сподвижников монарха М. М. Сперанского и А. Н. Голицына[319] до личной религиозности государя вплоть до возвращения его в лоно ортодоксальной церкви и легенды «ухода от мира» под именем старца Федора Кузьмича[320].

Первый биограф государя Н. К. Шильдер писал, что царствование императора делилось на три периода. Начало правления с 1801 по 1810 г. им названо временем преобразований и «колебаний» как во внутренней, так и во внешней политике; этот отрезок характеризовался неустойчивостью взглядов монарха, резкими переходами от одной политической системы к другой[321].

Однако практически во всех трудах отмечалось, что в России начала XIX в. стали распространяться новые религиозные учения и наблюдалось повсеместное устремление умов «к мистике посредством Библии и к чтению Библии по направлению мистики». Откровенное доминирование в стране «первенствующей и господствующей» православной конфессии

ушло на второй план.

Едва ли не главной причиной такого явления можно считать склонность самого государя к религиозному мистицизму и «самостоятельному познанию Бога»[322]. Император Александр «стал мечтать об общей религии человечества, основанной на внутреннем озарении сердца Святым Духом, и о соединении всех народов в братском союзе»[323].

Эти откровенно протестантские идеи, идущие вразрез с ортодоксальной церковью, император мог впитать только исключительно в юном возрасте, не без влияния своего ближайшего окружения и своих непосредственных учителей и наставников. Одним из них был протоиерей *Андрей Афанасьевич Самборский* (1732–1815)[324].

А. А. Самборский родился в 1732 г. на Украине в семье священника. Образование получил в Киевской духовной академии. В 1765 г. был отправлен в Англию по решению академического начальства и по воле императрицы Екатерины Алексеевны. Цель командировки была сформулирована «для обучения агрономии» и для надзора за другими молодыми людьми, также отправленными в Англию учиться[325].

Одновременно с учебой Самборский стал прислуживать в русской посольской церкви в Лондоне, но поначалу без рукоположения. Через три года Андрей Афанасьевич познакомился в церкви с англичанкой Елизаветой Филдинг, сиротой. Увлечение молодых людей было взаимным, он перевел для нее православный Катехизис и убедил принять православие. 5 мая 1769 г. его избранница была миропомазана, а 6 мая молодые люди обвенчались[326].

В том же году умер настоятель русской церкви, и Самборский подал прошение в Святейший Синод о назначении его на освободившуюся должность. Для рукоположения в священники он поехал в Петербург, где его представили императрице и великому князю Павлу Петровичу. На другой день молодой священник «заехал на поклон» к Никите Ивановичу Панину, Григорию Григорьевичу Орлову, Захарию Григорьевичу Чернышову, вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Голицыну и другим влиятельным сановникам Санкт-Петербурга. Законоучитель наследника Павла Петровича и по совместительству архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Платон (Левшин) подарил Андрею Афанасьевичу во время его визита «несколько книг и других вещей»[327]. Таким образом, Самборский уже тогда заполучил очень полезные для себя контакты, которые ему пригодились в будущем.

Возвратившись в Лондон, отец Андрей начал служить в

русской церкви настоятелем, причем на греческом и латинском языках «для православных греков и сочувствующих ортодоксам англичан», и в общей сложности прослужил там 15 лет.

Много позже в письме к своему бывшему ученику, императору Александру I, от 29 декабря 1804 г. отец Андрей Самборский так вспоминал о годах служения на чужбине: «По неисповедимому Божьему провидению начал я первое священнослужение в Великобритании. Сия просвещенная страна да засвидетельствует, с какой ревностью и чистотой совершал я через многие годы богослужение, чувствуя, что чистое богослужение рождает и утверждает в человеке чистую веру, которая едина утверждает царские престолы и сохраняет их неколебимыми, содействием которой народы не мятутся, но пребывают в тишине и единодушии, пребывают всегда верными своему Богу и своему Государю». И далее он добавлял: «По совершении священной должности в храме все прочее время употреблял я для приобретения не собственной пользы, а блага общего – успехов российских художников, кораблестроителей, мореходцев, земледельцев, пользуясь всеми возможными случаями и способами»[328].

В 1780 г. императрица Екатерина Алексеевна вызвала Андрея Самборского в Россию, где в 1782 г. он был назначен ею на пост настоятеля строящегося в Царском Селе Софийского собора.

Государыня, часто бывая в Царском Селе, что отмечалось не раз в камер-фурьерских журналах, наверняка имела возможность слушать проповеди нового настоятеля и хорошо могла присмотреться к нему с далеко идущими целями. Было очевидным ее желание как можно более тесно войти в интеллектуальный и культурный контакт со странами Западной Европы, и это обстоятельство диктовало стремление императрицы обзавестись различными советниками не только «французского» и «немецкого», но и «английского» направления. В этом контексте человек, долгие годы проживший в Великобритании и сохранивший верность российскому престолу и православной вере, мог быть очень полезным для государства.

Напомним, что воспитанием будущего монарха Александра Павловича занималась сама императрица Екатерина II, не скрывавшая своих династических планов, связанных с рождением старшего внука. Причем государыня неоднократно заявляла, что воспитывала обоих внуков «по английской системе», почерпнутой из книг британского педагога и философа XVII в. Джона Локка. Этот выбор, возможно, был продиктован нескрываемой англоманией монархини, которая часто именовала себя другом Англии «по влечению и интересу»[329]. Она утверждала, что

смотрит «на английскую нацию как на ту, союз с которой самый естественный и полезный для России»[330].

Более того, английский врач Т. Димсдейл доставил императрице от наставницы наследников английского престола мисс Чевелли руководство по методике «Английского Королевского воспитания», и к русским наследникам Александру и Константину были приглашены английские воспитатели[331].

Высшее дворянское сословие России во второй половине XVIII в. разделялось на галломанов и англоманов. Подавляющая его часть ориентировалась на обычаи, нравы, вкусы общественной жизни французов, а Париж для них, как и для всей Европы, служил образцом утонченного вкуса и обхождения. К Англии поначалу отношение было двойственное: с одной стороны, уважение и подозрительность из-за экономических успехов страны и ее политического устройства, с другой стороны, англичан все же «любили издалека». «Рассудок восхищался, а душа не принимала», – писала Е. Р. Воронцова-Дашкова[332].

Однако после Великой Французской революции (1789–1794) произошло охлаждение к Франции. Государыня вдруг объявила, что эта страна заражена излишним свободомыслием и фривольностями, и стала считать французов легковерными, непостоянными и недопустимо вольными в обхождении[333].

Екатерина Алексеевна стала откровенно демонстрировать свой интерес ко всему английскому: театру, философии, литературе, искусству. Кроме того, она принялась усиленно культивировать английскую систему паркостроения, приглашая в Царское Село английских садоводов и архитекторов[334], а английские художники стали зарождать в России традиции императорского парадного портрета[335]. На службу начали приглашать английских морских офицеров; бурное развитие получила взаимовыгодная торговля между двумя странами. «Можно сказать, что императрица неравнодушна ко всему английскому, я убеждена в этом мнении», – делала вывод в своем дневнике баронесса Е. Димсдейл[336].

Великобритания была признана императрицей как страна цивилизованная и устойчивая в своих национальных традициях, которые совпадали с поисками собственного органичного пути для дальнейшего приобщения России к европейской культуре. Даже князь А. Б. Куракин писал, что «…не быть я связан с отчизной столь неразрывными узами, и, будучи к тому же поставлен перед выбором, какой стране посвятить и жизнь и труд свой, Англия без малейшего сомнения была бы избрана мною сколь из любви к ней, столь и по убеждению»[337].

В результате отношение при дворе и в образованном

обществе к Англии, второй великой мировой державе, стало меняться. Более того, мода на все английское сохранилась и после смерти государыни. Об этом свидетельствуют увлечения русского барства традициями английской земельной аристократии с их поместьями и аграрными нововведениями; в моду окончательно вошли скачки и лошади английской породы, клубы и дендизм, «манера повязывать галстук» и литературный эпистолярный стиль. Как результат англомании в усадебной архитектуре начала XIX в. распространились постройки, отмеченные печатью «английского вкуса» и имеющие вид замка или коттеджа[338]. Высшие слои русского общества были покорены «английскими парками с их естественным очарованием, респектабельным и осмысленным английским бытом, устойчивой и достойной общественной и частной жизнью, британскими художниками, граверами, садовниками»[339].

Молодые люди зачитывались политэкономией Адама Смита, а впечатлительные русские барышни, начитавшись «готических романов», грезили рыцарями, странниками, принцами на белых конях, радклифферевскими замками и чудесами[340]. Для простого народа также повсеместно стали открываться «ланкастерские школы» для бедных, созданные по образцу таких же школ в Англии.

Однако несмотря на увлечения высшего сословия западноевропейской культурой, все же очень важным условием для российского императора являлось исповедание православной веры, что накрепко связывало монарха с его подданными. Напомним, что российский государь должен был не только видимо исповедовать религию своего народа, но и быть верен православной вере и «никакой иной», а также взять в жены равнородную принцессу, принявшую православие до брака, и воспитать наследника в духе Православной Церкви[341].

В связи с вышеизложенным императрица Екатерина Алексеевна стала подыскивать подходящего кандидата на роль законоучителя своего любимого внука Александра.

Бромптон Р. Портрет великих князей Александра Павловича и Константина Павловича. *Источник*: Государственный Эрмитаж

Имя протоиерея А. А. Самборского впервые появляется в 1781 г. в переписке иеромонаха Платона (Левшина) и четы великого князя Павла Петровича и его супруги Марии Федоровны, путешествовавших по Европе под именем графов Северных. «С нами назначен отец Замборский (*в качестве*

духовника. – М. Е.), – писал Павел, выезжая из Царского Села, – но по сие время не знаю, ни где он, ни когда с нами и где соединится»[342].

Однако все сложилось благополучно, и по возвращении из путешествия императрица Екатерина II собственноручно наградила священника наперсным крестом из синей финифти, осыпанным бриллиантами на голубой ленте[343]. Сам Андрей Афанасьевич по поводу креста писал своей жене 10 марта 1783 г.: «Я имел счастье получить от Ее Императорского Величества […] очень высокий знак отличия: сегодня Ее Величество изволила почтить меня бриллиантовым крестом на голубой ленте, который она возложила на меня собственными руками. И наградила меня своею материнской беседой. Благодарен Богу за это»[344].

И наконец, в 1783 г. (по другим сведениям, в 1784 г.) отец Андрей был назначен учителем Закона Божия великих князей Александра и Константина[345], по поводу чего он писал своей жене: «Самыми непостижимыми путями божественного провидения и волею Екатерины Великой назначен я преподавать Закон Божий Его Императорскому Высочеству молодому великому князю. Это неожиданное событие оправдывает пред тобой мое долгое отсутствие, так как моя настоящая должность имеет важное значение для Отечества, и можно сказать, для человечества вообще, то я обязан пройти через самое строгое самоиспытание, чтобы узнать: достоин ли я столь высокой доверенности от такой великой, такой мудрой и предусмотрительной монархини. Всякие мелкие испытания я переносил с твердостью и благодарностью – и теперь со всевозможным усердием и бдительностью я должен начать свою священническую обязанность»[346].

Возможно, кандидатура Андрея Афанасьевича представлялась императрице наиболее предпочтительной еще и потому, что он в совершенстве владел английским языком и мог преподавать его великим князьям.

Кроме того, Самборский приобрел на чужбине навыки грамотного агронома, и этим он также был интересен государыне. Известно, что она сама сочинила для четырехлетнего внука «Сказку о царевиче Хлоре», где в доступной для ребенка аллегорической форме изобразила различные препятствия, которые встают на пути главного героя к «Храму розы без шипов». Действие сказки происходило на фоне картин идиллической сельской жизни. Сказка была назидательной и наивной, однако довольно скоро сделалась популярной в среде современников. По ее мотивам великий русский поэт Г. Р. Державин написал поэму «Фелица».

В результате и сама сказка, и поэма послужили непосредственным поводом к созданию своеобразной иллюстрации – целого архитектурного комплекса «Александрова дача», который был построен близ Павловского дворца. В центре этой усадьбы, которую спроектировал архитектор Н. А. Львов, среди свыше десятка построек, соответствовавших тем или иным событиям сказки, был возведен также «Храм розы без шипов». Окрестности должны были быть украшены великолепным парком, в котором аллегории сказки соседствовали бы с идиллическими образами сельской жизни. Эту «ботаническую» часть императрица и поручила создать А. А. Самборскому.

Труд Андрея Афанасьевича оказался настолько успешным, что Самборский сразу же завоевал авторитет опытного агронома и со временем набрал некоторый круг украинской молодежи из числа семинаристов, чтобы начать их обучать английским методам ведения сельского хозяйства, которые сам приобрел в Англии[347].

Вообще Самборский был человеком разносторонним. Он слыл в обществе убежденным англофилом, состоял членом английского Общества поощрения искусств и был пропагандистом разнообразных достижений английской культуры. Но, возможно, самое главное, что разглядела императрица в Андрее Афанасьевиче, заключалось в том, что Англия, где жил Самборский много лет, была страной протестантской с глубокими традициями уважения к закону, праву, частной собственности и человеческой личности. Сама воспитанная в протестантской вере, монархиня могла предположить, что такие качества полезно было бы усвоить русскому монарху с раннего детства.

Однако Андрей Афанасьевич резко отличался от тех духовных пастырей, к которым привыкли православные миряне и царское окружение. Во-первых, столь долгое пребывание в протестантской стране не могло не отразиться на его внешнем облике, отличном от внешности православного священника: с согласия императрицы он носил светскую одежду и брил бороду[348]; во-вторых, он отличался от прочих православных священников стремлением к самостоятельному изучению Священного Писания.

В качестве учебника по богословию отец Андрей взял Катехизис, написанный для народных училищ. Но это была лишь основа. Самборский поставил цель развить в своих учениках истинное понятие о Боге на основании Евангелия, которое они «слушали и читали весьма охотно с изъяснениями», и также он старался, чтобы их высочества «не почитали уроком Слово

Божие»[349].

Таким образом, подход к религии, который он прививал своему царственному ученику, для русского общества того времени казался слишком радикальным.

У России еще не было опыта освоения протестантского мировоззрения, основанного на личном познании Бога. И до настоящего времени, несмотря на то что Священное Писание давно переведено на русский язык, опубликовано и доступно всем, практика его освоения, согласуясь исключительно с личным опытом и опираясь на собственные представления, в Православной Церкви не приветствуется. Несомненно, постижение Библии должно проходить под руководством опытного пастыря, достаточно сведущего в богословии и способного ответить на возникающие в процессе чтения вопросы.

Известно, что в Англии второй половины XXVIII в. уже пустили свои корни материализм, а также деизм, отрицающий мистическую сторону религии и утверждающий силу человеческого разума, воли и личного участия в своей судьбе. Можно предположить, что отец Самборский, несмотря на свою верность православию, все же мог хотя бы в сравнительной форме коснуться основ протестантского вероучения.

Изучение Священного Писания, в котором заключалась основа всех церковных догматов и святоотеческих наставлений, было обязательным на уроках Закона Божия. Но в обучении наследников не было места, где бы освещались учения иноверцев, то есть не было сравнений и полемики, столь характерной для выпускников Киево-Могилянской духовной академии[350]. Кроме того, в обучении студентов этой академии для подтверждения православных взглядов и положений часто приводились ссылки на католические богословские авторитеты[351].

Не случайно представители Православной Церкви того времени отрицательно отнеслись к урокам Самборского. Вообще, историографы XIX в. часто упрекали Андрея Афанасьевича в том, что он не получил должного богословского образования и не сумел внушить наследнику «истинного понимания духа Православной Церкви».

В частности, священник М. Морошкин отмечал, что «влияние уроков Самборского на будущего царя России было слабое […] и ограничивалось только знанием краткого катехизиса […] и формальным исполнением церковных обрядов православных без знания их смысла и значения»[352].

В кругах православного духовенства Андрея Афанасьевича считали больше «агрономом», чем священником. Не случайно однажды появилось его изображение не в иерейском облачении, а

в роли пахаря, возделывающего землю[353]. И прославился Самборский не богословскими сочинениями, а книгой по агрономии[354]. Между тем Андрей Афанасьевич был одним из самых образованных людей своей эпохи из числа представителей «белого» духовенства.

Возможно, такое пренебрежительное отношение ортодоксов объяснялось еще и тем, что русские священники всегда испытывали некоторое недоверие к иностранцам и в особенности к тем русским, кто долгое время воспитывался или жил за границей.

Но похожие выводы по поводу религиозного воспитания императора Александра подтверждал и квакер[355] Грелье, побывавший в столице в начале 1800-х гг. и оставивший дневник воспоминаний. Он писал, что назначенные к царю наставники хотя и обладали некоторыми добрыми качествами, все же не были верующими христианами, и первоначальное воспитание царя удалило его от всяких серьезных впечатлений. Несмотря на то что он «согласно с требованиями греческой церкви, приучен был повторять утром и вечером известные обрядные молитвы, но этот способ (молиться) ему не нравился»[356].

Сам император Александр Павлович подтверждал эту мысль и также горько жаловался на такой способ религиозного воспитания. В душе императора, по его собственным словам, до 1812 г. господствовала страшная пустота, и он не знал Бога. «Он произносил утром и вечером молитвы, но делал это сначала по принуждению, а потом по привычке. Из всех его воспитателей ни один не в состоянии был пополнить страшного пробела, оставленного отцом Самборским»[357].

Как своеобразный ответ на всеобщие обвинения в недостаточном православии Самборский в 1788 г. послал графу Н. И. Салтыкову, главному руководителю воспитания царских детей, письмо, в котором подробно изложил суть своих уроков. Они абсолютно ничем не отличались от обычной катехизации, исключая привнесенный метод «личного каждодневного чтения Евангелия», который был так нехарактерен для православия.

Можно предположить, что обвинения в ереси или в склонности к протестантизму – это обычная в церковно-придворной среде придирка, которую достаточно трудно доказать или опровергнуть. Важно отметить, что император и его народ обучались религии по одному источнику, так как основы православия были везде одинаковыми. Поэтому вряд ли можно предположить, что законоучитель преподавал будущему императору какое-то иное христианство. Но все же столь долгое пребывание в протестантской стране не могло не оставить следа в

мировоззрении и поведении Самборского.

Напомним, что желание протестантов вернуться к истокам христианства, основанного на первоисточнике и освобожденного от поздних философских учений, в том числе и сочинений отцов Церкви, привело их к отрицанию всего, что связано с патристикой и церковными обрядами. Протестанты проповедовали личную скромность в быту, честный труд, аскетизм и бережливость и в связи с этим глубокое уважение к человеческому духу и интеллекту. Роскошь церкви и ее ритуалов, считали они, отвлекает прихожан от молитвы. Можно предположить, что и роскошь Российского императорского двора, и неоправданно пышные церемонии Православной Церкви на фоне бедно живущего российского народа также могли быть темой для обсуждения между наследником и его законоучителем. При этом упор в религиозном воспитании, как принято у протестантов, делался на личном познании Бога и на каждодневном чтении Священного Писания. Видимо, именно такой метод и практиковал отец Самборский, читая ученикам каждый день Евангелие. Кроме того, в отличие от ортодоксального иерея, уповающего на промысел Божий и воспитывающего христианское смирение своей паствы, а также сакральное отношение к монаршей персоне, Самборский сформировал в наследнике нелюбовь к почестям, что нередко отмечали современники императора. Это было в диковинку при русском императорском дворе той эпохи.

В письмах к сыну императору Александру I вдовствующая императрица Мария Федоровна с сожалением отмечала, что при нынешнем дворе нет того блеска, что был во время Екатерины Великой[358].

Мария Федоровна упрекала сына, что с самого своего восшествия на престол он уничтожил весь церемониал, который возвышал бы его в глазах простонародья. «Положение государя теряет, когда подданные смотрят на него как на простого смертного»[359], – сокрушалась императрица. «Вы же во многом снизошли до других», – делала она вывод. И далее следовали наблюдения, которые, на ее взгляд, подрывали не что-нибудь, а устои общества. Она отмечала, что в то время когда царь молится в церкви, его сановники, вместо того чтобы молиться вместе со своим монархом, уклонялись от выполнения своих религиозных обязанностей и на глазах у простых горожан свободно гуляли по улицам. Приемные дни, кроме воскресенья, при Александре Павловиче были отменены, из-за чего придворные и иноземные гости почти лишились возможности видеть царскую семью. Александр Павлович стал пренебрегать обязательным появлением

в обществе во всем блеске своего величия даже в особо торжественные дни. Наконец, все отвыкли видеть императора с семейством и вовсе потеряли интерес к самой монаршей персоне.

Глядя на поведение императора, который игнорировал церемонии, народ также начинал несерьезно относиться к их исполнению. Все это пагубно влияло на религиозные чувства подданных, потому что, утверждала Мария Федоровна, «народ все перенимает с императора». В своих наставлениях она прямо связала церковно-государственные церемонии с утверждением престижа монаршего трона и укреплением православной веры. Императрица отмечала, что многие придворные появлялись на церковной службе только во время обедни, и то не всегда аккуратно и вовремя. Поскольку даже император видел их редко, об этих придворных нельзя было составить какое-либо четкое мнение, и нельзя было бы такому окружению доверять. Вечерние рауты, так любимые обществом за то, что в этот момент можно было лицезреть царскую семью, окруженную сановниками, придворными и послами, теперь были упразднены.

Мария Федоровна была убеждена, что лишь устраивая балы, раздавая награды и напрямую общаясь с подданными, можно было «приобрести любовь и уважение, которыми пользовались венценосцы, извлекая из своего положения всевозможные выгоды»[360].

«Публика, сдерживаемая блеском величия, который только и может наложить печать на ее уста, лишенная этой узды, становится строгим судьей, что чревато не только волнениями, но и прямым мятежом, – делала она вывод. – Если бы все думали просвещенно (*то есть согласно европейскому кодексу поведения. – М. Е.*), престиж власти был бы не нужен, но в данном случае он делается необходимым»[361].

Таким образом, пышность и величественность придворных ритуалов и церемоний, активно поддерживаемых и освящаемых Православной Церковью, содействовали сакрализации власти, укрепляли монархический трон и авторитет персоны императора в глазах народа. Именно этому и должен был учить духовный пастырь своего августейшего ученика.

Парадокс императорской власти в Российской империи заключался в том, что государь, каким бы просвещенным он ни был, не должен был своим поведением вступать в противоречия со своей страной и обычаями своих подданных. Возможно, протестантский подход к личности с точки зрения обывательского мышления гораздо более демократичен и прогрессивен, а протестантский образ жизни более цивилизован, удобен и комфортен. Но это лишь с точки зрения «человеческого

разумения».

Православная Церковь, напротив, пережила в своей истории период иконоборчества[362]. В связи с этим она имела в своем арсенале множество богословских трудов, написанных в защиту украшения церкви[363].

Император, воспитанный в лоне православия, просто должен был не уходить так далеко от своего народа в своих стремлениях, а идти впереди, но в ногу с ними. Александр I, напротив, под влиянием европейского воспитания был слишком прогрессивен для своего времени и слишком далек от понимания высокого предназначения монарха, которое было заложено в основах православной религии, в которой он был рожден.

Обязанности законоучителя оканчивались в день обручения наследника. Когда Екатерина Великая нашла своему внуку невесту, то именно в этот день, 10 мая 1793 г., А. А. Самборский сложил с себя обязанности законоучителя. В своем письме с последними напутствиями великому князю он написал, что теперь только Господь Бог тот судья, перед которым Александр будет обязан своим отчетом. «Воспитание Ваше кончилось, – отмечал Самборский, – теперь все вообще ожидают от Вас полезных плодов. Теперь Вы, благоверный государь, должны Богу, отечеству и всякому порознь человеку сами отвечать во всех деяниях за себя! Вы должны отвечать не за себя точию, но и за Вашу будущую супругу, с которой в сей день Вы обручаетесь, благоверную государыню Елизавету Алексеевну. По истине, дело есть крайне трудное отвечати тако! А паче в Вашем высоком рождении, которое обстоит коварное и зловредное ласкательство, угнетающее правду. Проходя всех прошедших веков события, находим, что почти все земные владыки больше или меньше сделались жертвою онаго ласкательства, и кто больше предавался оному, тот в страшнейшее превратился чудовище! Итак, дабы Вы спаслись от будущих несчастий, должны, во-первых, сохранить свято обязанность брака, который начинается теперь обручением. Важное сие дело […] начнем горячими молитвами и возымеем твердую веру, чтобы благодать Божия во всем Вам будет содействовать»[364].

Однако отношения между законоучителем и его учеником не прекратились. Андрей Афанасьевич до 1808 г. остался духовником императора Александра I. Сохранилась также их многолетняя переписка, из текста которой видно, что Александр Павлович и в дальнейшем питал искренние чувства к отцу Самборскому, оказавшему на него большое влияние.

Неизвестный художник. Портрет императрицы Елизаветы Алексеевны. *Источник*: Государственный Эрмитаж

В одном из посланий священник напоминал: «Бог, одарив Вас щедро душевными и телесными талантами, взыщет строго от Вас отчет об употреблении оных, по подобию евангельской притчи о талантах»[365]; далее он дал совет Александру видеть в каждом человеке своего ближнего, и «тогда никого не обидите и тогда исполнится закон Божий».

В исторической литературе период правления императора Александра Павловича оценивается как время либеральных преобразований. Исследователи отмечали, что царь был воспитан на идеалах европейского гуманизма, а религию воспринимал как

важное средство просвещения народных масс. Известно, что император Александр I в начале своего правления очень интересовался всеми христианскими деноминациями, в частности протестантизмом. Как было сказано выше, посещавшие столицу квакеры имели личное свидание с монархом[366].

В первой четверти XIX в. государь, убедившись в «пустоте земного счастья», стал проникаться пиетизмом[367]. Кроме того, он вообще стал одержим религиозными метаниями, что выразилось в склонности к дружбе с масонами, а также близостью к мистической секте госпожи Варвары Юлии фон Крюденер. Вместе с императором металось все высшее общество. Однако консервативный слой аристократии, блюдущий религиозные и политические традиции, напротив, конфликтовал с Александром I.

Во внутренней политике вера монарха в универсальное христианство выразилась в основании в 1812 г. Библейского общества, созданного по образцу общества, учрежденного в Англии. Оно прежде всего занималось переводами на языки различных народов Российской империи Библии и их публикацией для просвещения всех «светом Христова учения». Внешним следствием религиозности императора стало создание в 1815 г. «Священного Союза» трех христианских держав с целью сохранения мира и предотвращения военных действий в Европе.

Прусскому епископу Эйлерту в 1818 г. сам император сказал: «Пожар Москвы осветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотою веры, какой я до тех пор не ощущал. Тогда я познал Бога»[368].

Современники сомневались, Лагарп ли привил Александру такие взгляды на жизнь, Лагарп ли заронил в его душу любовь к человечеству. Возможно, не последнюю роль в формировании личности императора Александра сыграл именно его законоучитель.

На наш взгляд, принимая в расчет практику придворной жизни с ее искушениями и соблазнами, можно ли только на законоучителя возлагать всю ответственность за религиозные колебания императора? Даже если бы А. Самборский был самым ученым из всех богословов и самым образцовым наставником, то император, находящийся на вершине земного существования, в зрелом возрасте мог быть подвержен множеству искушений.

Известно, что император Александр Павлович, не хотевший править (о чем сохранилось множество свидетельств), вступив во власть, внушал чувство любви и уважения своим подданным. По вступлении на престол он приказал пересмотреть все судебные приговоры прежнего царствования и повелел пострадавшим

возвратить свободу, имущество, честь.

Во внешней политике с приходом императора Александра водворился мир. Не забыл государь также об интересах Англии. В свое время император Павел I перекрыл англичанам возможности получения прибыли на российском торговом рынке, а его сын, наоборот, раскрыл им гавани и моря для внешней торговли.

Лишь во второй половине своего правления император отказался от идеи общехристианского единства, так как она совершенно не вписывалась в идею регулярного и самодержавного государства.

Написав в 1811 г. для Александра «Записку о древней и новой России», Н. М. Карамзин впервые в истории русского консерватизма сформулировал концепцию российского самодержавия. В частности, он отмечал, что в качестве «основного начала» для устройства государства видел именно православие как религию, освящающую царскую власть.

Один из ярчайших консерваторов эпохи царствования Александра I М. Л. Магницкий, вторя Н. М. Карамзину, писал: «Верный сын Церкви православной […] знает, что всякая власть от Бога». И далее прибавлял: «У нас одних Корона самодержавия лежит на алтаре Божием, неприкосновенная для рук черни, но приемлется в таинственном священнодействии из рук Церкви. Над нею крест, над державой крест, над скипетром крест»[369].

Как известно, самодержавие в России отличали внешняя международная независимость страны, завоеванная еще в XVII в. при царе Алексее Михайловиче, и внутренняя абсолютная неограниченности власти императора, сложившаяся уже к XVIII в. и к тому же имеющая божественное происхождение…

После победоносной Отечественной войны 1812 г. государь Александр Павлович не раз отмечал, что почувствовал божественное провидение. Возможно, именно это осознание вмешательства в свою судьбу божьего промысла и стало поворотным пунктом в возвращении монарха в лоно Православной Церкви, и миф о старце Федоре Кузьмиче когда-нибудь найдет свое подтверждение[370].

В любом случае император Александр I оставил много загадок, «он был задачей для современников: едва ли будет он разгадан и потомством»[371].

Не меньше загадок оставил по себе и протоиерей Андрей Афанасьевич Самборский. Основанная им в Царском Селе школа агрономов в XIX в. считалась одной из лучших в России. Плоды его трудов на ниве религиозного воспитания императора Александра Павловича, за неимением письменных доказательств, лучше всего видны сквозь призму высказывания госпожи де

Сталь, которая при личной встрече сказала императору: «Ваш характер, государь, – конституция Вашей империи, а Ваша совесть – ее гарантия»[372].

Он же стал приобщать к православию невесту цесаревича Александра Павловича Луизу Баденскую, будущую императрицу *Елизавету Алексеевну* (1801–1826)[373], и внес в ее религиозное воспитание свою лепту. Государыня активно усвоила православные (общехристианские) истины и прославилась не на балах и увеселениях, а на ниве благодеяний и милосердия, чему монархиня отдавала все свои душевные силы, время, энергию и личные средства. Об этом мы можем судить на примере статьи ее памяти, которая вышла на страницах общественно-политического журнала «Сын Отечества» сразу по кончине императрицы[374].

В статье кратко были перечислены все ее деяния: призрение бедных, больных, увечных, вдов и сирот. Не забыл автор статьи упомянуть и о личной скромности государыни, возглавлявшей сразу несколько благотворительных заведений и обществ. Их перечень был указан в докладной записке[375], представленной императору Николаю I Павловичу летом 1926 г. Сам автор, составивший записку, Николай Михайлович Лонгинов, долгие годы служил секретарем императрицы Елизаветы Алексеевны, «исправляющим письменные дела», и как никто был осведомлен об этой стороне жизни монархини.

Государь Николай Павлович распорядился «продолжать на том основании как при покойной государыне было»[376] и повелел своей супруге императрице Александре Федоровне принять под свое покровительство эти благотворительные учреждения.

Таким образом, пример благотворительности, который преподала супруга Павла I императрица Мария Федоровна, на долгие годы заложил основу государственных программ социальной защиты российских подданных.

Глава 8. Ученый богослов Г. П. Павский

Расцвет русской культуры второй половины XVIII–XIX вв. во многом обязан трудам не только светских деятелей науки и искусства, но и выдающихся подвижников православной церкви: ученых-богословов, пастырей, проповедников, миссионеров. Некоторые из представителей священнослужителей той эпохи даже были причислены к лику святых, например преподобные Паисий Величковский и Серафим Саровский, святители Феофан Затворник, Игнатий Брянчанинов и Филарет (Дроздов).

Среди представителей церковнослужителей достойное место занимает протоиерей Герасим Петрович Павский (1787–1863) [377], долгие годы служивший в штате придворного духовенства Зимнего дворца. Его имя было широко известно и пользовалось непререкаемым авторитетом в XIX в. в различных общественных кругах России. Литература о Герасиме Петровиче охватывает различные его интересы как богослова, филолога, экзегета[378], полиглота[379] и переводчика, стоявшего у истоков отечественной гебраистики[380]. Его труды по древнееврейскому языку стали классикой уже при жизни ученого. В православном сообществе Павский был известен как первый магистр первого выпуска Санкт-Петербургской духовной академии, в дальнейшем завоевавший авторитет ее лучшего и знаменитейшего профессора. Однако главная заслуга священника, по мнению современников, это его труды на поприще религиозного просвещения народа и, в частности, религиозного наставника наследника Российского престола. Более восьми лет отец Герасим был учителем Закона Божия будущего царя-освободителя Александра II, истинно христианские реформы которого возникли, бесспорно, во многом благодаря религиозному воспитанию Павского. Сам законоучитель с гордостью говорил о своем августейшем ученике: «И моего в нем капля меда есть»[381].

Герасим Петрович Павский родился в Павском погосте Лугского уезда Петербургской губернии 4 марта 1787 г. в семье дьякона. Первоначальное образование получил в Псковской семинарии, а с 1809 г. обучался в Петербургской духовной академии. Окончив ее в 1814 г.[382] со степенью магистра, он был оставлен при академии преподавателем; через год был рукоположен и стал служить священником в Казанском соборе.

Реймерс И. И. вт. поя. XIX в. Протопресвитер Герасим Павский. Из книги: *Родосский А.* С. Биографический словарь студентов первых XVIII курсов С.-Петербургской духовной академии 1814–1869 гг. СПб, 1907

С 1816 по 1817 г. Павский работал законоучителем в Царскосельском лицее. С 1818 г. он сначала занял должность профессора еврейского языка, а затем с 1819 г. по приглашению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа графа С. С. Уварова стал профессором на вновь образованной кафедре богословия Петербургского университета. Возглавлял эту кафедру отец Герасим вплоть до 1827 г. За это время он разработал для нее «курс истории постепенного раскрытия религиозных понятий

в человеческом роде»[383].

По воспоминаниям слушателей университета, Герасим Петрович был чрезвычайно талантливым педагогом, умеющим полностью овладевать аудиторией и увлечь своим предметом даже далеких от богословия студентов. «Курс его был очень обширен и богат содержанием, – писал в своих мемуарах А. В. Никитенко[384]. – В чтениях Павского было что-то своеобразное, ему одному свойственное: важность и почти младенческое добросердие, сила и простота, соединенная с глубокостью воззрений и удивительным богатством знания; и действие этих чтений содержало в себе так много связующего душевные силы слушателей его с предметом учения, что для них становилось одним и тем же – знать, убеждаться и чувствовать»[385].

В 1826 г., когда наследнику российского престола цесаревичу Александру Николаевичу исполнилось восемь лет, ему по традиции стали подыскивать учителя Закона Божия. Поскольку богословие являлось самым существенным предметом преподавания для ученика, которому предстояло в дальнейшем стать в государстве «первым сыном Православной Церкви», кандидатура священника должна была быть безупречной.

Герасим Петрович Павский уже в то время завоевал авторитет опытного богослова и в результате был представлен императору Николаю Павловичу по рекомендации сразу двух персон: В. А. Жуковского, который как главный воспитатель уделял особое внимание подбору команды преподавателей, и К. К. Мердера. Василий Андреевич знал отца Герасима как человека с незапятнанной биографией и обширными знаниями, а Карл Карлович, будучи военным воспитателем, был знаком с Павским ранее по совместной службе в военно-учебных заведениях.

Напомним, что согласно российскому законодательству, законоучителям, имеющим ученую степень, было предоставлено право обучать детей без особого испытания[386]. Отцу Герасиму в 1821 г. была присвоена степень доктора богословия. Однако император Николай Павлович, привыкший держать под контролем все – и военное дело, и искусство, и всякое строительство, и образование, в том числе и воспитание своих собственных детей, – все же решил сам проэкзаменовать кандидата на должность законоучителя.

Государь не имел в детстве достойного религиозного наставника[387]. Его не воспитывали как наследника престола, и потому обучение сводилось в основном к исполнению внешних обрядов: вместе с младшим братом Михаилом их водили в церковь к обедне по воскресеньям да по большим праздникам, и они оба обычно стояли на хорах. Как ни странно, первым

молитвам его обучала воспитательница англичанка мисс Лайон.

Впервые в камер-фурьерском журнале о причащении великого князя Николая Павловича упоминалось в 1803 г., когда тому от роду было 6 лет и 8 месяцев. «За две недели до того духовник императорской фамилии, отец Павел Криницкий, в воскресенье перед обеднею пришел к великому князю толковать ему о значении и употреблении крестного знамения, о необходимости молиться Богу, о превосходстве молитвы "Отце наш", о ее содержании и разуме. Этот первый урок Закона Божия продолжался около четверти часа, и духовник обещал приходить для подобных же толкований всякий день»[388]. Тот же протоиерей Криницкий готовил великого князя к первому причащению.

Правда, судьба великого князя Николая Павловича в тот год могла сложиться и по-иному. Дело в том, что в декабре того же 1803 г. по личной просьбе императора Александра I, совершавшего в то время путешествие по Европе, генералом-майором Н. Ф. Хитрово было сделано предложение знаменитому французскому романисту Ф. Р. де Шатобриану прибыть в Россию в качестве религиозного наставника великого князя Николая. Сам писатель, лично упомянувший об этом факте своей биографии[389], за несколько месяцев до того прислал российской монаршей семье в подарок несколько экземпляров обширного трактата «Гений христианства» (1802), ставшего знаменитым во всей читающей Европе, – главного сочинения своей жизни. Возможно, за эту книгу он надеялся получить от русского императора членство в Санкт-Петербургской академии наук. В этом произведении, в противовес эпохе Просвещения, прославляющей материализм, человеческий разум и моральное раскрепощение, автор проповедовал христианское смирение, подвижничество и мистическую интуицию. Шатобриан из всех существующих в мире религий считал христианство (католичество) самым поэтичным, человечным и благоприятным свободе, искусствам и науке. «Современный мир, – писал он, – обязан ей (*религии. – М. Е.*) всем, от земледелия до абстрактных наук, от больниц для бедных до храмов, воздвигнутых Микеланджело и украшенных Рафаэлем; […] она покровительствует гению, очищает вкус, развивает благородные страсти, дает мысли силу, сообщает писателю прекрасные формы и художнику совершенные образцы»[390].

Недаром творчеством Шатобриана зачитывались в салонах Петербурга и Москвы, им восхищались В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков, его произведения переводили в молодые годы будущий декабрист Николай Тургенев и будущий историк

Михаил Погодин, о его писательской позиции («первый из современных французских писателей, учитель всего пишущего поколения») с уважением отзывался в 1836 г. А. С. Пушкин[391].

Более того, сам Александр Сергеевич считал Шатобриана человеком «с продажной рукописью, но не продажной совестью»[392].

Однако проект императора Александра I не состоялся из-за боязни француза минимум на восемь лет покинуть родину; по его же собственной версии: «Если мне суждено было посвятить остаток жизни наследнику престола, то ждать этого от меня мог только Генрих V»[393].

Во всяком случае в 1847 г., уже будучи императором, на личной аудиенции статс-секретарю барону М. А. Корфу Николай I с сожалением отмечал: «В отношении религии моим детям лучше было, чем нам, которых учили только креститься в известное время обедни да говорить наизусть разные молитвы, не заботясь о том, что делалось в нашей душе»[394].

Несмотря на свое «сокращенное» религиозное воспитание император Николай, видимо, занимался всю жизнь самообразованием. Известно, что он воспринимал свое монаршее служение как служение Богу, а самодержавие – как милость Божию. Государь был твердо убежден, что Бог всегда пребывает с Россией и с ним. Однако, будучи насквозь практичным человеком, не считал, что монарху присущи какие-либо «сокровенные тайны монархии».

Возможно, именно поэтому кандидату на должность законоучителя государь поручил заранее продумать и представить в письменном виде программу религиозного обучения своего сына.

Павский составил записку «Мысли о законоучении» и представил ее Василию Андреевичу Жуковскому для передачи монарху. Позже это сочинение было опубликовано в XXX томе Сборника Императорского Русского исторического общества[395]. В конце текста имелась запись: «Получил повеление написать мысли свои октября 22 дня; подал октября 29 дня 1826 г., утвержден в должности законоучителем ноября 30 дня в день Андрея Первозванного. Андреевского Собора протоиерей Герасим Павский».

Император, прочитав весь текст, сразу его одобрил. В результате должность в университете Павскому пришлось оставить ввиду назначения преподавателем Закона Божия сначала великому князю Александру, а затем его сестрам Марии и Ольге (в 1827 г.) и чуть позже младшей сестре Александре (в 1833 г.). Одновременно законоучитель был приписан к Большому собору

Зимнего дворца и вошел в состав придворного духовенства.

Свои «Мысли законоучителя» Герасим Петрович изложил в десяти пунктах, где подробно описал, когда и что следует преподавать, исходя из общего развития ученика и его субъективных представлений о жизни на тот, настоящий для ученика момент. Павский предположил, что вообще детские и юношеские годы ребенка делятся на два этапа: «лета чувства, воображения и памяти» и «время рассудка и мыслительных сил». Он писал, что поскольку «…религия […] есть чувство, коим дух человеческий объемлет внутреннего Невидимого и в нем блаженствует, то обучение религии […] прежде всего состоит в том, чтобы возможно чаще пробуждать, питать и оживлять это святое чувство, дабы оно, укрепляясь и просветляясь внутри человека, давало от себя силу и жизнь всему человеку, всем его понятиям, всем его мыслям, желаниям и действиям»[396]. Ребенок живет чувствами и потому более всего имеет в себе религиозной жизни, но по мере взросления рассудок заставляет чувство отходить на второй план. В детские годы нужно «ввести идеи» в рассудок.

Следовательно, в первый период следует воспитать в наследнике религиозное чувство посредством молитв, жизнеописаний святых, приведением примеров из жизни людей и природы, где виден промысел божий, а также посредством изображения обрядов церкви. Этот период обучения должен соответствовать субъективному восприятию материала самим учеником на данном этапе его жизни и лишь при тесном личном его контакте с законоучителем. Далее должны следовать рассказы из жизни Спасителя, библейские и евангельские сюжеты. И лишь на втором этапе можно заняться вложением религиозных идей в «формах разума, воображения и правилах», то есть преподавать догматы, таинства и обряды, а также нравственные правила христианской веры. Иными словами, прежде всего следует обращаться к чувствам обучаемого и лишь потом к его разуму.

Павский настаивал, что курс необходимо излагать «кратко, ясно и живо», и предполагал, что необходим тесный контакт священника с учеником. Курс обучения, учил он, следует начать с обычной катехизации, то есть с главной молитвы «Отче наш», утренних и вечерних молитв и десяти заповедей, которые законоучитель предполагал объяснять с учетом понимания восьмилетнего ребенка.

В занятиях настольной книгой воспитанника должна быть Библия: преимущественно Евангелие и Псалтырь на русском языке. «При этом, – замечал отец Герасим, – книга должна быть достойно оформлена, чтобы ее внешний вид соответствовал

внутреннему содержанию»[397]. Он также однажды заметил, что, несмотря на все усилия преподавателей, все же «доброе семейство есть первое и наилучшее училище благочестия»[398].

Поскольку сам законоучитель нигде не встречал, чтобы в одной книге были собраны все необходимые молитвы, избранная агиография[399], а также внятно изложенные на русском языке основные таинства и обряды церкви, то просил предоставить это его трудам.

Позже Герасим Петрович написал в качестве учебников по богословию две книги, которые также были непосредственно обращены к его царственным ученикам: «Начертания церковной истории» и «Христианское учение в краткой системе». Часть своих размышлений и наставлений он опубликовал в журнале «Христианское чтение».

Отдельно были опубликованы «Беседы»[400] законоучителя с цесаревичем, которые разделялись на отдельные пункты. Каждый был озаглавлен, например, так: «Напоминание о вечной жизни», «Молитва Святому Духу об очищении сердца», «С какой точки надобно глядеть на жизнь…», «Успеваю ли я в нравственности», «Что я в отношении к другим» и т. д. В этих беседах нравственные догматы подкреплялись примерами из жизни с пространным объяснением, в каких случаях следует себя вести так, чтобы поведение было достойным христианина. Это была уже не информация к размышлению, а руководство к действию, предназначенное на все случаи жизни.

В общей сложности отец Герасим преподавал будущему императору: 1) Катехизис; 2) Церковную историю; 3) Учение о религии; 4) Догматическое богословие; 5) Обязанности христианина вообще и обязанности Государя[401].

«Обязанности христианина» Г. П. Павский разделил на параграфы и указал, в чем конкретно они заключаются. Например, «Общие обязанности всех членов гражданского общества […] выражаются в любви к Отечеству и в службе ему». Это значит, согласно Павскому, «уважать и соблюдать законы Отечества, защищать Отечество с оружием в руках» и т. д. Параграфы имели следующие названия: «Об обязанности начальствующих», «Об обязанности по отношению к церкви» (*отдельно клириков и мирян, – М. Е.*), «Об обязанности государя» и т. п.

В результате Герасим Петрович основной акцент в воспитании сделал на нравственное богословие. Этот пункт станет главным отличием религиозного образования наследника престола от обычной катехизации, проводимой в общеобразовательных учреждениях страны.

Вообще, до Г. П. Павского в России не было какого-либо научно обоснованного на законах дидактики метода преподавания Закона Божия, и если не считать Катехизисов, написанных рукой митрополита Московского Платона (Левшина), то не было и настоящих учебников по этому предмету. Сочиняя свое руководство в виде «Начертания церковной истории» и «Христианского учения в краткой системе», Г. П. Павский, скорее всего, опирался на труд митрополита Платона. Но и сам он также не был новичком в деле законоучительства и составления учебников по данному предмету. Кроме многолетнего преподавания в нескольких учебных заведениях, по поручению графа А. А. Аракчеева в 1817 г. он написал «Краткое наставление законоучителю кантонистов высшего разряда касательно предмета учения, методы и пособий». Плюс ко всему по поручению начальства Санкт-Петербургского учебного округа им была составлена подробная программа курса Закона Божия для гимназий Министерства народного просвещения. Она была введена в употребление сразу же по выходу из печати как в учебных заведениях Министерства просвещения, так и в «Благородном университетском пансионе», и в «Высшем училище». Поскольку Г. П. Павский возглавлял само дело обучения религии в гражданских и военных учебных заведениях, знал теорию и методы и был первым в России по времени законодателем в этой области, то он же и составил расписание уроков Закона Божия во всех гимназиях столицы. В результате многие сочинения отца Герасима, предназначенные для обучения великих князей, позже были опубликованы ограниченным тиражом[402], но многократно выдерживали переиздания вплоть до начала XX в.

В день совершеннолетия (25 апреля) 5 мая 1834 г. наследнику трона великому князю Александру Николаевичу предстояло принести гражданскую и воинскую присягу. По традиции гражданскую присягу наследники приносили в Большом соборе Зимнего дворца. Из церкви шествие направлялось в Георгиевский зал, где у трона под знаменем «своего имени полка» наследник произносил текст воинской присяги, в которой клялся «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови» Государю и Отечеству. Слова присяги были внесены в Свод законов Российской империи.

Это торжество описал А. С. Пушкин, присутствовавший на церемонии. Он особо отметил, что весь текст великий князь Александр произнес твердым и веселым голосом, «…но, начав молитву, принужден был остановиться и залился слезами.

Государь и государыня плакали тоже. […] Все трое обнялись в слезах»[403].

Предшествовала этому трогательному событию беседа цесаревича с его законоучителем[404]. Отец Герасим, готовивший великого князя к присяге, справедливо полагал, что в своем служении будущий монарх должен будет руководствоваться не только соображениями экономическими и политическими. Прежде всего как верующий человек он будет исходить из своих религиозных убеждений, зачастую прибегая к помощи церковной иерархии и к ее благословению.

В частности, отец Павский сказал цесаревичу: «Завтра Вы готовитесь предстать перед Спасителем человеков Иисусом и пред крестом Его должны будете раскрыть свою совесть. […] Вслед за тем Вы должны будете предстать перед государем и перед государством, чтобы дать обет служить им всеми силами ума и тела и радеть о пользе их, с пожертвованием самого себя. Надеетесь ли Вы найти в себе столько сил, чтобы легко возложить на себя и легко носить сие бремя?»[405] И далее Павский с радостью напомнил великому князю, что уже однажды задавал ему этот вопрос, и тот выразил сомнение: «Не рано ли?» Законоучитель порадовался, что будущий император не рвется к власти, а осознает всю великую ответственность, возложенную на него провидением.

Помня «Золотое правило нравственности»[406], сформулированное словами «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лук. 6:31), Герасим Петрович напоминал великому князю: «На людей и на мир не иначе может смотреть человек, как сквозь себя самого. И потому надобно иметь ему глаза чистые, неповрежденные, чтобы видеть вещи верно. Кроме того, назначение Ваше есть властвовать над другими: покажите сперва власть над самим собой. Владычество над собой есть наилучшее введение в науку правления. Кто умеет удержать порядок в разнообразных силах собственной души и подчинить буйные страсти тела державному духу, тот силен обладать душами других и умеет установить порядок вне себя»[407].

Заключил свою речь отец Герасим словами: «Прежде, нежели возложите на себя обет служить Государю и Отечеству всеми силами души и тела, возобновите обет, которым Вы при крещении сочетались Христа, облеклись в Него и обязались последовать Ему. Один только верный последователь Христа и здравый член Царства Божия может быть полезным членом Царства человеческого»[408]. Неудивительно, что после такого наставления священника, произнося весь текст присяги, молодой

цесаревич не смог совладать со своими нервами.

Многолетняя служба отца Герасима Павского была отмечена императорским вниманием. Он стал духовником императорской семьи и в течение ряда лет был награжден бриллиантовым наперсным крестом, алмазными знаками Святой Анны 2-й степени, орденом Святого Владимира 3-й степени и двумя бриллиантовыми перстнями.

Добрый, честный и отзывчивый характер отца Герасима завоевал симпатии многих придворных. Однако не все были так доброжелательны к нему. В 1835 г. звезда Герасима Петровича Павского внезапно закатилась. Будучи на службе при дворе, он не избежал интриг и оказался в центре личных, служебных и церковных интересов различных групп придворного общества[409].

Официальной причиной всему стали тетради, в которые он записывал краткий курс своих лекций. В них вошли, в частности, сочинение «Начертание церковной истории» и «Христианское учение в краткой системе»[410]. Последнее в основном явилось яблоком раздора.

Но сам Герасим Петрович говорил, что эти записи – лишь тезисы и являются не чем иным, «как учебными тетрадями, наскоро напечатанными для того, чтобы при отчете в уроках ученики имели пред собою нить преподанного им учения», и считал эти тетради «корректурными листами, где можно прибавлять или убавлять»[411].

Это сочинение нельзя было рассматривать как Катехизис или полный курс богословия. Однако никакие доводы на умы недоброжелателей не действовали. Его преподавание сочли недостаточно православным, а самого священника – представителем «облегченного, уклончивого и зыбкого благочестия»[412].

Митрополит Филарет (Дроздов)[413] на правах первенствующего иерарха Святейшего Синода написал два «Мнения» по поводу обоих произведений Павского и в июле 1834 г. послал их митрополиту Санкт-Петербургскому Серафиму (Глаголевскому). Оба «Мнения» были опубликованы в том же году[414] и сразу же поступили на рассмотрение В. А. Жуковскому.

Одна из этих рукописных тетрадей сохранилась до настоящего времени[415]. Она представляет собой краткий конспект на десяти страницах с рассуждениями о том, как в человеке проявляется образ Бога и в какой форме это происходит.

Поскольку противники Павского нашли в его записях влияние протестантской теологии, а также суждения, противоречащие «святоотеческому преданию и православному миросозерцанию», приведем в качестве примера лишь некоторые из высказываний

Герасима Петровича. На первой странице тетради после слов «Образ Божий отлично сияет в том…» рукой Павского подчеркнуты определенные слова: «…кто имеет светлый ум, и от низких желаний свободную волю, и добрые чувства». И далее следует утверждение, что «истинным и божественным» может называться только тот человек, который всегда и обо всем верно судит и постоянно властвует над собой и над окружающими его обстоятельствами. Но в природе такие люди не встречаются, рассуждал далее отец Герасим, и, чтобы стать таким человеком, необходимо постоянно совершенствоваться, «дополняя недальновидность своего ума верой в Бога»[416].

Возможно, оппонентам законоучителя наследника не понравился здесь намек на постулат об оправдании верой, выдвинутый еще в XVI в. главным идеологом Реформации Мартином Лютером[417]. Однако тот же Лютер вовсе не утверждал, что только «вера без добрых дел и молитвы» может привести к спасению.

Понятие «религия» Павский объяснял личной связью «человека с Богом и миром вышним», а источниками религии он называл «разум» и «откровение». «Когда человек познает Бога и природу своими силами, – писал отец Герасим, – то это "естественная" религия, а когда он получает откровения свыше, то это религия "откровенная"»[418]. Это значит, что допуская личное общение человека с высшими силами, законоучитель не упомянул наличие Церкви и священнослужителей как одно из звеньев цепи «человек – Бог». Возможно, этот факт также не ускользнул от внимания недоброжелателей отца Герасима.

Далее следовали рассуждения законоучителя о том, что только первый человек, Адам, видел Бога и имел верное о Нем представление. Адам же передал свои знания благочестивым патриархам, которые хранили образ Божий в своих семьях 20 поколений. Хранителями и исполнителями воли Бога были пророки, которые учили народ богопознанию и нравственности до тех пор, пока не пришел Спаситель. Все свидетельства записаны в Священном Писании, к которому постоянно отсылал своего ученика Павский, настаивая на его личном участии в освоении Библии.

В этих, а также в остальных рассуждениях и опубликованных трудах отца Герасима, обращенных непосредственно к наследнику престола[419], на наш взгляд, не было ничего крамольного. Он лишь пытался научить наследника самостоятельно читать Писание и независимо рассуждать о прочитанном тексте. Законоучитель считал путь «откровения» равноценным, вполне допустимым способом познания Бога.

Доказательством независимости, широты взглядов, смелости и честности отца Герасима может служить такой факт. Будучи выпускником духовной академии, в своей магистерской диссертации «Обозрение книги Псалмов, опыт археологический, филологический и герменевтический» он на основе филологического, литературоведческого, исторического и богословского анализа выстроил доказательство того, что значительная часть псалмов принадлежала не царю Давиду. Учитывая, что любое мнение о Священном Писании, свободное от канонического и общепринятого, во все времена Церковью воспринималось сдержанно и настороженно, этот поступок достоин уважения. Тем более что столь рискованное научное суждение высказывал еще молодой человек, не имеющий достаточного опыта и авторитета у коллег. Тем не менее работа молодого выпускника понравилась руководству духовной академии, ив 1814 г. его труд был рекомендован к печати как образец ученых достижений выпускников новой школы[420].

Тем не менее митрополит Московский Филарет, который был одно время наблюдателем «по преподаванию Закона Божия в учебных заведениях столицы» и по праву считался авторитетом в этой области, остался недоволен уроками Герасима Петровича[421].

В письменной форме он изложил главному воспитателю наследника В. А. Жуковскому «о недостатках, о несообразностях […] в христианском учении и церковной истории, преподаваемых […] будущему главному защитнику и покровителю православной, государственной веры и церкви»[422].

Отставка законоучителя наследника в начале 1835 г. широко обсуждалась в общественных кругах столицы, а также на страницах периодической печати, причем многие предполагали, что «тут дело начиналось не только церковное, но и политическое»[423].

А. С. Пушкин в своем дневнике записал: «Филарет сделал донос на Павского, будто он лютеранин. Павский отставлен от великого князя. Митрополит[424] и Синод подтвердили мнение Филарета. Государь сказал, что в делах духовных он не судия; но ласково простился с Павским. Жаль умного, ученого и доброго священника! Павского не любят»[425].

Сам Герасим Петрович объяснял свою отставку исключительно завистью коллег. Он постоянно уклонялся от совещаний с митрополитом Московским Филаретом по поводу обучения наследника, считая такое вмешательство неуместным, и в ответ был провозглашен «не вполне православным». «Им хотелось все прибрать в свои руки, – писал Павский в письме к В.

А. Жуковскому. – С того времени, как Государи стали избирать и в законоучители для своих детей, и в духовники лиц «белого» духовенства, монахам-иерархам показалось, что власть от них отходит следовательно, переходит к белому духовенству»[426].

Многие иностранные путешественники также отмечали, что в России лица, приближенные к правящей персоне, независимо от их личных и деловых качеств считаются более влиятельными и значительными, чем профессионалы, далеко отстоящие от императорского двора. Учитывая это обстоятельство, представители духовенства, имеющие в церковной иерархии более высокий статус, считали себя обойденными простым священником. В письме В. А. Жуковскому отец Герасим писал: «Врагов у меня и было, и есть много. Первый враг – зависть, ибо были искатели сего места, которое я занимаю, как Вы знаете, без всякого искательства. Второй опаснейший враг – оскорбленная гордость. Вы не знаете, как это оскорбительно для гордости, когда что важное делается без ведения и покровительства наших архипастырей! […] Я занял свое место без покровительства монахов и теперь даже не советуюсь с ними, чему и как учить, не показываю им уроков моих. Я этого, впрочем, смел и не делать, потому что в отчетах моих занятий никогда не был им подчинен. С тех пор как я только занял место, вот уже восемь почти лет, они смотрят на меня всегда косыми глазами и постоянно готовы были чернить меня и чернили мои мысли»[427].

В результате Герасима Петровича стали обходить наградами Синода. За десять лет его службы цензором духовных книг он не получил ни одной награды и два раза был ревизором в духовной академии, за что был представлен к награде, но не получил ее. Однажды министр народного просвещения А. С. Шишков (1824–1828), желая навредить Г. П. Павскому, отправил книгу «Божественное происхождение христианской религии» вместе с переводом на рассмотрение императора Николая I с намеком, что в ней содержится крамола, упущенная Павским. Государь книгу прочел и не нашел в ней ничего разрушительного. Он только выразил удивление, что сам Шишков вместо работы занимается бездельем. «Поступок мудрый, подающий надежду, что участь людей и просвещение не будут у нас всегда зависеть от сплетней праздных или неблагонамеренных людей», – записал в своем «Дневнике» по этому поводу А. В. Никитенко[428].

Сам же отец Герасим старался не дразнить гусей и всю жизнь был крайне осторожен в своих поступках и словах. Он говорил по этому поводу: «Зная, какому высокому лицу я преподаю уроки, я всегда старался обдумывать предмет, и, видя, между какими строгими наблюдателями живу, я говорил и писал только то, что

справедливо перед целым светом»[429].

В. А. Жуковский представил императору докладную записку, где было сказано, что он прочел со вниманием замечания митрополита Филарета и счел, что многие из них относятся к неточности формулировок и незначительны и что законоучитель в своих занятиях строго держался Катехизиса, изданного Синодом[430].

Сам Василий Андреевич пытался как мог обелить отца Герасима в глазах монарха. Он написал императору докладную записку, в которой пытался объяснить, что в учении отца Павского не было крамолы, а все замечания митрополита Филарета назвал «пустыми, злыми, бессовестными»[431]. Но записка не возымела действия, и Жуковский был вынужден в этой истории быть скорее «недоумевающим зрителем, чем действующим лицом»[432].

Николай I, дабы не раздражать митрополитов, подписал законоучителю отставку. Герасиму Петровичу ничего не оставалось, как подчиниться. Об одном только он просил, чтобы уйти со службы «по состоянию здоровья», так как не хотел ни громкого скандала в обществе, ни потрясения для своих «высоких питомцев» от резкого разрыва со своим наставником.

Кроме того, членам Святейшего Синода стало известно, что профессор Павский со своими студентами духовной академии занимался переводами Библии не с Септуагинты[433], как было принято до этого, а с древнееврейского языка на русский, и уже довольно преуспел в этой деятельности. В результате хитро сплетенной интриги протоиерей еще раз был обвинен в «ереси» и «склонностях к протестантизму», тираж размноженной его студентами переведенной Библии было приказано уничтожить, а 47-летний профессор Павский в 1841 г. получил почетную отставку также из духовной академии[434].

Многие современники отмечали простоту, прямоту и откровенный характер отца Герасима. Эти черты сослужили ему недобрую службу при приеме в члены Академии наук. Его не любил вышеназванный А. С. Шишков, который не только занимал пост министра народного просвещения, но и слыл довольно даровитым писателем-славянофилом. Герасим Петрович порой подшучивал на его «славянизмами», и потому именно Шишков отклонял кандидатуру Павского при голосовании[435]. Когда же, наконец, в 1858 г. Герасим Петрович был удостоен звания члена Академии наук, В. Г. Белинский написал о нем, что Герасим Павский «один стоит академии»[436].

За время своей службы при дворе отец Герасим сдружился со многими выдающимися деятелями государства. Он близко

сошелся с военным наставником цесаревича К. К. Мердером, вел многолетнюю переписку с президентом Академии художеств А. Н. Олениным[437], долгие годы дружил с поэтом Василием Андреевичем Жуковским. В одном из писем от 18 февраля 1846 г. Жуковский писал отцу Герасиму: «Будучи свидетелем в продолжение восьми лет Ваших действий, я имел возможность узнать Вас коротко и на всю жизнь сохраню к Вам то почтение, которое Вы вселили в меня своим благородным характером, своей чистой нравственностью, основанной на вере, своим умом просвещенным и своим бескорыстным усердием в исполнении возложенного на Вас долга. Да послужит Вам при горестной разлуке Вашей с высокими воспитанниками утешением мысль, что Вы способствовали к развитию в сердцах их чистейших чувств и правил веры, что Вы заслужили уважение и любовь и что привязанность никогда не ослабеет»[438].

Отец Герасим еще долгое время служил в церкви Таврического дворца и окончательно вышел в отставку в 1855 г. по состоянию здоровья. Пришедший в тот год к власти император Александр Николаевич «в ознаменование Своего благоволения к бывшему наставнику, сопричислил его к собору Зимнего дворца, оставив за ним все содержание и все преимущества по службе», а по случаю своего коронования пожаловал бриллиантовый наперсный крест[439].

Имея много свободного времени, Герасим Петрович занялся наконец научной деятельностью. В результате из-под его пера вышел ряд выдающихся филологических сочинений, а его самого впоследствии стали называть классиком русской лингвистики, так как на его работы позднее опирался известный русский ученый академик В. В. Виноградов.

Павский также стяжал славу родоначальника библеистики и историко-библейской научной школы в России. Им были заложены основы русского перевода Библии, и он же остался в истории Православной Церкви России как первый переводчик Священного Писания с первоисточника. Его перевод книг Ветхого Завета был частично опубликован в журнале «Дух христианина» (1862–1863).

Герасим Петрович первым стал вводить научно-критические исследования в научный оборот русского богословия и первым использовать исторические принципы в своих исследованиях и переводах Ветхого Завета. Он писал: «Благодарю Бога, что Церковь, в которой я рожден и воспитан, не принуждает меня верить чему-либо без доказательств. Она позволяет мне углубляться в чистое и святое Слово Божие и, если что и предписывает, всегда указывает основание своему предписанию в

Слове Божьем и в общем голосе просвещенных учителей церкви»[440]. Однако многие ортодоксы с их охранительно-консервативной линией старались всячески избегать такого подхода.

К концу жизни его имя заняло достойное место среди ученых своего времени. Профессор богословия Н. Барсов назвал его «красой и гордостью русской православной церкви и богословской науки, как и науки вообще»[441]. Историк А. С. Родосский характеризовал отца Герасима Павского как «великую силу в науке и литературе XIX века, отличного богослова, выдающегося патриота с великими качествами правды и чести»[442].

Даже известный своими антиклерикальными взглядами В. Г. Белинский считал, что сочинением «Филологические наблюдения над составом русского языка», которое принесло отцу Герасиму Павскому славу выдающегося лингвиста, Демидовскую премию и членство в Академии наук, было «положено прочное основание изучению русского языка»[443] в России.

Литография А. Мюнстера. Протопресвитер Василий Бажанов. *Источник*: Российская Государственная библиотека им. В. И. Ленина

Умер Герасим Петрович 7 (19) апреля 1863 г. на 76-м году жизни. Панихиду по нему в церкви Таврического дворца вместе с придворным духовенством и при большом стечении народа отслужил следующий законоучитель императорской семьи протопресвитер Василий Борисович Бажанов. Литургию совершал митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский Исидор (Никольский).

Похоронили отца Герасима Павского на кладбище Императорского фарфорового завода. Там же были захоронены его жена, дочь и внук. Но само кладбище после революции было разрушено, и в настоящее время могила Г. П. Павского окончательно утеряна.

Смерть выдающегося богослова вызвала широкий отклик в печати. В некрологе, написанном по случаю его кончины, было сказано: «Это была чистая […] доверчивая и любящая душа, которая не принимала двуличия, хитрости, зависти и всякой лжи. Отец Герасим пережил много разных эпох, персон и событий, но при этом всегда оставался прямым и честным человеком»[444].

Через три года после смерти священника в статье известного историка М. Н. Погодина[445] был приведен краткий перечень его трудов[446]. Среди множества опубликованных сочинений ученого было издание «Европейской грамматики», «Хрестоматии», трех томов «Филологических наблюдений над составом русского языка». Кроме того, Павский участвовал в составлении «Энциклопедического лексикона» (в рукописи), напечатал «Рассуждения о Псалтыре», «Толкование Евангельских притчей», «Христианское Учение в краткой системе» и более 20 лет участвовал в издании журнала «Христианское чтение».

М. Н. Погодин напомнил, что после своей смерти все бумаги и библиотеку отец Герасим пожертвовал семинарии[447]. Его единственная дочь, вдова надворного советника Надежда Мальгина, получила ничтожную пенсию – 107 рублей 25 копеек в год[448]. Под конец своей жизни она крайне нуждалась, так как была частично разбита параличом, но еще содержала свою тетку – сестру Павского. Обращаясь напрямую к государю, она получала 500, 500 и 900 рублей в 1864,1866 и 1868 г. соответственно. Но этого хватало очень ненадолго. Погодин призывал все учреждения, которые были отмечены трудами Герасима Петровича Павского – Святейший Синод, Министерство двора, Петербургскую духовную академию, где он прослужил до конца

своей жизни, Петербургский университет, Министерство народного просвещения – принять участие в судьбе его дочери[449].

В заключение заметим, что императору Александру II с детства повезло с учителями и наставниками. Достаточно напомнить, что кроме В. А. Жуковского и К. К. Мердера юридические науки ему преподавал известный государственный деятель и реформатор М. М. Сперанский. Достойное место в этом ряду занял протоиерей Герасим Петрович Павский, имя которого «принадлежит к числу тех имен, которые никогда не умирают в потомстве и добрая память о которых с уважением передается из рода в род»[450].

Глава 9. Протопресвитер В. Б. Бажанов: «Обязанности государя и христианина»

Следующий законоучитель монаршей семьи, Василий Борисович Бажанов, не стяжал славу златоуста, как митрополит Платон (Левшин), или ученого богослова, как протоиерей Герасим Павский, однако его заслуги православного пастыря невозможно переоценить. Его богословско-просветительские труды и религиозно-поэтические сочинения, неоднократно публиковавшиеся в журналах «Христианское чтение» и «Странник», а также вышедшие отдельными изданиями, не только легли в основу богословского воспитания трех императоров, но также явились пособием для обучения Закону Божию в учебных заведениях России последующих поколений подданных империи.

Биография В. Б. Бажанова была опубликована в XIX в. в различных источниках[451], причем автобиографию священник продиктовал на склоне лет, уже будучи совершенно больным. Воспоминания о нем встречались также в мемуарах современников. Однако после 1917 г. упоминание имени Василия Борисовича практически не встречается даже в специальных изданиях, посвященных деятелям православной Церкви[452]. Между тем В. Б. Бажанов занимал высокое место и в церковной, и в придворной иерархии XIX в.

Происхождение будущего пастыря было достаточно традиционным для представителя духовенства того времени. Василий Борисович родился 7 марта 1800 г. в семье сельского дьякона в Алексинском уезде Тульской губернии. В десятилетнем возрасте начал свое обучение в Тульской семинарии, по окончании которой в 1819 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию.

В 1823 г., получив степень магистра богословия, он был оставлен в должности бакалавра в академии преподавать немецкий язык. После женитьбы в 1826 г. на дочери священника Обуховской больницы А. Ф. Горянского Василий Борисович был рукоположен в священники в церкви 2-го кадетского корпуса и назначен законоучителем этого корпуса и Дворянского полка, а также настоятелем храма Святого Александра Невского[453]. В 1827 г. он сменил протоиерея Г. П. Павского на кафедре богословия в Санкт-Петербургском государственном университете, когда тот был назначен на должность законоучителя детей императора Николая I.

Одновременно Бажанов стал служить священником при

университетской церкви.

В течение ряда лет отец Василий приобретал опыт преподавания Закона Божия в различных учебных заведениях столицы. С 1827 по 1836 г. он служил в Благородном пансионе; с 1827 по 1831 г. – в Высшем училище (с 1830 г. – 1-я Петербургская гимназия); с 1829 по 1845 г. – в Главном педагогическом институте, оставив при этом работу в духовной академии. Руководство признавало заслуги Бажанова, его «отлично-усердную службу и особые труды в приготовлении […] студентов»[454].

Многие исследователи и биографы Василия Борисовича отмечали, что богословские сочинения Бажанова, опубликованные отдельными изданиями, имели большой успех у читателей. Они отличались от привычных богословских проповедей простым языком, свободным от велеречивости и архаизмов, а также умением связать христианские основы с повседневной жизнью. Одно из таких сочинений вышло в свет как раз в 1835 г. Это была книга «Притчи. Нравоучительные повести для детей». За этот труд от Министерства народного просвещения Бажанов получил орден Святой Анны 3-й степени. В результате слава о нем стала разноситься по всей столице.

В одной из своих опубликованных речей к выпускникам 1-й Петербургской гимназии (именно там император Николай I увидел впервые священника Бажанова) Василий Борисович сказал, что хотел бы дать им на прощание свое напутствие. Он предостерег своих учеников, что в свободной самостоятельной жизни их встретят не только суетные блага этого мира, но и земные горести и беды. И чтобы не впасть в грех обольщения и отчаяния, им необходимо будет сохранить твердые непоколебимые христианские убеждения, ибо на земле, «в сем жилище греха и заблуждений без руководства Веры нельзя найти истинного счастья»[455].

В другой своей напутственной речи к выпускникам Благородного пансиона В. Б. Бажанов упомянул, что в Царстве Всемогущего не только судьбы царей и царств, но и каждого человека находятся под влиянием Божьего Промысла. «Вы вступаете теперь в свет, – проповедовал законоучитель, – там услышите иногда новое учение, новые правила жизни, ложные в своем основании, гибельные по своим последствиям, но для неопытного всегда привлекательные по своей новости и благовидному покрову, который они обыкновенно носят; там представятся вам разнообразные примеры суетности, заблуждений и пороков человеческих; там встретите людей, обладаемых различными предрассудками, для коих одна

нравственность состоит только во внешнем благоприличии поступков, главное правило деятельности – в искусстве применяться ко времени и обстоятельствам»[456]. Он напомнил, что при всех добрых качествах души можно незаметно для себя увлечься заблуждениями света. Потому не следует полагаться на собственное благоразумие и благонравие, ибо известны примеры, когда самые мудрые и лучшие из людей оставили вместе с высокими примерами также и памятники заблуждений и слабостей человеческих. Закончил он свою речь словами: «Изберите Слово Божие непременным руководителем на скользком и опасном пути жизни».

Известно, что воспитание наследника цесаревича Александра Николаевича было поручено великому русскому поэту В. А. Жуковскому. Он же и составил десятилетний план обучения наследника, не касаясь при этом ни богословия, ни военного дела, для преподавания которых необходим был специалист. Сам Василий Андреевич отвечал за выбор педагогов. Согласно плану Жуковского, следовало, что весь курс богословия еще не был закончен, однако прежний законоучитель был к тому времени уволен. Можно предположить, что обвинения, предъявленные протоиерею Г. П. Павскому, многому научили и самого Жуковского. Во избежание возможных дальнейших претензий со стороны императора, а также придирок со стороны официальных церковных иерархов поиски нового законоучителя начались с учебных заведений столицы, где преподавали опытные законоучители. Поскольку В. Б. Бажанов уже был известен благодаря своим сочинениям, то, возможно, В. А. Жуковский его также заочно знал. Скорее всего, по рекомендации главного воспитателя цесаревича император Николай I дважды лично посетил 1-ю Петербургскую гимназию (сначала в феврале 1834 г., а затем в январе 1835 г.), где преподавал Василий Борисович.

Отец Василий, крайне польщенный вниманием государя к своим занятиям и такой честью, позже в автобиографии вспоминал: «Никто из законоучителей ни в одном учебном заведении не удостаивался ни прежде, ни после сего». Император Николай Павлович любезно предложил Бажанову «продолжать урок сидя», но тот продолжал вести урок стоя «без всякого смущения, совершенно спокойно и свободно»1. В результате, прослушав урок «с четверть часа», по возвращении во дворец император заявил, что нашел законоучителя для наследника и остальных своих детей.

В результате «по Высочайшему повелению» Василий Бажанов 2 февраля 1835 г. был назначен духовником и законоучителем «Его Императорского Высочества Государя Наследника

Цесаревича и Великого Князя Александра Николаевича и Их Императорских Высочеств Великих Князей и Княжон»[457] [458].

На другой день Василий Борисович был определен священником к малой церкви Зимнего дворца и в том же году 16 апреля возведен в звание протоиерея. Довольно скоро стал он входить в императорскую резиденцию «как в свое семейство». Карьера его начала быстро взлетать, о чем свидетельствуют многочисленные награды священника. В следующем 1836 г. он был избран действительным членом Императорской академии[459], а 17 апреля 1837 г. за успехи, проявленные наследником цесаревичем на экзаменах, и за труды в Главном педагогическом институте Бажанов был «сопричислен к ордену Святой Анны 2-й степени под императорской короной»[460] с формулировкой «За отличное усердие и труды по званию наставника Его Императорского Высочества». Лица, награжденные этим орденом, имели права потомственного дворянства, и двери привилегированных учебных заведений России открывались для их сыновей.

В том же году Василий Борисович издал книгу «О вере и жизни христианской», где подробно были изложены его мысли о том, как руководствоваться заповедями в повседневной жизни, как поступать в том или ином случае, исходя из христианского вероучения. За это сочинение летом 1837 г. он получил степень доктора богословия и был избран действительным членом Академии наук. 2 апреля 1838 г. «За отличное усердие и труды по званию законоучителя Великого Князя Константина Николаевича» В. Б. Бажанов был награжден «наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями»[461].

Преподавательские методы отца Василия были далеки от шаблона и от узкогимназического характера. В их основе Бажанов заложил несколько своих сочинений, из которых труд «Обязанности христианина», изданный в 1839 г. отдельной книгой, в течение ряда лет служил также пособием для светских и духовных учебных заведений России. В этой книге была представлена целая система нравственного богословия и подробно раскрыты мысли священника о долге и справедливости. Текст был изложен с достоинством и без низкопоклонства.

Об атмосфере, царившей на уроках отца Василия, можно судить по мемуарам дочери императора Николая I Ольги, впоследствии королевы Вюртенбергской. Она вспоминала: «Мы были пронизаны учением нашей православной веры. Как мы благословляли судьбу за эту нашу веру отцов, как мы любили нашего духовника отца Бажанова! Терпимый в своей религиозности и совершенно беспристрастный, он учил нас

Истории Церкви. Благодаря ему мы научились понимать, что русский характер и русская Церковь – неразъемлемое единство. Когда мы стали взрослыми, отец Бажанов приходил, как и прежде, каждый понедельник к нам, но вместо уроков были разговоры, сердечные и задушевные», причем законоучитель стал объяснять детям «богослужение, чтобы мы могли следить за ним»[462].

Ольга Николаевна отмечала, что у всех детей благодаря урокам отца Василия появилось «сильное влечение к нашей православной вере»[463].

Кроме своих собственных пособий, Василий Борисович перевел избранные притчи немецкого теолога и поэта Фридриха-Адольфа Круммахера, моралистические сочинения которого были очень популярны в России в XIX в. Возможно, эти переводы также могли быть использованы Бажановым в качестве богословской литературы для императорских детей. В частности, переведенные им «Нравоучительные повести» с 1835 по 1915 г. выдержали 17 переизданий.

С 24 сентября 1841 г. император Николай I повелел В. Б. Бажанову «за труды по законоучительству» выделить из Государственного казначейства в виде пансиона по шестьсот восемьдесят шесть рублей серебром в год от канцелярии Министерства императорского двора[464].

Однако с середины 1842 г., о чем Василий Борисович указал в автобиографии, отношения с государем Николаем Павловичем стали отнюдь не безоблачными, и все «благодаря» придворным интригам. Дело в том, что духовник императора Николай Васильевич Музовский был в то время довольно в преклонных летах и постоянно болел. Дело шло к тому, что скоро его не станет, и Бажанов вполне мог занять его место, а вместе с тем быть назначенным членом Святейшего Синода. Этому препятствовали обер-прокурор Н. А. Протасов, а также митрополиты Киевский Филарет (Амфитеатров) и Московский Филарет (Дроздов). Никто из вышеперечисленной тройки не хотел возвышения Бажанова, ибо он «на все имел свое мнение и не был безгласным»[465]. Года за два до кончины протопресвитера Музовского ему стали по всей России подыскивать замену и даже нашли нескольких кандидатов на должность духовника императора. Когда же в 1848 г. Николай Васильевич Музовский умер, то император Николай I в канун своего тезоименитства 5 декабря вдруг неожиданно для окружающих и для самого Василия Борисовича Бажанова назначил его своим духовником. Причем ему еще и была пожалована митра[466].

Отец Василий долгое время не знал, что и подумать и как

объяснить перемену в настроении государя: «Шесть лет опалы – и вдруг такая милость!»[467]

Вскоре Василий Бажанов занял при императорском дворе сразу несколько ключевых должностей и стал исполнять многие священнические обязанности. С 12 декабря того же 1848 г. он стал управляющим придворным духовенством и был назначен протопресвитером придворных храмов: собора Святых Петра и Павла, собора во имя Спаса Нерукотворного образа Зимнего дворца и московского Благовещенского собора[468]. Причем он также стал последним священнослужителем, совмещавшим обязанности протопресвитера придворного духовенства и обер-священника гвардии.

Кейзер Никез. Портрет великой княгини Ольги Николаевны. *Источник*: Государственный Эрмитаж

Со временем отца Василия назначили законоучителем подросших детей наследника великого князя Александра Николаевича: 8 сентября 1850 г. – великого князя Николая Александровича[469] (Никса), 26 февраля 1852 г. – великого князя Александра Александровича[470] (будущего императора Александра III) и 10 апреля 1854 г. – великого князя Владимира Александровича[471].

За успехи в деле христианского воспитания императорских детей Василий Борисович был многократно отмечен императором Александром II: 22 апреля 1850 г. он был награжден орденом Святой Анны 1-й степени «за труды по законоучению»[472], а 26 августа – орденом Святого благоверного князя Александра Невского[473].

Тяжелым ударом была для отца Василия смерть его покровителя – государя Николая Павловича. Фрейлина А. Ф. Тютчева, присутствовавшая при кончине императора, вспоминала, что перед смертью тот просил своего духовника «читать над ним отходную», затем поцеловал его руку, «прощаясь с ним, а знаком попросил его благословить Цесаревича и Государыню, поручая их его молитвам»[474].

Через несколько дней после смерти государя отец Бажанов пришел на урок и «побеседовал с великими князьями о том, что произошло, и спросил, какие мысли и чувства вызвало у них это событие». Великий князь Александр ответил: «Оно научило меня пятой заповеди "Возлюби отца своего”»[475].

Василий Борисович участвовал в церемонии восшествия на престол и коронации следующего императора – Александра II[476].

В свое время протоиерей Г. П. Павский составил две специальные программы религиозного воспитания наследника: «Начертание церковной истории» и «Христианское учение в краткой системе». Будучи законоучителем следующего претендента на престол – цесаревича Николая[477], специально для него отец Василий сочинил новое руководство. Готовя цесаревича к принесению военной и гражданской присяги в день его совершеннолетия 8 сентября 1859 г., Бажанов произнес речь, позже опубликованную в виде отдельной книги под названием «Об обязанности Государя»[478]. Речь Василия Борисовича предварялась словами: «Высоко звание Государя, велики и обязанности, возлагаемые сим высоким званием…», и далее священник подробно останавливался на обязанностях христианского монарха, разделив их на тринадцать пунктов.

Это сочинение, написанное простым доступным языком, в каждом из пунктов развивало и утверждало учение Евсевия Кесарийского, делая его современным и насущным для наследника Николая Александровича. Начиналось сочинение утверждением, что «в отношении к подданным своим Государь есть Наместник Бога на земле, орудие для всеблагого Его провидения о них»[479].

Монархические обязанности, учил В. Б. Бажанов, это священнейшее из всех званий на земле, и потому принимать эту

должность необходимо «со страхом и трепетом», и только из «высокого понятия о Царском достоинстве открываются и сами обязанности Государя». Монарх должен быть истинным «отцом своего народа», он должен знать существенные нужды своих подданных и изыскивать средства к их удовлетворению; распространять полезные науки и искусства, стремиться возвести свой народ на «высшую ступень могущества и благоденствия», чтобы каждый человек в государстве, исполняя свои обязанности, мог беспрепятственно наслаждаться плодами своего труда.

Государь обязан издавать законы так, чтобы каждый легко мог бы знать и свои права, и свои обязанности. При этом сам император должен «служить примером уважения к закону». Ему не следует позволять себе произвольных действий и несправедливости, ибо «ничто столько не раздражает народ и не охлаждает его любви и преданности к Престолу, как произвол и несправедливость в государе, от которого все ожидают защиты и покровительства»[480].

Монарх должен покровительствовать вдовам, сиротам и беспомощным, следить за «чистотой нравов» и «истинным благочестием», «оказывать покровительство разноплеменным подданным и дать им возможность отправлять свои богослужения открыто и безопасно». При этом государю следует быть примером хорошего семьянина и отца, а также самому ревностно следить за благосостоянием Православной Церкви, ибо «Православная Церковь в православном государстве есть то же, что душа в теле»[481], потому монарх должен заботиться о Церкви, «как сын о матери».

Далее законоучитель напоминал, что монарху необходимо следить, чтобы «сильные не притесняли слабых», «взыскивать строго за злоупотребления», «не обременять народ свой тяжкими налогами ради своего суетного величия», «не предпринимать без крайней нужды войны, всегда разорительной для государства». Но особенно, подчеркивал отец Бажанов, он должен остерегаться в себе наклонности «к забавам и удовольствиям чувственным». И далее в качестве примера была приведена жизнь царя Соломона – благочестивейшего из правителей в начале своего царствования и разорителя своей страны из-за любви к роскоши и наслаждениям[482].

Особенно предостерегал Василий Борисович наследника опасаться лести окружающих, кои всегда плотным кольцом окружают трон, а также надменности и гордости в своем сердце. Государю необходимо «часто напоминать себе, что по природе он равен со всеми своими подданными», многие из которых, возможно, превосходят его по личным качествам души, и

помнить, что своим возвышением император обязан исключительно благости Всевышнего, а Суд Божий его будет судить строже, чем его народ. Главное, что должен помнить будущий правитель, «не будучи обязан никому из людей давать отчет в своих распоряжениях и действиях», – что всех ждет Суд Господень и потому сколько можно чаще поставлять себя пред судом своей совести и вопрошать этого нелицемерного судию: «ко благу ли Его подданных клонятся все Его действия, и согласны ли они с волею Всевышнего, от которого дана ему держава и сила (Прем. 6,3) и который некогда потребует от Него строгий отчет в употреблении дарованной Ему власти (Прем. 6,6)»[483].

Зная всю человеческую немощь, силы монарху следует черпать в Священном Писании, постоянно с молитвой обращаться к Богу и просить благословения, «ибо в день миропомазания Государя (*при обряде коронации. – М. Е.*) Церковь указывает монарху и на его высокое достоинство, и на то, откуда он должен черпать силы для своего служения». Далее отец Василий привел в качестве примера жизнь царя Давида Псалмопевца – «смиреннейшего перед Богом, великодушнейшего к своим врагам, страшного к врагам отечества и истинного отца своего народа»[484].

Но прежде чем управлять многочисленным народом Российской империи, «нужно Вам научиться […], – предостерегал законоучитель, – управлять Самим Собою, своими мыслями, своими склонностями и желаниями и покорять их под владычество закона Царя царствующих и Господа господствующих. Без этой важной науки Вы не можете исполнить великого назначения Вашего»[485].

В день своего совершеннолетия великий князь Николай в Фельдмаршальском зале Зимнего дворца произнес присягу, похожую на молитву, в которой были слова: «Господи, Боже Отцов и Царю Царствующих! Настави, вразуми и управ имя в великом служении, мне предназначенном; да будет со мной приседящая престолу Твоему премудрость; поели ю с небес святых Твоих, да разумею, что есть угодно пред очима Твоима и что есть право по заповедям Твоим. Буди сердце мое в руку Твоею. Аминь».

Цесаревичу Николаю Александровичу не суждено было стать монархом. Он скоропостижно скончался в 1865 г. Но книга В. Б. Бажанова, которую в полной мере можно назвать Катехизисом для императоров, позже легла в основу воспитания следующего цесаревича, будущего императора Александра III, а также императора Николая II.

Таким образом, впервые в православии законоучителем В. Б. Бажановым был сочинен курс христианского поведения «Об

обязанностях христианина» (1839) для наследника престола и «Об обязанностях государя» (1859) для лица, наделенного властью. Оба сочинения были впоследствии опубликованы отдельными изданиями и легли в основу преподавания нравственного богословия для наследников престола.

Отцу Василию за свою долгую жизнь при дворе довелось пережить смерть императора Александра И, убитого народовольцами в 1881 г. «Протоиерей Бажанов, едва успев причастить умирающего императора, прочел отходную»[486], – записал министр Д. А. Милютин в своем дневнике. Также отцу Василию за год до этого трагического события пришлось отпевать и хоронить императрицу Марию Александровну, которой он многие годы искренне сочувствовал, зная перипетии личной жизни императорской семьи как ее духовник. Позже Василий Борисович так и не смирился со скоропалительной женитьбой императора на Екатерине Долгорукой (светлейшей княгине Юрьевской). Как известно, она была моложе государя на 29 лет, но, несмотря на это, их связывала многолетняя любовная связь, известная не только государыне Марии Александровне, но и всем придворным[487].

Никому еще из православного белого духовенства не приходилось в продолжении без малого полувека и в течение трех царствований стоять так близко к царскому семейству. На протяжении более 30 лет отец Василий Бажанов был духовником трех императоров: Николая I, Александра II и Александра III. Все они в своем правлении руководствовались положениями Священного Писания и более всех соответствовали учению об образе христианского монарха.

В. Б. Бажанов крестил Александра III и Николая II, принимал присягу у наследников-цесаревичей и всех других великих князей в период 1848 по 1883 г., причастил и принял последний вздох Николая I и Александра II и их жен императриц Александры Федоровны и Марии Александровны, многочисленных великих князей[488], а также был бессменным законоучителем наследников престола, великих князей и их жен, начиная с 1835 г. и до самой своей смерти. По отзывам современников, отец Василий был человеком «независимого характера, гуманным, чуждым фанатизма», его отличали сердечная теплота и «очаровывающая всех приветливость»[489].

Его автобиография в журнале «Исторический вестник» предварялась некрологом редакции. В нем было сказано, что священнику Бажанову было предоставлено право предстательствовать за осужденных перед царским престолом, и «не проходило месяца, чтоб по его заступлению и ходатайству

пред покойным государем и государыней десятки несчастных, отбывавших наказание в рудниках, в казематах и острогах, не возвращались равноправными в осиротелые без них семейства! Такое беспримерное доверие к покойному протопресвитеру оказано было без сомнения за его христианское стремление к миру и согласию, за его высоконравственное убеждение в чистоту человеческой природы, за его скорбь о заблудших и его заботы о раскаявшихся»[490].

В 1873 г., когда праздновали 50-летие его служения и педагогической деятельности, по указанию императора протопресвитера В. Б. Бажанова первым из белого православного духовенства наградили орденом Святого Владимира 1-й степени.

По желанию своих духовных дочерей, русских великих княгинь, Бажанов стал кавалером Греческого, Баденского и Ольденбургского орденов[491].

Протоиерей церкви Зимнего дворца отец Иоанн Васильевич Толмачев вспоминал: «До последнего дня жизни он сохранил крепость чувств, бодрость духа, остроту ума, живость характера, благодушие и светлые мысли»[492].

Василий Борисович Бажанов скончался 31 июля 1883 г. и был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в фамильном склепе.

Глава 10. «Нравственное богословие» И. Л. Янышева

Протопресвитеру Ивану Леонтьевичу Янышеву, широко известному во второй половине XIX – начале XX в. церковному и общественному деятелю, религиозному писателю и переводчику, выпало на долю стать православным наставником нескольких августейших персон.

Биография отца Иоанна традиционна для представителей духовного сословия того времени. Он родился 14 апреля 1826 г. в семье дьякона Калужской губернии. Окончив в 1849 г. Санкт-Петербургскую духовную академию первым магистром, был оставлен при ней бакалавром физико-математических наук[493] или, под другим данным, помощником эконома[494]. В 1851 г., получив священный сан, назначен клириком православной церкви Висбадена (Германия), в которой прослужил вплоть до 1858 г. После этого отец Иоанн отправился в Берлин с новым назначением в русскую миссию, но через год снова вернулся в Висбаден уже в чине протоиерея и прослужил там до 1864 г.

С 1856 г. Иоанн Леонтьевич также занимал должность преподавателя кафедры богословия и философии Санкт-Петербургского университета, а с 1866 по 1883 г. служил ректором Санкт-Петербургской духовной академии.

За долгие годы пребывания за границей отец Иоанн изучил в совершенстве немецкий язык, мог свободно на нем изъясняться и даже перевел ряд богословских сочинений с немецкого языка на русский. Кроме того, он имел прекрасную возможность ознакомиться с постановкой общего и специального богословского образования в старых духовных школах и университетах Западной Европы.

Этот бесценный опыт И. Л. Янышев, став ректором Петербургской духовной академии, постарался перенести в alma mater.

Реформируя процесс обучения в духовной школе, Иоанн Леонтьевич старался обновить его в соответствии с общеевропейскими стандартами и вывести православно-богословскую науку в России в целом «из того мертвенно-летаргического усыпления» и колебания между схоластикой католического средневековья и новейшим рационализмом протестантов, в которых она находилась еще со времен Петра Великого[495].

Иными словами, новый ректор пытался создать некий синтез

из нескольких богословских и светских традиций обучения.

Многие из выпускников того периода впоследствии вспоминали, что ректор часто приглашал к ним в академию именитых ученых из различных учебных заведений столицы для чтения лекций, чтобы дать студентам как можно более всестороннее и основательно-научное образование.

Кроме ректорства отец Иоанн снискал любовь простых прихожан, имея талант добросовестного священнослужителя. «Служил он благоговейно, – вспоминал один из учеников Янышева А. А. Бронзов, богослов, публицист и церковный историк. – При нем подтягивались и священники, и дьяконы. […] Особенно неподражаемо читал отец Иоанн Евангелие на Страстной Неделе. […] Лучше, выразительнее, осмысленнее прочитать прямо-таки невозможно»[496].

Сам отец Иоанн также стал активно заниматься просветительством и для религиозного наставления мирян самолично начал в академическом храме внебогослужебные собеседования, которые вел вечерами после праздничных служб. Говорил Янышев «трогательно, просто и убедительно»[497].

Проповеди отца Иоанна быстро вошли в моду в Петербурге, и каждое из его выступлений превращалось в целое событие для паломников и прихожан. Многие из них приходили в Александро-Невскую лавру специально, «чтобы послушать знаменитого оратора, умевшего необыкновенно сильно подействовать на сердце слушателей»[498]. Большая часть этих проповедей впоследствии была опубликована в различных изданиях.

Польза от проповедей Янышева была огромна, ведь их могли посещать регулярно и светские люди, и студенты расположенной неподалеку духовной школы. Впоследствии выпускники академии, так называемые янышевцы, также «гремели» в обеих столицах как выдающиеся проповедники.

Кроме дара красноречия Иоанн Леонтьевич обладал редким человеческим талантом, таким важным для священника, – невероятной способностью к сопереживанию. Будучи выходцем из бедных слоев духовенства, он знал цену трудовой копейке и понимал как никто, насколько сложно в этой жизни простому человеку сражаться за свое существование в мире, полном греха, искушений и несправедливости. Обращаясь к студентам, он напоминал им: «Православный народ вас поит и кормит, на его кровные трудовые гроши и копейки вы получаете свое образование, и потому ваше призвание, ваш долг служить ему в этом деле, а чтобы иметь на это право и возможность – прежде всего самим безусловно и настоятельно необходимо воспитать себя в церкви и церковью»[499].

В среде духовенства священник Иоанн Янышев слыл человеком весьма широких взглядов. Он считался знатоком различных протестантских деноминаций[500], легко ориентировался в их учениях и зачастую вступал в равный диалог с их представителями. Например, когда зашел вопрос о сближении англо-американской церкви с православием, Янышев посчитал это невозможным и доказал неоспоримую разницу их догматического богословия с ортодоксальным христианством[501].

Иоанн Леонтьевич также считался специалистом по вопросам старокатоличества[502] и часто выступал с теми или иными публикациями по данной теме[503], тем более что он сам в их вероучении и богослужении не усматривал непреодолимых препятствий для сближения с Православной Церковью.

Заметим, что в богословских диспутах с представителями иных конфессий отец Иоанн был чрезвычайно корректен и уважителен.

Такое отношение к протестантам и католикам для того времени можно считать достаточно смелым, учитывая карьерный рост отца Иоанна Янышева в лоне Греко-Российской Церкви. Известно, что официальные представители православия, как правило, никогда не отличались терпимостью и независимостью суждений относительно различных вариантов христианской веры.

Возможно, все вышеперечисленные качества Иоанна Леонтьевича явились решающими при выборе его как религиозного наставника для многих членов императорской семьи, и его карьера стремительно пошла на взлет[504].

Прежде всего он стал законоучителем цесаревича Николая Александровича, последнего российского императора. По достижении определенного возраста наследник российского престола начал свое обучение общеобразовательным предметам, в том числе и богословию, которое преподавал ему отец Иоанн Янышев[505].

Заметим, что учебные занятия цесаревича велись в течение 13 лет по тщательно разработанной программе, причем современники отмечали, что блестящее образование соединялось у него с глубокой религиозностью и знанием духовной литературы. Можно предположить, что влияние духовного наставника здесь сыграло не последнюю роль.

Отец Иоанн Янышев получил свою должность законоучителя до некоторой степени случайно. Поскольку он был сильно загружен другими служебными обязанностями, то сначала учителем Закона Божия предполагалось назначить протоиерея Иоанна Васильевича Рождественского (1816–1882), бывшего в то время настоятелем малой церкви Зимнего дворца. Отец Иоанн

окончил в 1837 г. Петербургскую духовную академию магистром богословия и с 1840 по 1850 г. преподавал Закон Божий в нескольких кадетских корпусах. Став в 1859 г. законоучителем детей великой княгини Марии Николаевны, отец Рождественский весьма пришелся ей по душе. Именно по ее рекомендации в том же году он был переведен к Большому двору, где стал преподавать Закон Божий детям императора Александра II. Великий князь Александр Александрович, лично знавший священника с 1859 г., предложил ему место законоучителя для своего сына Николая, но отец Иоанн отказался, видимо, испугавшись серьезной ответственности. Тогда место законоучителя предложили протоиерею Янышеву. Кроме Катехизиса отец Иоанн должен был читать наследнику «курс канонического права в связи с историей церкви», а также богословие и историю русской церкви и иностранных исповеданий.

В отличие от своих предшественников Г. П. Павского и В. Б. Бажанова, Иоанн Леонтьевич не оставил после себя каких-либо богословских сочинений, специально предназначенных для наследника престола. Скорее всего, он мог, во-первых, в качестве пособий по Закону Божию использовать книги своих предшественников и, во-вторых, не считать, что цесаревича должно обучать как-то особенно, ведь у Всевышнего своя иерархия, перед Его очами все равны и нет «ни раба, ни свободного». Можно предположить, что отец Иоанн прежде всего старался воспитать в своем ученике высокую мораль, нравственность и чувство долга.

Косвенным доказательством этому можно считать собственные сочинения И. Л. Янышева, ведь он считался сторонником «моралистической школы», и, по общему мнению церковных писателей и ученых, именно его сочинениям Россия обязана появлением такой самостоятельной науки, как нравственное богословие.

И. Л. Янышев первым в России заложил основы нравственного богословия как науки и дал толчок к ее развитию[506]. До него эти построения не носили научного характера, а более походили на справочники, где были механически собраны все библейские и святоотеческие тексты по тому или иному вопросу.

В Западной Европе нравственное богословие от догматического отделилось еще в 1577 г. благодаря протестантской этике реформаторов[507]. В России первые попытки таких сочинений связаны с именем Феофана Прокоповича в его пору ректорства в Киевской духовной

академии (1711–1715)[508].

Напомним, что в догматическом богословии дается систематизированное изложение догматов Православной Церкви, первые девять из которых приняты на I–II Никео-Цареградском Вселенском соборе (IV в.) и сформулированы в Символе веры[509]. Догмы – это лишь верования, источником которых является мистический опыт человека. Они играют важную, но не решающую роль в церковной жизни. Нравственное же богословие – это учение Церкви о сознании и поведении человека в рамках христианской истины и морали. Если догмы определяются коллегиально на Вселенских соборах и принимаются без условий, то нравственность – это индивидуальный, внутренний труд каждого отдельно взятого индивидуума. Это субъективное дело, и оно всегда персонифицировано.

В основу своей системы нравственного богословия отец Иоанн положил евангельские заповеди, учение Нила Сорского, Дмитрия Ростовского, Тихона Задонского и др. Например, учение о свободе воли, о благодати, подвергнутые Янышевым психологическому анализу, в его устах получили новую, оригинальную трактовку.

В течение ряда лет отец Иоанн тестировал свою систему в виде лекций в духовной академии. Позже его публичные выступления перед студентами были собраны и опубликованы в журнале «Православное обозрение» (1886) под названием «Православно-христианское учение о нравственности». В 1887 г. эти же лекции под тем же названием издал отдельным томом ученик Иоанна Леонтьевича профессор Казанской духовной академии Александр Федорович Гусев (1842–1904), а в 1906 г. их переиздал сам И. Л. Янышев.

В чем же заключалось основное кредо отца Иоанна и в чем был секрет его популярности и высокого авторитета у мирян и духовенства? Прежде всего в христианском вероучении протоиерей Янышев искал ответы на все острые и актуальные вопросы, поставленные самой жизнью, особенно современной ему эпохи правления императора Александра II. Его даже называли «истолкователем с церковной кафедры великих дел этого царствования»[510].

Будучи человеком абсолютно монархических взглядов, в своих проповедях отец Иоанн не раз отмечал, что «в деяниях нынешнего царствования видно одно намерение: пробудить в каждом из русских подданных сознание его нравственного достоинства и долга, и чувствуется одно желание: дать каждому подданному возможность свободного участия в созидании общего блага»[511].

Однако не все проповеди служили только дифирамбом правящему режиму. Были и обличительные речи, и многие из слов отца Иоанна до настоящего времени звучат удивительно актуально. Например, в «Слове на 19 февраля», произнесенном отцом Иоанном в 1880 г. в Исаакиевском соборе в день торжества 25-летия царствования царя-освободителя Александра II, из уст священника звучал настоятельный призыв русскому народу к покаянию. Причем эти слова не были лишь дежурным оборотом речи, так часто звучащим с церковного амвона. «Никогда еще в новом периоде русской истории христианские начала так глубоко не проникали собою в государственный строй России, как в нынешнее царствование, – говорил отец Иоанн, – и никогда еще в русской истории злодейские покушения против жизни помазанника Божия не были так дерзки и упорны, как в истекающий год этого двадцатипятилетия»[512].

Далее он стал развивать мысль о том, кто виноват в покушении на цареубийство, и пришел к неутешительному выводу, что не кто иной, как сам же русский народ, и повинен, вернее, «те из нас, для которых тоже нет ничего священного ни на земле, ни на небе; которым нипочем безнаказанно унизить, оскорбить ближнего, оклеветать его доброе имя, хищнически воспользоваться его трудом или общественным даже достоянием, опозорить его семейную честь, беззаконно нажить и бросить детей на воспитание чужим людям, поглумиться над мнимою простотой тех, которые говорят о каком-то страхе Божием, о церкви, о вечности – и при всем том считать себя честными гражданами»[513].

Иными словами, проповеди Янышева звучали не как отвлеченные, абстрактные умозаключения, а как повод христианину еще раз заглянуть в свою душу, спуститься в собственную «преисподнюю». Именно там гнездились все грехи и пороки, все несчастья окружающей жизни.

Обращаясь с церковной кафедры к молящимся, отец Иоанн спрашивал у каждого из них: «Разве у нас мало таких полноправных граждан, которые считают труд в поте лица уделом только бедности, честность и бескорыстие – глупостью, целомудрие – предметом насмешек или причиной болезней, расточительность и разврат – похвальным удальством, слово же самого Бога и веру во Христа – предрассудком невежественного духовенства и простых людей. […] Мы дышим этим злом и распложаем его вокруг себя всеми теми начинаниями и действиями, во всех тех видах время препровождения, при котором наша душа не озаряется сознанием ее вечного назначения, верою в Триединого Бога и памятью Его ясных и

непреложных заповедей»[514].

Касаясь трагических страниц истории Крымской войны, отец Иоанн опять же отмечал, что в русском обществе в этот период обнаружился один существенный недостаток общественного сознания, а именно: «Недостаток уважения нравственного значения человеческой личности в каждом из русских подданных, и сказалось одно намерение: господствующее поползновение развращенного сердца – пользоваться согражданами и общим их достоянием для личных своекорыстных страстей»[515].

И далее он сделал вывод, буквально пророческий, предрекающий падение империи: «Такова картина, живо напоминающая собою картины жизни и нравов Греко-Римского общества времен Златоуста»[516], то есть времен упадка Римской империи (IV–V вв.).

Напомним, что середина XIX в. в Западной Европе отличалась ломкой прежних систем государственности. В конце 1840-х гг. сразу несколько стран охватило революционное движение, которое выразилось в вооруженных столкновениях с властями и неповиновении прежним режимам. Эти волнения неминуемо отразились и на общественных настроениях в России. Фронда правительству со стороны как либеральной, так и радикально-революционной оппозиции привела к возникновению всевозможных обществ: «нечаевцев», «Народной воли», «Черного передела» и т. д. Все они выдвигали те или иные идеи, зачастую абсолютно далекие от христианских установок. Привилегированное сословие также по-своему выражало недовольство, усматривая в «Акте» об освобождении крестьян от 19 февраля 1861 г. элемент экспроприации своего «имущества», которое далеко не было компенсировано правительством выкупными платежами.

В 1860–1880 гг. в российской художественной и публицистической литературе даже появился такой термин, как «нигилизм», обозначающий вообще отрицание всевозможных ценностей и авторитетов.

В этой обстановке протопресвитер Янышев не мог оставаться в стороне от общественных веяний, но, будучи христианином и монархистом, все же считал, что обновлений форм государственной жизни недостаточно – нужны обновления в каждом отдельном человеке.

В своих сочинениях отец Иоанн постоянно подчеркивал, что нравственное чувство в каждом индивидууме заложено природой при его рождении; оно находит свое выражение в нравственном законе и нравственной свободе любого здравого человека. Сочетаясь между собой, нравственный закон и нравственная

природа образуют понятие чувства долга. Это же чувство должно руководить поведением всех смертных: от государя до любого подданного.

Однако отец Иоанн все же учитывал в своих рассуждениях, что изначально стартовые возможности у всех людей разные. Может быть, постоянно памятуя истину «от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут» (Лук. 12:48), Иоанн Леонтьевич не сочинял специального Катехизиса для наследника, а пытался лишь воспитать в своем ученике порядочного человека и твердого христианина. Янышев утверждал: «От условий жизни каждой отдельной личности, от ее нравственного воспитания, от широты и глубины личного опыта, особенно от врожденной чистоты нравственного чувства и ясности сознания зависит объем, упорядоченность и правильность тех нравственных рубрик, под которыми группируются разнообразные намерения и действия человека»[517].

О внутренней принадлежности человеческой природы к нравственным законам, по мнению богослова, свидетельствовал не только личный опыт каждого человека, но и Священное Писание. «Нет ни одного на свете народа, – писал отец Иоанн, – как бы дик он ни был, который не имел бы у себя общеобязательных обычаев и нравов, а эти обычаи и нравы суть не что иное, как неписаные законы, по преданию переходящие от поколения к поколению и в свое время становящиеся первым источником и всех писаных законов»[518].

Особенное внимание Иоанн Леонтьевич уделял в своих сочинениях воспитанию чувства долга. «Чувство долга не есть что-либо отличное от нравственного чувства, – писал он, – это есть тоже нравственное чувство, сознаваемое […] как сложное, общее воспроизведение […] правил поведения, предъявляемых к человеку его нравственным законом»[519].

Можно предположить, что эти лекции и были прочитаны наследнику Николаю Александровичу. Известно, что преподаватели цесаревича лишь читали ему курс своих наук, не спрашивая, насколько ученик их усвоил[520]. Видимо, отец Иоанн также не экзаменовал своего высокородного ученика, как и другие преподаватели. Однако он пытался корректировать и направлять в цесаревиче самостоятельное стремление к его религиозному совершенствованию.

Любое занятие, по мнению законоучителя, должно начинаться с молитвы «деятельной», а заканчиваться молитвой «сердечной». Сверх поста и труда должна быть Иисусова молитва. Лишь так можно достичь истинного молитвенного состояния.

Однако для духовного роста, по мнению пастыря, необходимо самостоятельное внутреннее и внешнее усилие. К внутренним усилиям в борьбе с искушающим человека злом он относил собранность, внимание к себе и своему спасению, а управление духовных и телесных сил в благочестии Янышев относил к внешним усилиям.

1 марта 1881 г. в результате смертельного ранения от рук народовольца И. Гриневицкого в Зимнем дворце скончался император Александр II. Очередное покушение, заставшее монарха во время прогулки на Екатерининском канале, достигло своей цели. На другой день, 2 марта, в Исаакиевском соборе была совершена панихида по «в Бозе почившем Великом Венценосном мученике на русской земле», которую отслужил протопресвитер Иоанн Янышев[521].

Взошедший на престол новый император Александр III оставил заслуженного богослова при дворе и в 1883 г. назначил его своим духовником. По новому статусу проповедничество отца Иоанна должно было прекратиться.

Однако не прекратилось поприще законоучителя, ибо в 1894 г. наследник Николай Александрович посватался к принцессе Гессенской Алисе, и отец Иоанн Янышев отправился за границу, чтобы подготовить будущую российскую императрицу Александру Федоровну к принятию православия и миропомазанию. Какие плоды принесли эти уроки, можно судить по выдержкам из дневника государыни.

«Добром за добро воздаст любой, но христианин должен быть добрым даже к тем, кто обманывает, предает, вредит».

«Нужно в человеке видеть лучшее, что в нем есть, и уметь находить красоту и добро в жизни каждого, если мы хотим вдохновлять людей на развитие лучших их качеств».

«То укрепит нашу веру и поможет нам верить во времена страданий и испытаний, если мы поймем, что нет ничего бесцельного, ничего случайного, ничего, созданного нам во вред, а все задумано, чтобы помочь нам стать благороднее и жить более полной, более счастливой жизнью».

«Мы должны утвердить в нашем сознании мысль, что цель бога по отношению к нашей жизни – это уподобить нас Христу».

Сохранилось множество свидетельств глубокой религиозности царственных воспитанников отца Иоанна. Они хорошо знали православную обрядность и разбирались в богословских проблемах, а со временем их набожность даже переросла в заметный фанатизм. Возможно, это объясняется тем, что государь Николай Александрович, которого с первых дней воцарения преследовали роковые неудачи, не раз упоминал, что

родился в день Иова Многострадального. Достаточно вспомнить, что его венчание с Александрой Федоровной совпало с днями траура в Российской империи по случаю кончины его отца императора Александра III. Коронационные торжества также закончились трагедией[522].

Более того, по воспоминаниям влиятельного придворного чиновника В. С. Кривенко[523] известно, что отец Иоанн Янышев вел себя в тот день не как подобает священнику. Когда императору предложили не продолжать банкет по случаю коронации, а ввиду трагической смерти более чем тысячи его подданных объявить траур, монарх не внял увещеваниям. Тогда Кривенко «бросился к духовнику государя отцу Янышеву, умоляя его пойти к государю, настоять на отмене праздников. Протопресвитер вздыхал, высказывался уклончиво, а на представленный решительно вопрос ответил: разве он может беспокоить государя подобными заявлениями?»[524]

Возможно, отец Иоанн испугался, что прямое его вмешательство может быть расценено государем как давление или диктат, за которым могут последовать «высочайший гнев» и лишение священника высокой придворной должности? Ведь не сохранилось прямых свидетельств, что между законоучителем и его царственным учеником имели место глубокие личные взаимоотношения, как у предыдущих духовных пастырей с цесаревичами. Также сложно сказать, насколько влиятелен был отец Иоанн в ту пору, когда его ученик уже не был ребенком. Возможно, со временем их отношения и человеческие характеры подверглись трансформации, ибо после ритуала коронации и сопутствующего таинства миропомазания самодержец не считал, что над ним есть какая-либо власть, кроме Господа Бога, а для отца Янышева, больного человека преклонных лет, бороться с «мельницами» было уже невмоготу.

В 1899 г. Иоанну Леонтьевичу Янышеву была присуждена степень доктора богословия. Еще в 1872 г. он представил на рассмотрение совету духовной академии свое сочинение под заглавием «Состояние учения о совести, свободе и благодати в православном систематическом богословии и попытка к разъяснению этого учения». Однако его труд ввиду «значительного несходства» развиваемого в нем учения с общепринятыми установками был приостановлен в рассмотрении.

В 1900 г. горячий отклик в России и за рубежом нашло празднование 50-летнего юбилея служебной и научной деятельности отца Иоанна. На торжественном заседании в Санкт-Петербургской духовной академии по поводу этого события выступали известные ученые и богословы, в том числе и отец

Иоанн Сергиев (Кронштадский). Однако сам юбиляр находился в то время за штатом по болезни и пребывал на излечении в Ялте.

Умер протопресвитер Янышев 13 июня 1910 г., похоронен на Волховом кладбище Петербурга. На его кончину откликнулись многие из его учеников и сослуживцев, и по поводу этого события в нескольких периодических изданиях были опубликованы некрологи. В статьях памяти И. Л. Янышева современники чрезвычайно высоко оценивали стройность, последовательность и самостоятельность его богословской системы, считая их «плодом серьезного и талантливого изучения» нравственных вопросов христианской веры. В частности, профессор М. М. Тареев[525] писал о сочинениях отца Иоанна: «До такой степени глубоко, жизненно, умело и в то же время всем доступно освещают они затрагиваемые в них вопросы; в них нет ничего схоластического, даже и тени казуистики и прочего, чем так богаты и поныне особенно католические нравственные системы»[526].

Отмечая религиозно-воспитательное значение его лекций, А. И. Пономарев[527] писал, что Янышев глубоко понимал истинные начала православия и прекрасно мог изложить их в своих лекциях[528].

Профессор С. А. Соллертинский[529] отмечал: «Протопресвитер И. Л. Янышев не был только известностью, но твердой рукой вписал себе имя в скупую на прием к себе историю»[530].

Известный в начале XX в. систематизатор нравоучений Н. П. Архангельский отнес Янышева к лучшим отечественным богословам-моралистам[531].

За свою долгую плодотворную жизнь отец Иоанн снискал множество поощрений и наград. В частности, в числе его званий было почетное членство Санкт-Петербургской и Казанской духовных академий, Казанского университета, многих обществ и благотворительных учреждений. В течение своей служебной деятельности он был неоднократно отмечен императорской семьей.

Среди отечественных наград отца Иоанна был орден Святого князя Владимира 1-й степени, а из кабинета Его Императорского Величества он в течение всей службы получил девять золотых наперсных крестов с украшениями. В 1908 г. император Николай Александрович наградил его также орденом Андрея Первозванного. Это было последнее в истории Российской империи высочайшее пожалование императорского ордена пастырю и единственное награждение церковнослужителя в чине протопресвитера[532]. Протопресвитер И. Янышев был также отмечен иностранными наградами: датскими, саксонскими,

нассаускими, сербскими, болгарскими, румынскими орденами и медалями. Кроме того, он оставил после себя добрую память талантливого администратора, церковно-общественного деятеля, богослова и духовника.

Но главная заслуга Иоанна Леонтьевича, на наш взгляд, состоит не в земной, а в небесной награде. Достаточно вспомнить, что его духовных детей – императора Николая Александровича и императрицу Александру Федоровну – на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в 2000 г. причислили к лику страстотерпцев в сонме новомучеников и исповедников российских.

Глава 11. Православное воспитание немецких принцесс

До середины XIX в. законоучители составляли свои собственные планы катехизации монарших детей, и, как правило, сами императоры в этот процесс не вмешивались, оставляя догматическую и нравственную стороны религиозного образования на усмотрение священников[533]. Но в 1832 г. министром народного просвещения С. С. Уваровым был выдвинут лозунг «Православие. Самодержавие. Народность», призванный укрепить монархию и обосновать идеологически единство двух начал: религиозного и государственного.

В результате все стороны российской жизни постепенно стали подвергаться определенной унификации, регламентации и ранжированию, согласно принятой доктрине. Реформированию подверглась и система религиозного воспитания в императорской семье, причем осуществлялось оно при непосредственном руководстве самого императора Николая I.

Однако когда вопрос касался перехода в православие «высоконареченной» невесты наследника, воспитанной с детства в протестантской конфессии, дело приобретало поистине политическое значение. Междинастические браки укрепляли не только монархию, но и внешнеполитическое положение страны, и грамотно проведенное «воцерковление» будущих императриц России, с одной стороны, добавляло им легитимности в глазах православных подданных, а с другой – поднимало престиж Православной Церкви в глазах мирового сообщества. Именно поэтому, по мнению высших иерархов церкви, катехизацию немецких принцесс необходимо было упорядочить и взять под контроль.

До XIX в. к религиозному образованию будущих российских императриц относились весьма поверхностно.

Когда немецкой принцессе Доротее, невесте наследника Павла Петровича, предстояло принять православие, императрица Екатерина II отнеслась к этому вопросу крайне практично. «Не знаю, сколько надо будет времени, чтобы выучить ее внятно и правильно прочесть по-русски исповедание веры, – писала она Гримму, – но дело в том, что чем скорее все это устроится, тем лучше. Г. Пастухов (*чиновник у принятия прошений, впоследствии сенатор. – М. Е.*) поехал в Мемель, чтобы выучить ее азбуке и Символу веры в дороге; убеждение придет после»[534].

Однако в том же письме государыня заметила, что была

оскорблена молвой, считающей, что имя София[535] «второй раз будет потоплено в спасительных водах греческого крещения». «Знайте, – писала Екатерина Алексеевна, – что у нас не перекрещивают никакого христианина и что речь идет только о конфирмации, причем точно так же, как и у католиков, утверждается имя, и то имя, которое вы уже носите, а все остальные прячутся в карман»[536].

При этом к обычной катехизации священники-законоучители не добавляли ничего, кроме нескольких напутствий и проповедей перед миропомазанием.

Когда в 1817 г., будучи невестой цесаревича Николая Павловича, в Санкт-Петербург прибыла прусская принцесса Шарлотта[537], ей также предстояло перейти из протестантства (лютеранства) в лоно «восточной» церкви. К таинству миропомазания ее готовил духовник царской семьи протоиерей Николай Васильевич Музовский. Он должен был постоянно находиться в приемной принцессы, чтобы приобщить ее к новой вере и, пользуясь каждой свободной минутой, помочь выучить Символ веры. Однако переход в православие запомнился императрице Александре Федоровне как тяжкое испытание.

Монархиня позже вспоминала, что сам священник Музовский был «прекрасный человек, но далеко не красноречив на немецком языке. Не такой человек был нужен, чтобы пролить мир в мою душу и успокоить ее в смятении в подобную минуту» [538]. Далее государыня отмечала, что до истинных высот православия она доходила самостоятельно, находя спокойствие в молитве и в чтении назидательных книг. Однако когда ей предстояло в церкви на глазах у десятков гостей и придворных прочесть православный Символ веры по-русски, то, по воспоминаниям самой Александры Федоровны, «она имела вид жертвы; такое впечатление произвела я на нашу прусскую свиту, которая с состраданием и со слезами на глазах взирала на участие бедной принцессы Шарлотты в церковном обряде, естественно странном в глазах протестантов»[539].

Отец Николай Музовский был образованным священником, много лет прожившим за границей: в Венгрии, в Турине. Долгое пребывание за границей не могло не наложить отпечаток на его мировоззрение: он, например, не считал для себя зазорным читать протестантам Евангелие на немецком языке. Внешний вид Н. В. Музовского также не был традиционен для православного батюшки: подобно А. А. Самборскому, отец Николай носил вместо рясы светский костюм. Как православный законоучитель Музовский также отнесся к своим обязанностям весьма формально.

Предположительно, печальный опыт религиозного обучения императрицы Александры Федоровны был учтен императором Николаем Павловичем, и принятые им меры в корне изменили существующую ситуацию.

Возможно, первой из тех цесаревен, кому довелось принять православие по новой системе, была принцесса Гессен-Дармштадская Мария[540] – будущая императрица Мария Александровна (1855–1880), супруга Александра II. Законоучителем к ней 26 июля 1840 г. был назначен придворный протоиерей Василий Бажанов.

Позже Василий Борисович был приставлен к невесте великого князя Константина Николаевича – принцессе Александре Саксен-Альтенбургской[541], будущей великой княгине Александре Иосифовне (5 октября 1847 г.); а с 1855 г. – к невесте великого князя Николая Николаевича принцессе Александре Ольденбургской[542].

Отец Василий 5 декабря 1840 г. вел церемонию миропомазания Ее Высочества Марии Александровны[543] и через некоторое время совершил таинство бракосочетания. К обоим торжествам он написал два специальных сочинения, которые были предназначены для будущей российской императрицы и вышли в печать с разницей в один год[544].

Отец Василий напоминал, что время обучения принцессы Марии закончилось, но, сроднившись с ней, он как законоучитель не может не дать ей напутствия, ибо на земле, «в сем жилище греха и заблуждений»[545], нельзя найти истинного счастья без руководства веры.

В день миропомазания принцессе предстоит пережить самые важные и счастливые минуты не только в ее судьбе, но и в судьбе всех ее подданных. Будущая императрица должна всегда осознавать, что провидение поставило ее на то место, где она может сделать много добрых дел для многих людей.

В напутственном слове, или проповеди, по поводу предстоящего бракосочетания принцессы Марии отец Василий напоминал ей, что судьбами людей управляет Бог, Он же назначает каждому свое известное место в беспредельном своем царстве. «Он, Всемогущий и Всеблагой, избрал Ваше Высочество в Спутницу жизни нашему Великому Князю; Он даровал нам Вас – и мы приемлем Вас во имя Его»[546].

Далее принцессе было сказано, что именно по воле Бога она оставила свое отечество и дом и прибыла в Россию, по Его воле она должна вступить в церковный союз с подданными империи, «дабы совсем сделаться нашею».

Отец Василий напомнил также, что доброе сердце жениха

принцессы Марии цесаревича Александра всегда было расположено ко всему благородному, прекрасному и светлому именно потому, что формировалось под влиянием православного вероучения.

Именно теперь, перед вступлением великой княгини в новый этап жизни, отец Василий напоминал ей о том, что супружество установлено Богом и вверено Христовой Церкви как священное таинство и что оно не только источник земных радостей, но преимущественно подвиг великих и трудных добродетелей, служащих прочным основанием семейного счастья.

Если наследнику Александру Николаевичу Бажанов писал, что государь должен быть примером хорошего мужа и отца для своей собственной семьи, то его невесте он напомнил: «Вы должны украшать жизнь Вашего супруга, живым участием умножать и возвышать его радости, облегчать тяготы и труды и содействовать Ему в достижении вечной жизни»[547] (*подчеркнуто мной. – М. Е.*).

В обеих книгах, кроме изложения в краткой форме учения Православной Церкви, впервые было напоминание о том, как, согласно отеческим преданиям, принцесса Мария должна смотреть на свои супружеские обязанности. В частности, протоиерей Бажанов начал свое повествование словами: «Супружество установлено Богом […] и вверено Церкви как Священное Таинство»[548].

Если иметь в виду, что будущая российская императрица, как и все немецкие принцессы, была воспитана лютеранкой, а эта конфессия не признает брак таинством, то наряду с изложением нравственных основ супружества отец Василий преподал принцессе и православное учение о таинстве брака[549].

В «Воспоминаниях» свекрови принцессы Марии также был отмечен отец Василий Бажанов. «Конфирмация моей невестки, цесаревны, совершалась совершенно при иных условиях, – вспоминала императрица Александра Федоровна, – она нашла здесь прекрасного священника, который объяснил ей слово за словом все догматы и обряды нашей церкви»[550].

Следует иметь в виду, что отнюдь не безоблачной была жизнь российских монархинь. Им приходилось переживать многие испытания при дворе: и интриги, которые плели придворные, и измены супругов, российских императоров, и постоянный страх за здоровье своих детей. При этом восстание декабристов 1825 г., Польское восстание 1830-х гг. и революционные потрясения, охватившие страны Западной Европы в 1840-х гг., не могли не оставить своего следа. Приходилось постоянно жить в напряжении, при этом истинной императрице всегда и во всех

обстоятельствах следовало быть «над схваткой», а это было нелегко.

Возможно, поэтому к обычному вероучению отцом Василием Бажановым было введено дополнение о том, что к своей будущей ипостаси – супруги правителя и матери семейства – следует относиться не только по-житейски добродетельно, но и по-христиански жертвенно. Это значит, что супружескую жизнь следует вести в «чистоте и непорочности», взирать на нее не только как на источник земных радостей, «но преимущественно как на подвиг великих и трудных добродетелей, служащих прочным основанием семейного счастья, как на такое поприще, на котором Вы должны стяжать Себе неувядаемый венец славы»[551].

Таким образом, книгу отца Василия Бажанова можно считать своеобразным православным «введением в нравственное богословие», сочиненным специально для российских императриц.

С тех пор поистине религиозное значение придавалось умению и способности будущей супруги монарха овладеть главной наукой – сохранять спокойствие и мир в своей собственной семье и поистине быть матерью для своих подданных.

Напомним, что отец Герасим Павский в свое время отмечал недовольство митрополитов назначением на должности законоучителей с начала XIX в. исключительно представителей белого духовенства. Поэтому на сей раз в процесс религиозного воспитания прямо вмешался высший иерарх Православной Церкви – митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов). В результате в 1840 г. им был составлен отдельный документ под названием «Проект наставления законоучителю, назначаемому для изъяснения учения Православно-Кафолической восточной церкви Высочайшей особе православного исповедания». Рукопись была адресована переходу в православие исключительно лиц протестантского вероисповедания. Она была прочитана на заседании Святейшего Синода и принята 29 апреля 1840 г.

Император Николай Павлович прочел этот проект и собственноручно подписал на титульном листе: «Очень хорошо, прибавить нахожу только, что нужно действовать кротостью убеждения больше, чем догматизмом, который в юных летах мало понятен»[552].

В настоящем проекте было сказано, что «полный характер истинного наставника в вере и благочестии […] должны составлять две главные черты: […] творить и учить»[553].

Духовный наставник своим поведением должен являть пример благочестия, «не препираться без нужды в мнениях», «уклоняться от состязаний с разномыслящими, держаться апостольского наставления: состязаний отрицайся, ведый, яко раздают свары: рабу Господню не подобает сваритися, но тиху быти ко всем, учительну, не злобиву (*подчеркнуто Филаретом. – М. Е.*)»[554]. *И* далее следовало пространное объяснение, что введением в рассуждение о вере будет для невесты совершающееся событие бракосочетания, которым Провидение Божие призывает ее к великому служению, к высокому священному союзу в благословенном семействе Благочестивейшего императора Всероссийского.

Особо было подчеркнуто, что само Провидение через таинство бракосочетания призывает немецкую принцессу к рассмотрению и избранию того вероисповедания, которое господствует в русском народе. Отныне будущая императрица Всероссийская вместе с царствующим домом должна будет представлять примеры благочестия своим подданным и потому должна иметь истинные представления о своей православной вере. В свою очередь законоучителю предписывалось дать понятие о религии в двух видах: историческом и догматическом.

Из документа следовало, что строить лекции необходимо таким образом, чтобы подчеркнуть исторически и догматически истинность вероучения Православной Церкви. Например, что касается исторической части, то, объясняя смысл Символа веры, принятый на Никео-Цареградских соборах (в 325 и 381 г.), следует отметить, что он сохранился до настоящего времени в неизменном виде именно в Православной Церкви[555].

Изменений не требовалось, ибо не изменилось Священное Писание, из которого как отцы Соборов черпали учение веры, так и мы черпать обязаны: «Так исповедовали христианскую веру в первые века христианства, и исповедовавшие так оную беспрекословно принадлежали к истинной Православно-Кафолической Церкви»[556].

Далее нужно объяснить, что в Католической (Западной, или Латинской) Церкви последовали еще семь Вселенских соборов, на которых были приняты изменения в догматах и правилах, вопреки первоначальным постановлениям Церкви. Западная церковь, отмеченная стремлением ко всеобщему преобладанию в духовных и светских делах, постепенно отдалилась в религиозном и внешнеобрядовом отношении от Восточной Церкви, которая нововведения не одобряла.

В XVI в. из-за злоупотреблений иерархов Западной Церкви началось ее обличение в кругах сначала монашества, затем

простого народа и, наконец, в кругах правителей. Оно превратилось со временем «в нетерпеливое волнение и явное отдаление от Римского престола целых областей, под именем протестантов, то есть свидетельствующих против повреждения»[557] (*подчеркнуто митрополитом Филаретом. – М. Е.*).

Однако со временем и Реформация отметилась множеством нововведений: «Из всего очевидно, что присоединение к Восточно-Кафолической Церкви ныне значит присоединиться к Вселенской Церкви первых веков христианства»[558]. Православная Церковь, делал вывод Филарет, это неизменное чистое Апостольское предание и ненарушимое преемство иерархического рукоположения. Она приносит ежедневную молитву о соединении Церквей, и это преимущество Восточно-Кафолической Церкви влекло к ней многих богословов, отделившихся от Римской Церкви[559].

В догматическом плане законоучитель должен был показать, что Православная Церковь признавала прежде всего Священное Писание, Апостольское свидетельство и Святоотеческое предание, которые не дают новых догматов, а с точностью излагают, без всяких изменений, правила священноначалия, священнодействия и благочиния церкви[560].

Далее необходимо остановиться на разницах между нашими Церквями: на учении Церкви о происхождении Святого Духа (*так называемое филиокве. – М. Е.*), об оправдании человека через веру в Богочеловека (*тезис Жака Кальвина. – М. Е.*), а также об оправдании и достижении вечного спасения верою и добрыми делами, ибо они суть «плод неразлучный истинной веры» (*православная позиция. – М. Е.*).

На учении о таинствах следует оправдать их семеричное число (*в отличие от протестантов, которые признают только два таинства: крещение и евхаристию. – М. Е.*). Важно не забыть напомнить принцессе, что в Священном Писании брак признается как таинство (Еф. V. 30, 32) (*в отличие от того же протестантизма, где брак таинством не считается, а признается лишь обрядом. – М. Е.*).

Протестанты, как известно, называются так, потому что протестуют против Церкви как организации со своей иерархией, обрядами, догмами. Их учение утверждает, что Церковь не нужна, ибо «храм внутри нас». Поэтому, напоминал митрополит Филарет, при объяснении немецкой принцессе православного учения о Церкви следует упомянуть, что Церковь считается духовным телом Христа, то есть ничем не разрушимым, между своими членами, союзом веры и любви. Перед Богом Церковь все

время воинствующая и торжествующая. Она сохраняет от идолопоклонства, отсюда восходит честь, отдаваемая иконе как первообразу (*в отличие от протестантизма, в котором почитание икон приравнивается к идолопоклонству. – М. Е.*). Следует объяснить ученице, что это не идолопоклонство. «Священную историю умеющий читать – читает, а неумеющий – познает по иконам», – делал вывод митрополит Филарет.

Следовало также обязательно упомянуть, что, в отличие от протестантов, отрицающих институт святых, в православии нужно отдавать глубокое почтение не только Сыну Божию, но также святым, в которых обитает Его благодать. Далее владыка Филарет советовал остальные знания почерпнуть в изданном Святейшим Синодом Катехизисе[561], а в случае надобности он может указать также на «Богословие» Преосвященного Платона (*подчеркнуто мной. – М. Е.*) как на российское сочинение, известное и в иностранном переводе[562].

«Проект» митрополита Филарета (Дроздова) и сочинения протоиерея В. Б. Бажанова в своих контекстах имели много сходных черт. Это обстоятельство можно объяснить только одной причиной: отец Василий учел горький опыт не только прежних законоучителей, относящихся формально к обучению невест наследников, но и своего непосредственного предшественника отца Герасима Павского и решил процитировать сочинение митрополита Филарета, дабы не обострять отношения с первенствующим архиереем Православной Церкви.

Таким образом, с середины XIX в. в обиход религиозного обучения Российского императорского дома вошла особая программа, предназначенная специально для принимавших православие немецких принцесс, невест наследников престола и великих князей. Кроме обычной катехизации, им стали преподавать еще историю Восточной церкви, сравнивая ее с католичеством и протестантизмом, а также объясняли высокое предназначение супруги христианского монарха, что перекликалось с «Учением о власти христианского монарха» Евсевия Кесарийского.

Эта системно продуманная и письменно оформленная Инструкция, в которой по пунктам был расписан порядок обучения православной вере протестантских принцесс, прибывающих ко Двору, стала обязательной для последующих претенденток на роль самодержиц Российской империи.

* * *

Две последние российские императрицы, *Мария Федоровна* (1881–1896)[563] и *Александра Федоровна* (1896–1917)[564], обучались православию у протопресвитера Иоанна Леонтьевича Янышева (1826–1910). Их религиозное воспитание вобрало в себя прежний опыт и учло все просчеты и недостатки.

Прежде всего законоучителем избрали священника, который не только изучил в совершенстве немецкий язык, долгие годы служа за границей (в Германии), но, в отличие от протоиерея Н. В. Музовского, мог свободно на нем изъясняться.

Наследник престола влюбился однажды «по фотографии» в датскую принцессу Дагмар и в 1864 г. во время своего заграничного путешествия посватался к ней. Его предложение было с благосклонностью принято, все стали готовиться к предстоящей свадьбе и миропомазанию невесты цесаревича.

Официальной и доминирующей религией в Дании являлась Евангельская Лютеранская Церковь, к которой по закону принадлежал отец принцессы Дагмар, король Христиан IX со своей семьей. Учитывая разносторонние таланты протоиерея Янышева, именно его вызвали из Германии в Копенгаген для приготовления будущей невесты наследника к принятию православия и миропомазанию.

Однако «человек предполагает, а Бог располагает»… Цесаревич внезапно заболел и через несколько месяцев скончался. Его смерть стала страшным ударом не только для членов Российского императорского дома, но и для невесты Николая Александровича, которая уже успела к нему привязаться.

Теперь наследником российского престола был провозглашен следующий сын императора Александра II – великий князь Александр[565]. Ему был срочно прочитан курс наук, необходимых для будущего правителя.

Цесаревич Александр также был хорошо знаком с Дагмар, бесспорно ею очарован; более того, существует версия, что на смертном одре Никса соединил их руки. Этим жестом он как бы благословил их возможный матримониальный союз.

Напомним, что этот возможный брак являл бы собой еще и внешнеполитический альянс двух стран, в данном случае России и Дании. Он был чрезвычайно выгодным на тот момент для обеих сторон. Дания испытывала внешнеполитическое давление со стороны Пруссии и Австрии, так как южная часть ее территории была оккупирована их войсками. Открытая поддержка сильной и влиятельной империи, какой являлась Россия, была ей жизненно необходима. Для России союз с Данией, имеющей выход к Балтийскому морю, был также выгоден в смысле внешней торговли. В глазах российских подданных дочь правящего

датского короля также стояла несравненно выше наследницы из какого-либо захудалого немецкого княжества.

Учитывая все вышеперечисленные обстоятельства, осознав свою высокую миссию и победив врожденную робость, цесаревич Александр признался в своих чувствах Дагмар и в апреле 1865 г. сделал ей предложение, получив от нее согласие, а от своих и ее родителей – благословение.

Следует предположить, что обучение императрицы Марии Федоровны шло по той же программе, по которой обучались ее предшественницы. К тому же отец Янышев должен был учитывать также инструкцию митрополита Филарета (Дроздова).

О том, какие плоды принесли уроки Янышева, можно судить по тому обстоятельству, что, как и ее тезоименитая предшественница, императрица Мария Федоровна прославила свое имя в русской истории делами благотворительности. Совершенно чуждая излишнего мистицизма, она практически осуществляла в своей повседневной деятельности все христианские заповеди. После кончины императрицы Марии Александровны Мария Федоровна долгие годы возглавляла Ведомство учреждений императрицы Марии, принимая активное участие в судьбе вдов, сирот, нуждающихся. По линии Российского Красного Креста государыня активно занималась попечительской деятельностью, регулярно посещая госпитали и лазареты, помогая раненым, слепым и увечным.

Приход к трону следующей императрицы – Александры Федоровны – совпал с днями панихид и траурных визитов по случаю внезапной кончины императора Александра III. Коронационные торжества также закончились известной трагедией.

Матвеев Н. С. Торжественный выход императорской семьи из Успенского собора в Кремле в Вербное воскресение в апреле 1903 года. *Источник*: Государственная Третьяковская Галерея

Государыня, как и ее предшественницы, была воспитана в лютеранской вере, и ее переход в православие хотя и был вполне осознанным и твердым решением, но случился не сразу. Более того, ее брак с наследником российского престола также мог не состояться. Родители цесаревича, знавшие о наследственной гемофилии, которая преследовала род по мужской линии, хотели

сосватать своему сыну другую невесту. Для закрепления союза с Францией возникла кандидатура Елены, дочери претендента на французский престол (из рода Бурбонов), но девушка отказалась изменить католическое вероисповедание и перейти в православие. Затем выбор пал на принцессу Маргариту Прусскую, но та в свою очередь не захотела изменить протестантской конфессии.

Когда российская императорская семья все же дала согласие на брак наследника с Алисой Гессенской, то претендентка, несмотря на свое желание выйти замуж за цесаревича Николая Александровича, наотрез отказалась перейти в православие, и ее долго пришлось уговаривать. Наследник даже записал в своем дневнике, что безуспешно пытался уговорить невесту, но та все противилась перемене веры. Будучи истинно религиозной, невеста наследника считала, что переходом в другую конфессию она изменит не только самой себе, но и Спасителю. Наконец, в дневнике цесаревича появилась запись, что Алиса по приезде в Россию все же решила миропомазаться[566].

Возможно, отец Иоанн Янышев, которого определили на роль ее законоучителя, сумел найти те самые слова, которые помогли принцессе открыть внутреннюю красоту православия. Но все же именно цесаревич Николай с его деликатностью и глубокой религиозностью помог искреннему обращению будущей российской императрицы. «Алике, я понимаю Ваши религиозные чувства и благоговею перед ними, – писал ей цесаревич. – Но ведь мы веруем в одного Христа; другого Христа нет. Бог, сотворивший мир, дал нам душу и сердце […] Без Его воли нет ничего. Пусть не тревожит Вас совесть о том, что моя вера станет Вашей верой. Когда Вы узнаете после, как прекрасна, благодатна и смиренна наша православная религия, как величественны и великолепны наши храмы и монастыри и как торжественны и величавы наши богослужения, – Вы их полюбите, Алике, и ничто не будет нас разделять»[567].

21 октября 1894 г. принцесса присоединилась к Православной Церкви и после миропомазания стала именоваться Александрой Федоровной.

О глубокой неподдельной религиозности императорской четы Николая II Александровича и Александры Федоровны в отечественной историографии имеется множество исследований.

На наш взгляд, достаточно упомянуть, что на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в 2000 г. их причислили к лику страстотерпцев в числе новомучеников и исповедников российских.

Таким образом, с середины XIX в. в обиход религиозного

обучения Российского императорского дома вошла особая программа, предназначенная специально для принимавших православие немецких принцесс – невест наследников престола и великих князей. О том, насколько успешным было обучение, говорят многочисленные примеры христианского благочестия, истинного смирения и широкой благотворительной деятельности российских императриц.

Глава 12. Обучение православию великих князей и княжон

Религиозное воспитание играло чрезвычайно важную роль в жизни княжеских отпрысков императорской крови. Несмотря на презрительное отношение высшей аристократии к духовенству, которое она считала сословием, значительно ниже себя стоящим по рангу, и на «убийственное охлаждение к Церкви»[568] среди образованной части российского общества начиная со второй половины XVIII столетия, все же простой народ и монаршая семья были верны православию. Видимое исповедание веры – соблюдение постов, обрядов, таинств, участие в водосвятии и крестных ходах – считалось обязательным в Доме Романовых. В религии они видели не только мистическую связь с Высшим Началом, но и политическое учреждение, необходимое для государственного единства и управления подданными. Потому их с рождения приобщали к обрядам Православной Церкви, и с раннего детства к ним были приставлены священники-законоучители. Как правило, эти пастыри по своим политическим убеждениям являлись крайними монархистами, считавшими Бога «самодержцем Вселенной».

Неизвестный художник. Портрет Натальи Петровны, Дочери Петра I и Екатерины I. *Источник*: Государственный Эрмитаж

Будучи представителями придворного духовенства, законоучители великих князей зачастую неразрывно связывали свои религиозные наставления с «политической иерархией», и потому приобщение к вере великих князей и княжон несколько отличалось от религиозного образования наследников престола.

Прежде всего их не готовили как помазанников Божиих к управлению страной. Средние и младшие сыновья императора,

став совершеннолетними, начинали, как правило, служить «по военной части», а дочери выходили замуж и в большинстве своем покидали родину. Предполагалось, что на чужбине они могли принять веру своих мужей, но могли также остаться в лоне Православной Церкви. В специальном брачном договоре отдельно оговаривалось условие, какую веру будет исповедовать великая княжна после венчания. Если она пожелала оставаться православной, то бракосочетание сначала совершалось по православному обряду в церкви, затем для совершения церемонии приглашался протестантский пастор или епископ из страны, откуда родом жених. Причем сопровождавший торжество православный хор пел протестантские молитвы.

И наоборот, великие князья, не претендовавшие на трон, но бравшие себе в жены протестанток, могли не настаивать на их переходе в православную веру[569].

Поэтому обучение религии императорских детей, не имевших претензий на занятие престола, сводилось в основном к обычной катехизации, догматическому и нравственному богословию, а также к истории Церкви.

О воцерковлении детей Императорского дома можно судить на примере воспоминаний двоюродной сестры императора Николая II великой княгини Марии Павловны, рожденной в 1890 г. С одной стороны, на рубеже XIX–XX вв. интерес к православию в образованном сословии стал считаться признаком невысокой культуры. С другой стороны, в монаршей семье приобщение к вере все же считалось обязательным. В связи с этим великая княгиня с сожалением отмечала, что «воспитанию как таковому придавалось мало значения; главным, по мнению моих наставников, было обучение началам православной веры и внушение норм нравственности»[570]. Иными словами, учителя Закона Божия отождествляли обучение православной религии преимущественно «со строгой системой управления, контролирующей все стороны жизни»[571].

Неизвестный художник. Портрет младенца цесаревича Петра Петровича. *Источник*: Государственный Эрмитаж

Марию Павловну, как и прочих детей в императорской семье, приобщали к церкви с самого рождения, и к исповеди она впервые пошла в семилетием возрасте. «Ясно помню то волнение, – писала она, – с каким я вошла в холодную и пустую церковь, где меня ожидал священник и, признаваясь в главном своем грехе – воровстве нескольких шоколадных конфет, пролила много слез»[572].

Неизвестный художник. Портрет великого князя Константина Николаевича в детстве. *Источник*: Государственный Эрмитаж

Опыт общения с духовником оставил в сердце великой княгини Марии крайне негативные воспоминания и внушил ей отвращение к священству: «В моем представлении это были не люди, а какие-то бесформенные создания, которые все время твердят одно и то же, и мысли у них всегда одинаковые. С ними нужно говорить на другом языке и по-другому вести себя. Изображая почти нечеловеческую добродетель. Священнослужитель, внушая мне веру, должен безоговорочно поддерживать власть, потому что она дана Богом. Это казалось

мне фальшивым, а фальшь я презирала»[573].

Глубину религиозного мировоззрения великая княгиня постигла уже в зрелом возрасте, будучи на богослужении в монастыре недалеко от Пскова. Там она познакомилась с архимандритом Михаилом, который произвел неизгладимое впечатление и заставил по-новому взглянуть на православие. Он был сыном провинциального священника и человеком высоких нравственных принципов и культуры. «Отец Михаил придавал внутренний смысл и красоту духовным верованиям и учениям […] которые прежде были для меня пустым звуком»[574], – писала Мария Павловна, ранее считавшая религию лишь проявлением любви к внешним обрядам. В разговорах с монахом она поняла, что православие – это часть русской души, что оно тесно связано с психологией людей, отличается широтой взглядов, наполнено простой и мудрой поэзией. Под руководством архимандрита она начала заново изучать православие и постигать его истинный смысл. Отец Михаил силой своего убеждения, природного таланта и деликатности оживил в великой княгине веру. Они вместе изучали правила церковных богослужений, читали Библию, работы основателей церкви. Архимандрит сопровождал тексты подробными объяснениями, а также историями из своей собственной жизни, описывая быт в монастырях, и рассказывал о трогательных и любопытных традициях русского духовенства[575].

Неизвестный художник. Портрет великой княгини Натальи Алексеевны *Источник*: Государственный Эрмитаж

Великая княгиня, общаясь с отцом Михаилом, все время думала, что нравы и быт при императорском дворе были похожи скорее на сказочный театральный спектакль и не было у царской семьи и народа ничего общего. Двор был далек от реальной жизни и проблем своих подданных.

С возрастом, пережив ряд семейных трагедий, Мария Павловна стала иначе воспринимать и церковную службу. «Службы на Страстной неделе, обычно длинные и утомительные, привлекали меня теперь особым очарованием, – писала она. –

Потемневшие от времени древние иконы, которые освещались многочисленными свечами, отражавшимися в золотых окладах, казались исполненными таинственной силы. Прекрасные песнопения, нежные и печальные, плыли в воздухе, пропитанном ладаном»[576].

Неизвестный художник. Портрет великой княгини Елены Павловны. *Источник*: Государственный Эрмитаж

Однако не всегда лишь на законоучителе лежала полнота ответственности за силу и чистоту религиозных убеждений. Так, старшая сестра последней русской императрицы Александры

Федоровны Элла, самостоятельно обратившись в православную веру лишь через семь лет после своего бракосочетания с великим князем Сергеем Александровичем, «с каждым годом становилась все набожней, строго следуя церковным предписаниям. Несмотря на то что он (ее муж. – *М. Е.*) тоже был человеком верующим и всегда соблюдал все православные обряды, дядя Сергей с тревогой наблюдал, как она все глубже и глубже погружается в религию»[577], – вспоминала великая княгиня Мария Павловна. Перед тем как принять православие, Елизавета Федоровна написала своему отцу, герцогу Гессен-Дармштадскому Людвигу IV: «Я все время думала и читала и молилась Богу – указать мне правильный путь – и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином»[578].

Заключение

Перед нами прошла вереница духовных пастырей, более других придворных чинов приближенных к государевой персоне. Кто-то из священнослужителей относился к своим обязанностям весьма формально и не оставил после себя памяти, но, держа нос по ветру, просто делал карьеру при дворе. Кто-то, наоборот, вошел в историю как подвижник Церкви.

В любом случае Православная Церковь всегда была опорой самодержавию, а «…наше духовенство никогда не противоборствовало мирской власти, ни княжеской, ни царской: служило ей полезным оружием в делах государственных и совестью в ее случайных отклонениях от добродетели»[579].

Придворные священники – законоучители, духовники и проповедники – не только обучали основам религии, но и присутствовали при крещении монарших детей и выборе их имен, участвовали в церемонии присяги новому государю, а также в таинствах и обрядах, сопутствующих монарху в течение всей его жизни. Часто именно они косвенно участвовали в дворцовых переворотах, поддерживая нового монарха провозглашением его имени во время литургии и делая его власть легитимной при помощи Церкви, ее ритуалов и таинств. Они же готовили к коронации восходящего на трон государя.

Духовный пастырь находился рядом с императорской персоной не только в мирное время, но и в военных походах, исповедуя монарха перед решительным сражением и напутствуя его перед боем. Священник был главным, а иногда и решающим советником в вопросах выбора невесты наследника, так как от этого зависело не только продолжение династии, но и ее легитимность, которая должна быть безупречной. Духовный пастырь был ближайшим сподвижником в вопросах благотворительности.

Во время долгих паломнических поездок монархов по святым местам их всегда сопровождал священник. Он же провожал государя в последний путь, служа поминальные службы и панихиды по усопшему.

Если в языческие времена фараон или патриций являлся одновременно и первосвященником или верховным жрецом, то есть связующим звеном между Небом и Землей, то в христианскую эпоху, разделившую мир на «богово» и «кесарево», правитель стал лишь исполнителем воли Всевышнего посредством Церкви. Христианство установило, что жребий властителя – это религиозное служение со всеми теологическими

представлениями о главной его цели – «сохранить православие на своей земле до Страшного Суда». Христианство впервые призвало властителя отречься от своей воли и личные интересы подчинить государственным, и тогда само государство будет служить общему благу. Христианство также установило, что отношения народа и власти должны строиться не на законе, а на доверии: если царь соблюдал все заветы, то от народа он мог требовать того же самого. Именно этому обучали российских монархов специальные священники – законоучители.

Великому древнегреческому философу Сократу (V в. до н. э.) приписывается выражение: «Все профессии от людей и только три от Бога: учитель, судья и врач, ибо они получают свой дар свыше». Действительно, от учителя зависит формирование человека, от судьи – оценка обществом его слов и поступков, а от врача, возможно, и сама его жизнь. В христианскую эпоху апостол Павел в своем «Послании к Римлянам» добавил жребий правителя к тем дарам, что человек получает свыше: «Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 1:13).

Монархическое правление в христианскую эпоху не избавляло от греха и не предотвращало общество от преступлений и войн, а монарх априори не обладал святостью. Не были исключением и представители Российского Императорского Дома Романовых. Но, несмотря на это, благодаря православному воспитанию «в своих великих деяниях и даже в своих ошибках все поколения Романовых ставили интересы и славу России выше каких бы то ни было личных выгод»[580].

Таким образом, религиозное воспитание наследника престола осталось уникальным явлением, присущим только России.

Список использованной литературы

1. *Аверинцев С.* Поэтика ранневизантийской литературы. – М., Наука, 1997. – 320 с.

2. *Августин* (*Никитин*), *архим.* Православный Петербург в записках иностранцев. – СПб.: Нева, 1995. – 224 с.

3. Автобиография протопресвитера В. Б. Бажанова // Исторический вестник. – 1883. – № 12. – С. 556–564.

4. Автобиография Платона, митрополита Московского (с предисловием и примечанием прот. С. К. Смирнова). – М., 1887.

5. Англофилия у Трона. Британцы и русские в век Екатерины II. – Каталог выставки / Сост. Энтони Кросс. Британский Совет. – 1992. – С. 37–39.

6. *Андреева Г. Б.* «Что видит Альбион, увидит то Нева…». О русско-британских художественных связях XVIII–XIX вв. // Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев XVII–XIX вв. – Каталог выставки. – М.: Трилистник, 1997. – С. 16–31.

7. *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. Т. 1. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1994.

8. *Архангельский Н. П.* Задача содержания и план системы при воспитании христианского нравоучения. – Симбирск, 1894.

9. Архив князя Ф. А. Куракина. Книга 5. – Саратов, 1894.

10. Бажанов Василий Борисович // Русский биографический словарь. Т. И. – СПб., 1900. – С. 402–403.

11. *Бажанов В. Б.* Об обязанности Государя. – СПб., 1839.

12. *Бажанов В. Б.* Две речи к Ее Высочеству принцессе Гессен-Дармштадской. – СПб., 1840.

13. *Бажанов В. Б.* Речь к Ее Императорскому Высочеству Государыне Великой Княгине Марии Александровне в канун бракосочетания с Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем и Великим Князем Александром Николаевичем, произнесенная на немецком языке придворным протоиереем В. Бажановым 15 апреля 1841 года. – СПб., 1841.

14. *Белозерская Н. А.* Происхождение Екатерины Первой // Исторический вестник. – 1902. – № 1. – С. 56–90.

15. *Белякова Е. В.* Источники Печатной Кормчей // Вестник церковной истории. – М., 2008. – № 3 (11).

16. Беседа законоучителя с Его Императорским Высочеством государем Великим Князем Наследником Цесаревичем в день Его рождения, при вступлении в совершенные лета // Сборник РИО. Т. XXX. – СПб., 1880. – С. 95–101.

17. Беседы протоиерея Г. Павского с наследником // Сборник

РИО, Т. XXX. – СПб., 1880. – С. 73–95.

18. *Бронзов А.* Что сделал для нравственного богословия протопресвитер И. Л. Янышев // Церковный вестник. – 1900. – № 40. – Стб. 1274–1279.

19. *Бронзов А.* Протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев. – СПб., 1911.

20. *Божерянов И. Н.* Детство, воспитание и лета юности русских императоров. – Пг., 1914.

21. *Бухаркин П. Е.* Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения петровской эпохи // Христианское чтение. – 2009. – № 9-10. – С. 100–121.

22. *Вернадский Е. В.* Начертание русской истории. – СПб.: Лань, 2000. (Мир культуры, истории и философии). – 320 с.

23. *Виноградов В. П.* Платон и Филарет – митрополиты московские (сравнительная характеристика их нравственного облика). – Сергиев Посад, 1913.

24. *Вишневский Д.* Киевская академия в первой половине XVIII столетия. – К., 1903.

25. *Воронцова-Дашкова Е. Р.* Записки // Русская старина. – СПб., 1874. – Т. 9. – № 3. – С. 407–464.

26. Воспоминания великой княгини Марии Павловны. – М.: Захаров, 2003. – 512 с.

27. Воспоминания императрицы Александры Федоровны с 1817 по 1820 г. // Александр Второй. Воспоминания. Дневники. – СПб.: Пушкинский фонд, 1995. – С. 39–52.

28. Всеподданнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества, государя великого князя Павла Петровича. Записка графа Н. И. Панина. 1760 г. / Сообщил Т. А. Сосновский // Русская старина. – 1882. – Т. 35. – № 11. – С. 313–320.

29. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода К. Победоносцева по Ведомству Православного Исповедания за 1884 год. – СПб., 1886.

30. *Гендриков В. Б., Сенько С. Е.* Петропавловский собор – усыпальница императорского Дома Романовых. – СПб.: Лики России, 2004.

31. *Глинский Б. Б.* Царские дети и их наставники: исторические очерки для юношества. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 320 с.

32. Годы учения Его Императорского Высочества наследника цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего государя императора. Глава VIII. Мысли законоучителя, протоиерея Герасима Петровича Павского о религиозном учении и воспитании Его Императорского

Высочества государя Великого Князя наследника Цесаревича Александра Николаевича, изложенные в 1826 году // Сборник Русского исторического общества. Т. XXX. – СПб. – 1880. – С. 61–68.

33. *Грен Н. И.* Записки о моей жизни. – М.: Захаров, 2002. – 896 с.

34. *Грот Я. К.* Воспитание Екатерины II // Древняя и новая Россия. – 1875. – Т. 1. – № 2. – С. 110–125.

35. *Грот Я. К., акад.* Екатерина II в переписке с Гриммом. – СПб.: Типография АН, 1884. – 788 с.

36. *Грот Я. К.* А. А. Самборский – законоучитель императора Александра I // Русский вестник. – СПб., 1889. – Кн. 1. – С. 260–264.

37. *Данилова Л.* Петр Великий и царевич Алексей. Российские императоры, немецкие принцессы. Династические связи, человеческие судьбы. – М.: Изографус, Эксмо-Пресс, 2002.

38. *Дворкин А.* Иван Грозный как религиозный тип. Статьи и материалы. – Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2009. – 344 с.

39. Дневник А. С. Пушкина. 1834 год // Александр Второй: Воспоминания. Дневники – СПб.: Пушкинский фонд, 1995. – С. 78–80.

40. Дневник А. В. Храповицкого. 1782–1798. – СПб., 1874.

41. *Де Сталь А.-Л. Ж.* Десять лет в изгнании. – М.: Изд-во ОГИ, 2003. – 532 с.

42. *Доброклонский А. П.* Руководство по истории Русской Церкви. – М., 1900.

43. *Евсевий Памфил.* Жизнь Константина / Пер. Санкт-Петербургской духовной академии. – М.: Labarum, 1998. – 352 с.

44. *Ежов Н.* О церковно-религиозном образовании в России в XVIII веке // Странник. – 1896. – Ч. I.

45. Екатерина II по рассказу современника-немца // Русский архив. – Кн. 2. – № 7. – 1911. – С. 320–331.

46. *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. В 2 т. – М.: Языки русской культуры, 2000.

47. *Загарин П.* (*Поливанов*). В. А. Жуковский и его произведения. – СПб., 1883.

48. Записки императрицы Екатерины Второй (репринт). – Ставрополь: Орбита, 1989. – 750 с.

49. *Зарин Я.* Из жизни русских царей и цариц. – СПб., 1913.

50. *Знаменский П.* Чтения из истории Русской церкви за время царствования Екатерины II // Православный собеседник. – 1875. – Ч. I. – С. 3–22.

51. *Ибнеева Е. В.* Формирование имперской политики России

во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства. Дисс. … д-ра ист. наук. – Казань, 2007.

52. *Иеромонах Платон* (*Лобанков*). Святительские труды высокопреосвященного Платона (Левшина) Митрополита Московского (кандидатское сочинение). – Троице-Сергиева Лавра, Загорск, 1963–1964.

53. Из бумаг митрополита Платона. – М., 1882.

54. Из уроков по Закону Божию наследнику цесаревичу Александру Николаевичу (императору Александру II) протоиерея Е. П. Павского. – СПб., 1887.

55. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 1–12. – СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1895–1906. – Т. 9.

56. Историческое описание всех коронаций российский царей, императоров и императриц / Сост. И. Токмаков. – М., 1896.

57. Камер-фурьерские журналы за 1762, 1763 г. – СПб.

58. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. – М.: Наука, 1991.– С. 117–121.

59. *Каратыгин П. П.* Светлые минуты императора Павла. 1796–1801 // Исторический вестник. – 1886. – Т. 26. – № 10. – С. 121–151.

60. *Карнович Е. П.* Архимандрит Фотий, настоятель новгородского Юрьева монастыря. 1792–1838 // Русская старина. – 1875. – Июль. – С. 301–332.

61. *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). – СПб., 1882.

62. *Корогодина М. В.* Исповедь в России. Исследования и тексты. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 593 с.

63. *Костин Б.* Ведомство императрицы Марии // Согласие. – 1993. – № 504. – С. 15–21.

64. *Марасинова Е. Н., Каждан Т. П.* Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX века. Общественно-культурная среда. Т. 1. – М., 1998.

65. *Мадам де Креки.* Мемуары // Русская старина. – 1874. – Т. 11. – № 10. – С. 360–368.

66. *Милютин Д. А.* Дневник. В 4 т. Т. 4. – М.: Б-ка им. В. И. Ленина, 1950.

67. *Митрополит Платон.* Полное собрание сочинений в 20 т. Т. V. – М., 1780.

68. *Морохин А.* «Аншальт учинить». Несчастная супруга царевича Алексея // Родина. – 2007. – Вып. 11. – С. 103–108.

69. *Морошкин М.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II до нашего времени. Ч. 1–2. – СПб., 1867–1870.

70. *Муравьев А.* Письма о православии. – Киев, 1871.

71. *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 1. – СПб., 1886.

72. Наставление императрицы Елизаветы Петровны графу Н. И. Панину о воспитании великого князя Павла Петровича // Русский архив. – М., 1881. – Кн. 1. – С. 8–21.

73. *Никитенко А. В.* Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетелем в жизни был. Записки и дневник (1804–1877). Т. I. – СПб., 1905.

74. Николай I. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. Книга 1 (Серия «Государственные деятели России глазами современников»). – СПб.: Пушкинского фонда, 2008. – 344 с.

75. *Новиков Н. И.* Смеющийся Демокрит / Сост. А. В. Западов. – М.: Советская Россия, 1985. – 368 с.

76. *Ольга Николаевна, королева Вюртембергская.* Сон юности: записки дочери императора Николая I, великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской // Николай I, муж, отец, император. – М.: Слово, 2000. – С. 174–329.

77. *Орлов Александр, прот.* Протоиерей Герасим Петрович Павский // Дух христианина – СПб. – 1862–1863. – Июнь. – С. 208–228.

78. От дворцовых переворотов до эпохи Великих реформ // История России. – М.: Аванта + , 1997. – Том V.

79. Павел I. Указ об освобождении попавших под наказание, заточение и ссылку, по случаю бывших в Польше замешательств. – Б. М., 1796.

80. *Навский Г. П.* Письмо о постепенностях в уроках религии. – СПб., 1875.

81. *Навский Г. П., прот.* Христианское учение в краткой системе. – СПб., 1902.

82. Памяти Императрицы Елизаветы Алексеевны // Сын Отечества. – 1826. – Ч. 107. – № 12 от 15 июня.

83. Памяти о. протопресвитера И. Л. Янышева / Речь профессора А. И. Пономарева. – СПб., 1910.

84. Переписка А. Н. Оленина с Павским // Сообщ. Н. И. Стояновским. – СПб., 1877.

85. *Петров П. Н.* Русские живописцы-пенсионеры Петра Великого // Вестник изящных искусств. Вып. 1–2. – СПб., 1883.

86. Переписка В. А. Жуковского с законоучителем покойного государя протоиереем Павским (1834–1835) о преподавании богословия наследнику цесаревичу с послесловием М. С. Боголюбского // Русский архив. – 1887. – № 2. – Кн. 7. – С. 310–328.

87. Письма Екатерины Второй к ее сватье Гессен-Дармштадской графине Каролине // Русский архив. – 1878. – Кн. 4. – С. 385–399.

88. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века – СПб., 1904.

89. Письма митрополита Платона (Левшина) к императрице Екатерине Великой и к императору Александру Павловичу // Русский архив. – М., 1910. – Кн. 7. – С. 323–332.

90. Письма митрополита Платона к высшим особам / Предисл. и примем. С. Д. Муратова. – М., 1895.

91. Письма протоиерея А. А. Самборского к императору Александру I и князю А. Н. Голицыну (1806–1810) / Под ред. В. И. Жмакина. – СПб., 1894.

92. Письма цесаревича Павла Петровича к его законоучителю Платону // Русский архив. – 1887. – Кн. 2. С. 5–48; Кн. 5. С. 162–170; Кн. 7. С. 273–288.

93. Письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру I // Русский архив. – 1911. – Кн. 1. – С. 129–174.

94. *Платон* (*Левшин*), *митрополит Московский*. «Из глубины воззвах к тебе, Господи». – М.: Паломник; Русский Двор, 1996. – 109 с.

95. *Погодин М. Н.* Напоминание о Павском // Русский архив. – М., 1870. – № 10. – С. 1947–1951.

96. Полное собрание сочинений Платона (Левшина), митрополита московского. Т. I. – СПб., 1913.

97. *Пономарев А.*, *прот.* Протопресвитер И. А. Янышев как проповедник // L-летний юбилей духовника Их Императорских Величеств протопресвитера Иоанна Леонтьевича Янышева (9 октября 1850 – 9 октября 1900). – СПб., 1900.

98. *Пономарев А. И.* О протопресвитере И. А. Янышеве. – СПб., 1910.

99. *Поселянин Е.* Русская церковь и русские подвижники XVIII века. – СПб., 1905.

100. Православное учение или сокращенная христианская Богословия для употребления Его Императорского Высочества Пресветлейшего Всероссийского Наследника благоверного государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича, сочиненная Его Императорского Высочества учителем иеромонахом Платоном. – СПб., 1765.

101. Продолжение поучительных слов при высочайшем Дворе Ее Императорского Величества Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийской, сказанных Его Императорского Высочества учителем иеромонахом Платоном. – СПб., 1765.

102. Протоиерей Герасим Петрович Павский (некролог) //

Православное обозрение. – М., 1863. – Т. X. – С. 242–244.

103. *Протопопов С. В., священник.* Протоиерей Герасим Петрович Павский. Биографический очерк. – СПб., 1876.

104. *Пушкин А. С.* Дневник // Александр Второй: Воспоминания. Дневники – СПб.: Пушкинский фонд, 1995.

105. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. VIII. – М., Л., 1951.

106. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений в 10 томах. Т. 7. – Л., 1978.

107. Пятое продолжение поучительных слов при Высочайшем Дворе Ее Императорского Величества Благочестивейшей великия государыни Екатерины Алексеевны, самодержице Всероссийской, сказанных Его Императорского Высочества учителем богословия Свято-Троицкие Сергиевой Лавры архимандритом Платоном. – М., 1767.

108. *Радциг Е. С.* Николай II в воспоминаниях приближенных // Новая и новейшая история. – 1999. —№ 2. – С. 134–146.

109. Речь к воспитанникам 1-й Петербургской гимназии, окончившим курс учения, говоренная при Публичном акте декабря 15 дня 1834 года законоучителем священником Василием Бажановым. – СПб., 1834.

110. Речь к воспитанникам Санкт-Петербургского благородного пансиона, окончившим курс учения, говоренная при Публичном испытании законоучителем их, священником Императорского Санкт-Петербургского университета магистром Василием Бажановым июля 25 дня 1828 года – СПб., 1828.

111. *Розов Н. И.* Синодальный список сочинений митрополита Иллариона – русского писателя XI в. – Slavia, Praha, 1963. roc. XXXII.

112. Россия XVIII века глазами иностранцев. – Л., 1989. – 346 с.

113. Русский Двор в 1761 году // Русская старина. – СПб., 1878. – Т. XXIII. – С. 187–206.

114. Сводный каталог русской книги Ерaванской печати XVIII века. 1725–1800. Т. И. – М., 1964.

115. Семена Порошина записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престолу Российского. – СПб., 1844.

116. *Снегирев И. М.* Жизнь московского митрополита Платона. – М., 1891.

117. Письма государыни императрицы Марии Федоровны к двум младшим ее сыновьям (1814–1816) с введением, объяснением и примечаниями барона М. А. Корфа // Русский

архив. – 1868. – № 3. – С. 338–374.

118. Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета. Т. 2. – СПб., 1835.

119. *Соллертинский С. А.,* Памяти протопресвитера И. Л. Янышева. – СПб., 1910.

120. *Стеллецкий Н., священник*. Протоиерей А. А. Самборский – законоучитель императора Александра I. – Киев, 1896.

121. *Сулоцкий А.* Г. П. Павский и митрополит Филарет // Русская старина. – СПб., 1881. – Т. XXXI. – С. 479–486.

122. *Сушков Н. В*. Квакеры в С.-Петербурге // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М.: университетская типография, 1867. – 729 с.

123. *Тареев М. М.* Протопресвитер И. Л. Янышев как моралист // Богословский вестник. – Сергиев Посад, 1910. —Т. II (июль-август).

124. *Тимошина Е. В.* Теория «Третьего Рима» в сочинениях «Филофеева цикла» // Правоведение. – СПб., 2005. – № 4. – С. 181–208.

125. *Тихомиров А. А.* Монархическая государственность. – СПб.: Российский имперский союз-орден, 1992. – 620 с.

126. *Тютчева А. Ф.* Письма к m-lle Гранси // Николай I, муж, отец, император / Сост. Азарова Н. – М.: Слово, 2000. – С. 532–558.

127. *Федоров В. А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. – М.: Русская панорама, 2003. – 480 с.

128. *Хорватова Е. В.* Русский Гамлет. Павел I, отвергнутый император. (Серия: Сюрпризы истории). – М.: АСТ-Пресс книга, 2011. – 336 с.

129. Храм святых апостолов Петра и Павла при Санкт-Петербургском государственном университете. – СПб.

130. Церковь православная в деле созидания русского царства и благоверные цари русские в отношении к ней. – СПб., 1899.

131. Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича. – СПб., 1882.

132. *Чистович И. А*. Протоиерей Г. П. Павский. Некролог. – СПб., 1863.

133. *Чулков Г. И.* Императоры: психологические портреты. – М.: Московский рабочий, 1991. – 286 с.

134. *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. – СПб., 1901.

135. *Уманец Ф. М.* Александр I и русская партия в Польше // Исторический вестник. – СПб., 1883. – Т. XIV. – С. 5–47.

136. *Успенский Б. А.* Царь и патриарх. Школа (Языки русской культуры). – М., 1998. – 680 с.

137. *Шумигорский Е.* Инструкция Великого Князя Павла Петровича Великой Княгине Марии Федоровне (1776 г.) // Русская старина. – СПб., 1898. – Т. 93. – Кн. И. – С. 247–261.

138. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. – М.: Алгоритм, 2005. – 282 с.

139. *Тимирязев В. А.* Русские дипломаты XVIII столетия в Англии // Исторический вестник. – 1898. – Т. LXXII. – С. 243–266.

140. *Толмачев И. В.* Памяти протопресвитера В. Б. Бажанова. – СПб., 1873.

141. Царский храм. Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры / Отв. ред. А. К. Левыкин. – М., 2008. – 488 с.

142. *Эйдельман Н. Я.* Грань веков: политическая борьба в России, конец XVIII – начало XIX столетия. – М.: Мысль, 1982. – 368 с.

143. *Хоруженко О. И.* Дворянские дипломы XVIII века в России. – М.: Наука, 1999. – 419 с.

144. *Шатобриан Ф.-Р. де.* Замогильные записки / Пер. с фр. О. Э. Гринберг и В. А. Мильчиной. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1993.

145. *Шепелев А. Е.* Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. – СПб.: Искусство – СПб., 2007. – 461 с.

146. *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. – СПб., 1847.

147. *Шумигорский Е. С.* Ведомство учреждений императрицы Марии (1797–1897). – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1897.

148. *Янышев И. А.* Точно ли вероучение англо-американской церкви есть кафолическое православное вероучение (с отзывом англо-американского богослова по вопросу о взаимообщении между православной и англо-американской церквями). – СПб., 1891.

149. L-летний юбилей духовника Их Императорских Величеств протопресвитера И. Л. Янышева. – СПб., 1900.

Словари

150. Бажанов Василий Борисович // Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцова. Т. II. – СПб., 1900. – С. 402–403.

151. Павский Герасим Петрович // Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцова. Том XIII. – СПб., 1904. – С. 103–109.

152. Платон (Левшин), митрополит // Русский

биографический словарь / Под ред. А. А. Половцова. Т. XIV. – СПб., 1905. – С. 49–54.

153. Самборский Андрей Афанасьевич // Русский биографический словарь. Т. XVIII. – СПб., 1904. – С. 147–155.

Электронные ресурсы

154. Валишевский Казимир. Екатерина Великая (Роман императрицы) // http://www.litres.ru/kazimir-valishevskiy/ekaterina-velikaya-roman-imperatricy/.

155. Вклад представителей Дома Романовых в благотворительную деятельность симбирского общества начала XIX века: императрица Елизавета Алексеевна // http://www.ulzapovednik.ru/publications/ publication/detail.php?ID=11842.

156. «Библиологический словарь» священника Александра Меня в трех томах. – СПб., 2002 // http://krotov.info/spravki/history_bio/19_ bio/1863pavs.html.

157. Дневники императора Николая II: Т. I, 1894–1904 // http:// romanbook.ru/book/8382204/.

158. «Духовник трех императоров (биографический очерк)» // http:// www.portal-slovo.ru/history/45243.php.

159. Elise Kimerling Wirtschafter. Religion and Enlightenment In Eighteenth-Century Russia. Father Platon at the Court of Catherine II // SEER, Vol. 88, Nos. V2, January/April 2010, pp. 180–203 / http:// alpha.as.huji.ac.il/.

160. Костогрызова Л. Ю. Симфония властей в Византии: опыт взаимодействия государства и Церкви // http://www. bogoslov.ru/text/1609881.html.

161. Павский Еерасим Петрович // http://drevo-info.ru/articles/2319.html.

162. Минаков А. Идеология самодержавия. Воззрения русских консерваторов первой четверти XIX века // http:// www.voskres.ru/idea/ minakov.html

163. Святая императрица-мученица Александра Федоровна // http:// pravoslavnyi.ru/new_site/component/content/article/50-molitvy-i-akafisty-novomuchenikam-ispovednikam-xx-v/289-aleksandra-imperatricza-muchenicza.

164. Солодянкина О. Иностранные гувернантки и их роль в формировании усадебной культуры // «Недаром помнит вся Россия…» – Череповец, 2003 // www.booksite.ru/usadba_new/world/16_3_01.htm.

165. Тихомиров Б. А. Протоиерей Герасим Петрович Павский: жизненный путь, богословская и ученая деятельность // http:// www. km.ru/referats.

166. Фирсов С. Л. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету // http://mospat.ru/church-and-time/519.

167. Франсуа-Гене Шатобриан публикует книгу: Гений христианства // http://vikent.ru/enc/1405/.

168. Хорошилова Т. Е. Джентльмен из Нежина, или Кто был первым англоманом в России // Мир истории, 1999, № 5 // http://www. historia.ru/1999/05/angloman.htm.

169. Щербатов М. М., князь. О повреждении нравов в России. Москва – Augsburg, 2001 // http://imwerden.de/cat/modules.php?name = books &pa = showbook&pid = 1537.

170. Янышев Иоанн Леонтьевич // http:// www.rulex.ru/01320108.htm.

Литература на иностранных языках

171. Bushkovich P. The Clergy at the Russian Court, 1689–1796. P. 120 // Monarchy and Religion: The Transformation of Royal Culture In Eighteenth-Century Europe / Edited by: Michael Schaich. Oxford, Oxford University Press, 2006.

172. Dixon S. Religious Ritual at the Eighteenth-Century Russian Court // Monarchy and Religion: The Transformation of Royal Culture In Eighteenth-Century Europe / Edited by: Michael Schaich. Oxford, Oxford University Press, 2006.

173. Korogodina M. Penitential Texts and the Changing Political Culture of Muscovy // Russian Review 66 (July 2007), pp. 377–390.

174. Wortman R.S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony In Russian Monarchy. V. I. From Peter the Great to the Death of Nicolas I. Princeton (N.Y.), 1995.

Архивные источники

175. Библиотека СПб ДА. Сахарчук Н. Н. Протопресвитер И. Л. Янышев и его система по нравственному богословию // Рукопись курсового сочинения. – Новороссийск, 1962.

176. ОР РНБ, Ф. 73. Ед. хр. № 219. Донесение императрице Екатерине II с отзывом о невесте цесаревича Павла Петровича, принцессе Виртембергской (Марии Федоровне).

177. ОР РНБ. Ф. 286 Оп. 2. Ед. хр. 1 (архив В. А. Жуковского). Павский Е. П., прот. «Первые понятия о христианском учении» (История Церкви). Конспекты лекций для наследника (1826–1830).

178. ОР РНБ, Ф. 585 (Платонов). Ед. хр. № 6871. Реабилитация Павла 1-го // Газета «Речь» № 244 от 10.09.1916.

179. ОР РНБ. Ф. 178. Ед. хр. 79. Добрые и последние

наставления Екатерины II Павлу I, найденные между бумагами императрицы российской после ее смерти. Без даты.

180. РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Ед. хр. 163. Дело о священном Короновании Государя Императора Павла Петровича в Москве // Российский Государственный исторический архив.

181. РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Ед. хр. 968. Дело Александро-Невского монастыря. Об определении В. Б. Бажанова в 1827 г. законоучителем.

182. РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Ед. хр. № 215. Личное дело священника В. Б. Бажанова (духовника).

183. РГИА. Ф. 797. Оп. 10. Д. 27169. О назначении отца Бажанова законоучителем принцессы Марии Дармштадской.

184. РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (52/2047). Ед. хр. 17. Камер-фурьерский журнал «О миропомазании ее высочества Принцессы Марии Гессен-Дармштадской, об обручении и бракосочетании Его Имп. Высочества Государя наследника цесаревича с Ее Высочеством великою княжною Марией Александровной», Л. 1–5.

185. РГИА. Ф. 524. Оп. 1. Ед. хр. 390. Дело о награждении учителей Их Высочеств 1830 года. Формулярный список «О службе духовника Их Императорских Величеств, обер-священника Главного штаба и гвардии и гренадерских корпусов, протопресвитера Василия Борисовича Бажанова от 7 декабря 1849 года». – Л. 133–143.

186. РГИА. Ф. 524. Оп. 1 (Канцелярия императрицы Александры Федоровны). Д. 390. Формулярный список В. Б. Бажанова.

187. РГИА. Ф. 796. Оп. 77–82. (Мероприятия, касающиеся религиозной политики императора Павла I).

188. РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Ед. хр. 38. Проект наставления законоучителю, назначаемому для изъяснения учения Православно-Кафолической восточной церкви Высочайшей особе православного исповедания.

Материалы научных конференций

189. Жерихина Е. И. Протопресвитер придворного духовенства отец В. Б. Бажанов // В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций. Материалы научной конференции. – СПб., 2012. С. 81–88.

Аудиокниги

190. (Аудиокнига) Александра Толстая. Печальный эпизод из моей жизни при Дворе. Записки фрейлины (Наталия Литвинова) [2010, MP3,128 kbps].

Сокращения

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ОР РНБ – отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

notes

Примечания

1

См., например: «Утопию» Платона, «Политику» Аристотеля, «Левиафан» Томаса Гоббса, а также политическую философию Джона Локка, государственно-правовые воззрения Э. Канта и многих других мыслителей.

2

Катехизация (оглашение) – изучение основ христианской веры и чина церковной жизни человеком, готовящимся принять крещение и стать членом Церкви.

3

Духовными пастырями называют служителей церкви, которые по примеру Иисуса Христа наставляют в христианском учении адептов Церкви проповедью, личной беседой или примером своей жизни.

4

Хронологические рамки Московской Руси: начало XIV – начало XVIII в.

5

Традиция иметь духовника в царской семье восходит к периоду правления великого князя Василия III (1479–1533), при котором стала объединяться Русь.

6

Смирнов С. И. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта // Чтения Общества истории и древностей Российских – 1914. Кн. 2, отд. 3. С. I–VIII, 1-290; *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Духовники великих князей и царей Московских и всея России // Чтения Общества истории и древностей Российских – 1876. Кн. 1. С. 216–219; *Извеков Н. Д.* Московские кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII в. // Московская церковная старина. Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины Москвы и Московской епархии. – М., 1906. Т. 2; *Извеков Н. Д.* Царский духовник XVII в. // Московские церковные ведомости. – 1903. – № 19. С. 292–295; № 20. С. 299–300; № 22. С. 320–323; № 28. С. 379–380; № 37. С. 470–471; № 38. С. 482–484; № 40. С. 496–499; № 42. С. 524–526.

7

Царский двор – общее название, включающее в себя резиденцию государя с его личными покоями, парадными залами и домовой церковью, а также штат обслуживающей царя прислуги (придворных).

8

Пре́дики – устаревшее название проповедей и нравоучительных речей, произносимых в Церкви.

9

Миланский эдикт (датируется 313 г.) – письмо императоров Константина и Лициния, провозгласившее религиозную терпимость на территории Римской империи. Этот документ гарантировал свободу вероисповедания христиан.

10

Эсхатология – учение о конечной цели человеческой судьбы, космоса, отдельного государства и о всеобщем апокалипсисе.

11

В связи с этим можно вспомнить Константина Великого (IV в.), а также крестителя Руси князя Владимира и многих других.

12

См.: *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. – М.: Labarum, 1998. – С. 260. Далее – *Евсевий Памфил.*

Евсевий Памфил. С. 260.

14

См.: *Аверинцев С.* Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Наука, 1997. – С. 223–224. Далее – *Аверинцев С.*

15

Аверинцев С. С. 121.

Там же. С. 218.

17

Василевс (царь) – титул византийского императора.

18

См.: *Гримм Д. Д.* Лекции по догме римского права. – М., 2003; *Покровский И. А.* История римского права. – М., 2004 и др.

19

Цит. по: *Костогрызова А. Ю.* Симфония властей в Византии: опыт взаимодействия государства и Церкви // Электронный ресурс: http:// www.bogoslov.ru/text/1609881.html (дата обращения: 30.05.2013).

20

См.: *Дворкин А.* Иван Грозный как религиозный тип. Статьи и материалы. – Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2009. – С. 19–20. Далее – *Дворкин А.*

21

«Слово о законе и благодати» (1037–1050) – выдающийся памятник древнерусской литературы, с которого началась на Руси богословская мысль. См.: *Молдован А. М.* Слово о законе и благодати Иллариона. – Киев, 1984.

22

См.: *Розов Н. Н.* Синодальный список сочинений митрополита Иллариона – русского писателя XI в. – Praha, Slavia, 1963. roc. XXXII, ses. 2 // Электронный ресурс: http://philologos.narod.ru/sophia/slovoz. htm (дата обращения: 25.05.2013).

23

Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. В 2 т. Т. I. Ч. 1. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 2. Далее – *Забелин И. Е.*

24

Теоцентризм – философская концепция, согласно которой в основе мироздания помещен единый Бог как источник жизни, творец всего сущего на земле: всех видимых и невидимых его форм.

Забелин И. Е. Т. 1. Ч. 1. С. 4.

26

Кормчая книга (XI в.) – свод церковных установлений, регламентировавших общественную, семейную и религиозную жизнь народа. Она постепенно заменяла действовавшие на Руси языческие обычаи. С XIII в. этот сборник был предложен митрополитом Кириллом в качестве основного руководства к управлению Церковью. Позже Кормчая была подвергнута различным дополнениям. См.: *Белякова Е. В.* Источники печатной Кормчей // Вестник церковной истории. № 3 (11). – М., 2008.– С. 99–115.

27

«Домострой» – книга, составленная на протяжении нескольких веков коллективом авторов. В ней содержались правила, советы и наставления на все случаи жизни: социальной, профессиональной, общественной, семейной, частной и религиозной. В книге прослеживались сочетания народных языческих верований с глубоким христианским миропониманием. Основное распространение «Домострой» получил в Великом Новгороде (XVI в.) в среде образованных бояр, купечества и духовенства. Духовник и сподвижник царя Ивана IV Грозного протопоп Сильвестр переписал «Домострой» в качестве назидания молодому царю. Это был, по сути, первый свод нравственных правил и норм поведения, созданный специально для монарха. В этой редакции «Домострой» наиболее известен в наши дни. В «Домостроe» есть глава «Как чтить царя». В ней сказано: «Бойся царя и служи ему верно, всегда о нем Бога моли […]. Если земному царю с правдой служишь и боишься его, научишься и небесного царя страшиться».

28

См.: *Тимошина Е. В.* Теория «Третьего Рима» в сочинениях «Филофеева цикла» // Правоведение. – СПб., 2005. – № 4. – С. 181–208.

29

См.: *Дворкин А.*

30

Иоанн Златоуст. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 1–12. – СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1895–1906. Т. 9. – С. 777.

Исключения могут составлять лишь отдельные иерархи Церкви, такие как митрополит Московский и всея Руси Филипп Колычев (1507–1569), открыто обличивший царя Ивана Грозного за опричнину и злодейские убийства народа, за что был лишен сана и в 1569 г. задушен Малютой Скуратовым. Во времена правления Екатерины II митрополит Ростовский и Ярославский Арсений Мациевич (1697–1772), единственный из всех архиереев, написал письмо императрице с критикой секуляризации церковных владений, за что в 1763 г. был лишен митрополичьего сана и сослан в монастырь, где и умер.

Забелин И. Е. Т. I. Ч. 2. С. 138.

33

Забелин И. Е. Т. I. Ч. 2. С. 139.

34

См.: *Греков Б. Д.* Политическая и культурно-историческая роль Киева. – М., 1944; *Греков Б. Д.* Киевская Русь. – М., 1953; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1. – М., 1900; *Воронин Н. К., Кузьмин А. Г.* Духовная культура Древней Руси // Вопросы истории. – 1972. – № 9.

35

См.: *Вишневский Д.* Киевская академия в первой половине XVIII столетия. – К., 1903. Далее – *Вишневский Д.*

См.: *Корогодина М. В.* Исповедь в России. Исследования и тексты. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.

37

См.: *Korogodina M.* Penitential Texts and the Changing Political Culture of Muscovy // Russian Review 66 (July 2007). P. 377–390. Далее – *Korogodina M.*

Забелин Н. Е. Т. I. Ч.1. С. 4.

Правда, имели место отдельные попытки найти себе невесту из числа представителей европейских монархий. Например, в 1567 г. Иван IV Васильевич (Грозный) вел переговоры о возможном браке с английской королевой Елизаветой I, а в 1583 г. – с ее родственницей Марией Гастингс.

Korogodina M. С. 382.

41

См.: *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. – М.: Наука, 1991. – С. 117. *Далее – Карамзин Н. М.*

42

«Духовный регламент», или «Устав Духовной коллегии», был издан в виде Манифеста Петром I в 1721 г. Этот закон определял правовое положение Православной Церкви.

43

ПСЗ РИ. Т. 1. Ст. 42–43 (1857).

Там же Т. I. Ст. 1 (1857).

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в. – СПб., 1904. – С. 33. Далее – *Письма и донесения иезуитов.*

46

Олеарий Адам (1599–1671) – немецкий путешественник, географ и историк. По приказу герцога Фридриха III в 1634 г. отправился в путешествие по Московии с целью завязать торговые отношения с Россией. Позже была издана книга «Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию», переведенная на русский язык только в 1869–1870 гг.

47

Цит. по: Церковь православная в деле созидания русского царства и благоверные цари русские в отношении к ней. – СПб., 1899. – С. 13. Далее – *Церковь православная.*

Церковь православная. С. 10.

49

Симеон Полоцкий (Самуил Гаврилович Петровский (Ситнянович), 1629–1680) – выдающийся деятель культуры XVII в., духовный писатель, богослов. Был учителем богословия царских детей: Алексея, Софьи, Федора.

50

См.: *Зарин Я.* Из жизни русских царей и цариц. – СПб., 1913. – С. 40. Далее – *Зарин Я.* Здесь же высказано предположение, что рождение царя Петра сопровождала легенда, будто ученый монах Симеон Полоцкий, наблюдая каждую ночь за звездами, увидел недалеко от Марса чрезвычайно яркую звезду. Утром он пошел к царю поздравить с предстоящим рождением сына. «Сей князь, – говорил он, – воспримет твой престол, и ни один из современников его не будет ему равняться».

51

Зарин Я. С. 40.

52

См.: *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI–XVII вв. – М., 2006; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра I. Т. I. – СПб., 1858; *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. – М., 1875.

53

«Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший собор» – одна из затей царя Петра, просуществовавшая с начала 1690-х до середины 1720-х гг. Собор создан был для дискриминации официальной Церкви и развлечения приближенных к царю персон.

См.: *Бухаркин П. Е.* Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения петровской эпохи // Христианское чтение. – 2009. – № 9-10. – С. 104.

55

См., например: *Кедров Н. И.* «Духовный регламент» в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого. – М., 1866; *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. – СПб., 1868 и др.

Петров П. Н. Русские живописцы-пенсионеры Петра Великого // Вестник изящных искусств. Т. I. – СПб., 1883. – С. 206.

57

Письмо Иоанна Берулы без адреса от 11 января 1701 г. // Письма и донесения иезуитов. С. 57.

Карамзин Н. М. С. 119.

59

Конфирмация – в Католической Церкви (латинского обряда) таинство, когда ребенок, прошедший в младенчестве крещение, допускается к первому причастию и как бы подтверждает свою принадлежность к членам Церкви. Оно сопровождается возложением рук священника и молитвой о даровании Святого Духа. В протестантской конфессии – обряд сознательного вероисповедания, когда член прихода должен подтвердить перед общиной свою принадлежность к христианской вере.

60

Катехизис – книга, где изложено христианское вероучение в краткой форме.

61

Лопухина Евдокия Федоровна (1669–1731) – первая супруга Петра Великого (с 1689 по 1698 г.), мать царевича Алексея.

62

См.: *Данилова Л.* Петр Великий и царевич Алексей. Российские императоры, немецкие принцессы. Династические связи, человеческие судьбы. – М.: Изографус, Эксмо-Пресс, 2002; *Мадам де Креки.* Мемуары // Русская старина. – 1874. – Т. 11. – № 10. – С. 360–368.

63

См.: *Морохин А.* «Аншальт учинить». Несчастная супруга царевича Алексея // Родина. – 2007. – Вып. 11. – С. 103–104.

Согласно правилам Православной Церкви, Евдокия Лопухина считалась абсолютно легитимной супругой. Во-первых, она была венчана с царем церковным браком, во-вторых, родила ему в браке наследника.

65

Екатерина I (Марта Самуиловна Скавронская, 1684–1727) – российская императрица с 1721 г., вторая жена Петра I. Правила с 1725 по 1727 г.

См.: *Белозерская Н. А.* Происхождение Екатерины Первой // Исторический Вестник. – 1902. – № 1. – С. 56–90. *Далее – Белозерская Н. А.; Хоруженко О. И.* О происхождении императрицы Екатерины I // Европейские монархи в прошлом и настоящем. – М.: Алтейя, 2001 и др.

Белоозерская Н. А. С. 60, 62.

68

Петр II (1715–1730) – российский император (1727–1730). Был рожден от брака сына Петра Великого Алексея и немецкой принцессы Шарлотты Кристины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Он стал последним представителем рода Романовых по мужской линии.

69

См.: От дворцовых переворотов до эпохи Великих реформ // История России. – М.: Авантач, 1997. – Т. V. – С. 61–67.

70

Феофан Прокопович (1681–1736) – епископ русской православной церкви.

Божерянов И. Н. Детство, воспитание и лета юности русских императоров. – Пг., 1914. – С. 24.

Путешествие по России в 1736–1737 годах (Из дорожных записок фон Гафена) // Северная пчела, 1863. № 150. – С. 690. Цит. по: *Августин (Никитин) архим.* Православный Петербург в записках иностранцев. – СПб.: Нева, 1995.

73

Катехизис голландского иезуита XVI в. Петра Канизия был написан им в 1554 г. и выдержал к началу XVIII в. более 400 изданий.

74

Говорили, что цесаревич Петр был влюблен в свою тетку Елизавету Петровну, но «она не согласилась». См.: Дневник А. В. Храповицкого. 1782–1798. – СПб., 1874. – С. 132.

75

Анна Иоанновна (1693–1740) – российская императрица, дочь царя Ивана V (брата Петра I) и Прасковьи Федоровны Салтыковой.

Коронация включает в себя две части: светскую и сакральную. Во время светской части к императору подносят инсигнии (корону, державу, скипетр), а во время сакральной части его вводят в алтарь для миропомазания и причастия.

77

Согласно православной традиции женщины входить в алтарь не могут (за исключением специально оговоренных случаев).

Входить в алтарь во время коронации станут также императрицы Елизавета Петровна и Екатерина Алексеевна.

79

Елизавета Екатерина Христина (1718–1746), в крещении Анна Леопольдовна, – дочь герцога Мекленбург-Шверинского Карла-Леопольда и Екатерины Ивановны, дочери Иоанна Алексеевича (брата Петра Великого). С 3 июля 1739 г. замужем за Антоном Ульрихом, принцем Брауншвейг-Беверн-Люнебургским.

80

Елизавета Петровна (1709–1761) – российская императрица, дочь Петра Великого.

В 1743 г. последовал проект Указа о запрещении ввоза книг из-за границы (за этим следила цензура Синода). На первый план вышли такие деятели Церкви, как ревнитель православия Амвросий Юшкевич (1690–1745), перу которого принадлежали сочинения, направленные против засилья немцев в России в два предшествовавших царствия. На архиерейские посты стали выдвигаться также исконно русские монахи.

Цесаревнами считались также дочери Иоанна Алексеевича (покойного брата Петра) Екатерина, Анна и Прасковья, а великой княжной – сестра Петра Наталья Алексеевна.

В годы ее правления вышел в свет исправленный славянский перевод Священного Писания (1752), который был роздан по всем петербургским храмам и поступил в свободную продажу. При ней же (в 1757 г.) состоялось первое в столице причисление к лику святых Димитрия Ростовского.

84

См.: *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трех томах. Т. 1. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. – С. 11.

Предполагалось, что юную цесаревну сосватают за ее ровесника – потомка Бурбонов, французского короля Людовика XV.

86

Завещание императрицы Екатерины I от 1727 г. предусматривало возможность вступления на престол Елизаветы после Петра II и Анны Петровны, но после кончины Петра завещание было забыто.

87

Петр III Федорович (имя при рождении Карл Петр Ульрих) (1728–1762) – сын старшей дочери Петра I Анны и герцога Голштинского Карла-Фридриха. В 1742 г. был призван в Россию императрицей Елизаветой Петровной, его теткой, и объявлен наследником престола. С 1761 по 1762 г. – российский император.

88

См.: *Глинский Б. Б.* Царские дети и их наставники: Исторические очерки для юношества. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – С. 131. *Далее – Глинский Б. Б.*

89

Симон (Тодорский) (1700/1701-1754) – епископ Греко-Российской Кафолической Церкви.

Глинский Б. Б. С. 137.

91

На другой же день после кончин императрицы Елизаветы Петровны во всех церквях России на ектеньях молились «о Благочестивейшей великой государыне нашей императрице Екатерине Алексеевне и о благоверном государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче». См.: *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. – СПб., 1901. – С. 16. Далее – *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый.

Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 17.

Там же. С. 17.

Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 17.

95

Камер-фурьерский журнал от 1762 года, 22 февраля. С. 41.

См.: Русский Двор в 1761 году // Русская старина. – СПб., 1878. – Кн. 10. – С. 195.

Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 20.

За эту заслугу государыне Дмитрий Сеченов вскоре был возведен в сан митрополита Новгородского и Великолуцкого.

99

По традиции членов императорской фамилии с 1715 г. погребали в Петропавловском соборе. См.: *Гендриков В. Б., Сенько С. Е.* Петропавловский собор – усыпальница императорского дома Романовых. – СПб.: Лики России, 2004.

100

София Фредерика Августа Анхальт-Цербстская (1729–1796) – российская императрица Екатерина Алексеевна (1762–1796).

101

Глинский Б. Б. С. 145.

102

См.: *Грот Я. К.* Воспитание Катерины II // Древняя и новая Россия. – 1875. – Т. 1. – № 2. – С. 115.

103

Глинский Б. Б. С. 152.

Там же. С. 152–153.

105

Глинский Б. Б. С. 153.

106

Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 году // Россия XVIII века глазами иностранцев. – Л., 1989. – С. 264. *Далее – Рюльер К. К.*

107

Рюльер К. К. С. 295.

Там же. С. 295–296.

109

См.: *Знаменский П.* Чтения из Истории Русской церкви за время царствования Екатерины II // Православный собеседник. – 1875. – Ч. I. – С. 9.

110

Грот Я. К. Екатерина II в переписке с Гриммом. – СПб.: Типография АН, 1884. – С. 64. *Далее – Грот Я. К.*

111

См.: Записки императрицы Екатерины Второй. – Ставрополь: Орбита, 1989.

Поселянин Е. Русская церковь и русские подвижники XVIII века. – СПб., 1905. – С. 102.

113

Екатерина II по рассказу современника-немца // Русский архив. – 1911. – Кн. 2. – Вып. 7. – С. 331.

См.: *Ибнеева Г. В.* Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства. Дисс… д-ра ист. наук. – Казань, 2007.

115

Павел I Петрович (1754–1801) – император Всероссийский с 1796 г.

116

Цит. по: *Хорватова Е. В.* Русский Гамлет. Павел I, отвергнутый император. (Серия: Сюрпризы истории). – М.: АСТ-Пресс книга, 2011. – С. 2.

Вернадский Г. В. Начертание русской истории. – СПб.: Лань, 2000.

Морошкин М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II до нашего времени. – СПб., 1867–1870. Ч. 1–2. Далее – *Морошкин М.; Знаменский И.* Положение духовенства при Екатерине II и Павле I. – СПб., 1880.

119

Лабзин А. История ордена святого Иоанна Иерусалимского. – СПб., 1799.

Зарин Я. С. 96.

121

Платон (Левшин) (Петр Георгиевич Данилов, 1737–1812) – митрополит, автор первого по времени систематического курса русской церковной истории «Краткая Церковная Российская История» в 2 ч. – М., 1802.

122

Обращение «владыко» относится к представителям высшей иерархии Русской Православной Церкви, начиная с сана епископа; обращение «отец» относится ко всем остальным рукоположенным клирикам, начиная с сана дьякона.

Приведем лишь некоторые из них: *Дмитриев Д. С.* Платон, митрополит Московский и его обитель. – М., 1898; *Четыркин Ф. В.* Платон, митрополит Московский. 2-е изд. – СПб., 1899; *Надеждин А.* Митрополит московский Платон как проповедник. – Казань, 1893; *Н. П. Розанов.* Московский митрополит Платон (1737–1812 гг.). – СПб., 1913. Далее – *Розанов Н. П.*

124

См.: *Беляев А. А.* Хозяйственная деятельность митрополита Платона. – М., 1899.

125

Горский М. Русский Златоуст // Русский паломник. – 1912. – № 49.

Беляев А. А. Митрополит Платон как строитель национальной духовной школы. – М.: Сергиев Посад, 1913.

127

Статью о Платоне (Левшине) как проповеднике при Российском императорском дворе см.: Электронный ресурс: *Elise Kimerling Wirtschafter*. Religion and Enlightenment In Eighteenth-Century Russia. Father Platon at the Court of Catherine II // SEER, Vol. 88, Nos. V2, January/ April 2010, pp. 180–203 // http:// alpha.as.huji.ac.il/. Далее — *Кимерлинг Виртшафтер Э.*

128

Первая по времени подробная биография Платона (Левшина) была опубликована в кн.: *Снегирев И. М.* Начертание жития митрополита Платона. – М., 1831. См. также: *Платон (Левшин), митрополит* // Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцова. Т. XIV. – СПб., 1905. – С. 49–54. *Далее – РБС.*

129

См.: Автобиография Платона, митрополита Московского / Предисл. и примеч. прот. С. К. Смирнова. – М., 1887. – С. 25–26. Далее – *Автобиография Платона.*

130

Петров День – праздник святых апостолов Петра и Павла, по старому стилю 29 июня. Интересно заметить, что день его тезоименитого святого совпадает с Днем ангела императора Павла I.

131

См.: Всеподданнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании Его Императорского Высочества, государя великого князя Павла Петровича. Записка графа Н. И. Панина. 1760 г. / Сообщил Т. А. Сосновский // Русская старина. – 1882. – Т. 35. – № 11. – С. 313–320. *Далее – Панин Н. И.*

Панин Н. И. С. 317.

133

Полное название сочинения «Инструкция обергофмейстеру при Его Императорском Высочестве государе великом князе Павле Петровиче, господину генералу-поручику, камергеру и кавалеру Никите Ивановичу Панину».

134

Наставление императрицы Елизаветы Петровны графу Н. И. Панину о воспитании великого князя Павла Петровича // Русский архив. – М., 1881. – Кн. 1. Далее – Наставления графу Панину.

135

Наставления графу Панину. С. 18.

136

В Троице-Сергиевой лавре молодой царевич Петр Алексеевич нашел убежище во время Стрелецкого бунта. Когда императрица Елизавета Петровна взошла на престол, она дала обет, что по приезду в Москву всегда будет возобновлять это событие. Этот обычай посещения Троице-Сергиевой лавры переняла и Екатерина II.

137

Снегирев И. М. Жизнь московского митрополита Платона. – М., 1891. Ч. 1. – С. 39. *Далее – Снегирев И. М.*

Автобиография Платона. С. 26.

139

Розанов Н. П. С. 77.

140

Платон (*Левшин*), митрополит Московский. Из глубины воззвах к тебе, Господи. – М.: Паломник; Русский двор, 1996. – С. 22.

141

Камер-фурьерский журнал за 1763 год. С. 223.

Примерно то же правило практикуют католики, у которых первое причастие (оно же таинство конфирмации) формально совпадает с началом сознательного возраста, то есть в 7–9 лет.

143

Бывший деревянный Зимний дворец, спроектированный архитектором Растрелли (1754–1755), располагался на углу реки Мойки и Невского проспекта и служил в качестве временной императорской резиденции.

144

«1000 рублей жалование, 300 рублей на стол, по штофу водки в неделю, по бутылке рейнвейну на день, меду, полпива, кислых щей, дров и свеч неоскудное число, белье столовое и посуда всякая дворцовая, да истопник и работник; а сверх того карета дворцовая с парой лошадей и с конюхом». См.: Автобиография Платона. С. 29.

145

Снегирев И. М. С. 21.

146

Православное учение или сокращенная христианская Богословия для употребления Его Императорского Высочества Пресветлейшего Всероссийского Наследника благоверного государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича, сочиненная Его Императорского Высочества учителем иеромонахом Платоном. – СПб., 1765. Далее – Катехизис.

147

Катехизис в настоящее время хранится в фондах отдела редкой книги Научной библиотеки Государственного Эрмитажа.

148

См.: Сводный каталог русской книги Гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Том И. – М., 1964. – С. 426. № 5361.

149

Катехизис. Глава II «О вере евангельской». Параграф 29 «О правительстве церковном».

150

Катехизис. С. ХХ2 об., ХХ3.

151

Там же. С. 1.

152

Катехизис. С. 6.

153

См.: *Дневник митрополита Платона* // Из бумаг митрополита Платона. – М., 1882. – С. 84. *Далее – Дневник митрополита Платона.*

Катехизис. С. 3–4.

155

Там же.

156

Дневник митрополита Платона. С. 57.

157

Там же. С. 58.

158

Катехизис. С. 29–38.

159

Дневник митрополита Платона. С. 60.

160

Катехизис. С. 61

161

Там же. С. 60–61.

162

К внутреннему почитанию относятся любовь, страх, прославление имени Бога, благодарение за Его благодеяния, признание своей немощи и бедности, призыв к помощи. Внешнее поклонение – это чтение молитв, коленопреклонение, воздыхание и слезы при исповедании, хождение в храм, исполнение всех таинств и образов Церкви. См.: Катехизис. С. 15–16.

163

Катехизис. С. 17–18.

Дневник митрополита Платона. С. 57.

165

Катехизис. С. 41.

Там же. С. 80–82.

167

Там же. С. 82.

Там же.

169

Катехизис. С. 83–87.

170

Дневник митрополита Платона. С. 79.

171

Катехизис. С. 45–49.

Там же. С. 87.

173

Дневник митрополита Платона. С. 68.

Там же.

175

Там же. С. 69.

176

Дневник митрополита Платона. С. 73.

177

Там же. С. 69.

Там же.

179

Катехизис. С. 107–145.

180

Дневник митрополита Платона. С. 70.

181

Там же.

Там же.

183

Дневник митрополита Платона. С. 61.

Автобиография Платона. С. 30.

185

Дневник митрополита Платона. С. 71.

Там же. С. 80.

187

Дневник митрополита Платона. С. 71.

Розанов Н. П. С. 70.

189

Катехизис. С. XXXЗ.

В частности, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев неоднократно в своих отчетах писал императору Александру III о недопустимо поверхностном религиозном образовании народа. См.: Всеподданнейший Отчет обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода К. Победоносцева по Ведомству Православного Исповедания за 1884 год. – СПб., 1886.

191

Виноградов В. П. Платон и Филарет – митрополиты московские (сравнительная характеристика их нравственного облика). – Сергиев Посад, 1913. – С. 12. *Далее – Виноградов В. П.*

Виноградов В. П. С. 12.

193

Розанов Н. П. С. 78.

Полное собрание сочинений Платона (Левшина), митрополита московского. Т. I. – СПб., 1913. – С. 17. Далее – ПСС.

195

ПСС. Т. I. С. 17.

Там же. С. 19.

197

РБС. С. 50–51.

198

Письма митрополита Платона (Левшина) к императрице Екатерине Великой и к императору Александру Павловичу // Русский архив. – М., 1910. – Кн. II. – С. 323–332. *Далее – РА. Письма Платона.*

199

Современники отмечали, что без отца Федора Дубянского не обходилось ни одно событие при дворе, и даже, по воспоминаниям Екатерины II, когда у нее родился сын, духовник императрицы нарек имя ребенку – Павел. См.: *Божерянов И. Н.* С. 39.

Пол Бушкович отмечал, что выпускники Киево-Могилянской академии были более образованны, чем представители русского духовенства. Например, царь Алексей Михайлович привез из Украины выдающихся богословов Симеона Полоцкого и Епифания Славинецкого, которые жили там до самой своей смерти. См.: *Bushkovich P.* The Clergy at the Russian Court, 1689–1796. P. 120 11 Monarchy and Religion: The Transformation of Royal Culture In Eighteenth-Century Europe / Edited by: Michael Schaich. Oxford, Oxford University Press, 2006. Далее – *Monarchy and Religion.*

201

Кимерлинг Виртшафтер Э. С. 184–196.

РА. Письма Платона. С. 323.

203

РА. Письма Екатерины II. С. 20–21.

Например, есть такие записи: «Пожалован в московские архиереи», «Дана Панагия от государыни», «Дана мантия бархатная», «Дано 1000 рублей в Лавре от государыни» и т. д. См.: *Розанов Н. П.* С. 71.

205

Например, Платон выдвинул в программе обучения на первый план изучение греческого языка в духовных учебных заведениях, что положило начало вытеснению латинского, связанного обычно с католическим влиянием. См.: *Виноградов В. П.* С. 319.

РБС.С.52.

207

Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. С. 207.

Виноградов В. П. С. 36.

209

Там же.

Там же. С. 37.

211

Продолжение поучительных слов при высочайшем Дворе Ее Императорского Величества Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийской, сказанных Его Императорского Высочества учителем иеромонахом Платоном. – СПб., 1765. – С. 5.

Виноградов В. П. С. 38.

213

Там же. С. 39.

В связи с этим можно вспомнить закон о секуляризации церковных владений от 26.02.1764, а также расправу над церковной оппозицией в лице митрополита Арсения Мацеевича. См.: *Федоров В. А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. – М.: Русская панорама, 2003. – С. 163–169. *Далее – Федоров В. А.*

215

Версия о том, что императрица Екатерина Алексеевна, не будучи истинно верующей, все же сделала религиозные обряды необходимым атрибутом своего правления, встречается во многих исторических сочинениях. См.: *Ибнеева Г. В.* Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства. Дисс… д-ра ист. наук. – Казань, 2007; Simon Dixon. Catherine the Great. – London, Profile Books, 2008 и др.

Розанов Н. П. С. 71.

217

См.: Письма митрополита Платона к высшим особам / Предисл. и примеч. С. Д. Муратова. – М., 1895. – С. 7–8.

Розанов Н. П. С. 77.

219

Пятое продолжение поучительных слов при Высочайшем Дворе Ее Императорского Величества Благочестивейшей великия государыни Екатерины Алексеевны, самодержице Всероссийской, сказанных Его Императорского Высочества учителем богословия Свято-Троицкие Сергиевой Лавры архимандритом Платоном. – М., 1767. – С. 26. Далее – Поучительные слова.

220

Поучительные слова. С. 26.

Там же. С. 32–40.

См.: *Золотницкий П.* Вольнодумство Русского Общества // Странник. – 1903. – Сентябрь. – С. 483. Цит. по: Иеромонах Платон (Лобанков). Святительские труды высокопреосвященного Платона (Левшина), митрополита Московского (кандидатское сочинение). – Троице-Сергиева лавра, г. Загорск, 1963–1964.

223

Дневник митрополита Платона. С. 28.

Подробнее см.: *Кимерлинг Виртшафтер Э.* С. 184–196.

225

Ежов Н. О церковно-религиозном образовании в России в XVIII веке // Странник. – 1896. – Ч. I. – С. 239.

Морошкин М. С. 265.

227

Митрополит Платон. Полное собрание сочинений в 20 т. Т. V. – М., 1780. – С. 204.

Тихомиров А. А. Монархическая государственность. – СПб.: Российский имперский союз-орден, 1992. – С. 448.

229

См.: *Каратыгин П. П.* Светлые минуты императора Павла. 1796–1801 // Исторический вестник. – 1886. – Т. 26. – № 10. – С. 124. *Далее – Каратыгин П. П.*

Чулков Г. И. Императоры: психологические портреты. – М.: Московский рабочий, 1991. – С. 22.

231

Семена Порошина Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престолу Российского. – СПб., 1844. – С. 124. Запись от 21 октября 1765 года. *Далее – Порошин С. А.*

Порошин С. А. С. 124.

233

Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. – Москва, Augsburg, 2001 // Электронный ресурс: http://www.imwerden.de. – С. 41. *Далее – Щербатов М. М.*

Щербатов М. М. С. 41.

235

Император Павел I был женат дважды. Первая жена Наталья Алексеевна (с 1773 по 1775 г.) (урожденная принцесса Августа-Вильгельмина-Луиза Гессен-Дармштадтская) умерла при родах.

236

Августа-Вильгельмина-Луиза Гессен-Дармштадтская (1755–1776), в православии Наталья Алексеевна, – первая жена великого князя Павла Петровича.

237

РА. Письма Платона. С. 323.

238

София-Мария-Доротея-Августа-Луиза Вюртембергская (1759–1828), в православии Мария Федоровна, – российская императрица (1796–1801), вдовствующая императрица (1801–1828). Мать императоров Александра I и Николая I.

239

Донесение императрице Екатерине II с отзывом о невесте цесаревича Павла Петровича, принцессе Вюртембергской (Марии Федоровне). ОР РНБ, Ф. 73. Ед. хр. № 219. Л. 1.

240

См.: Письма Екатерины Второй к ее сватье Гессен-Дармштадтской графине Каролине // Русский архив. – 1878. – Кн. 4. – С. 385. *Далее – РА. Письма Екатерины Второй к ее сватье.*

241

Цит. по: *Валишевский Казимир.* Екатерина Великая (Роман императрицы) // Электронный ресурс: http://www.litres.ru/kazimir-valishevskiy/ ekaterina-velikaya-roman-imperatricy/ (дата обращения: 27.05.2013).

242

РА. Письма Екатерины Второй к ее сватье. С. 397–398.

243

Существует версия, что императрица Екатерина Алексеевна, дабы утешить своего сына, переживающего смерть супруги, показала ему любовную переписку великой княгини Натальи Алексеевны с графом Андреем Кирилловичем Разумовским.

244

См.: *Шумигорский Е.* Инструкция Великого Князя Павла Петровича Великой Княгине Марии Федоровне (1776 г.) // Русская старина. – СПб., 1898. – Т. 93. – Кн. II. – С. 247–261. *Далее – РС. Шумигорский Е.*

245

Там же. С. 252.

Там же.

247

См.: Письма цесаревича Павла Петровича к московскому митрополиту Платону // Русский архив. – М., 1887. – Кн. 2. – С. 5–48,162–170, 273–288. *Далее – РА. Письма цесаревича Павла Петровича.*

Там же. С. 7.

Там же. С. 9.

Там же. С. 17.

251

РА. Письма цесаревича Павла Петровича. С. 13.

Там же. С. 27.

253

Там же. С. 168.

Там же. С. 275.

255

В семье Романовых существовала версия о том, что Павел I, появившийся на свет через 10 лет после свадьбы своих родителей, был сыном фаворита Екатерины II Сергея Васильевича Салтыкова. См.: *Хорватова Е. В.* С. 227. Если принять условие, что Павел I – законный наследник, то он был представителем Голштинской фамилии и был связан с династией Романовых по женской линии через мать своего отца Анну Петровну, дочь Петра Великого.

Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 343.

Цит. по: *Хорватова Е. В.* С. 228.

Каратыгин П. П. С. 122.

259

Цит. по: *Хорватова Е. В.* С. 231.

260

О коронациях подробнее см.: *Жмакин В. И.* Коронации русских императоров и императриц. 1724–1856 // Русская старина. – 1883. – Т. 37; *Воздвиженский В.* Священное коронование и венчание на царство русских государей с древнейших времен и до наших дней. – СПб., М., 1856; *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. – М., 1987. – С. 205–207.

261

О коронации Павла I см.: Камер-фурьерский журнал, апрель–июнь 1797 г.

Первым сделал такую попытку Р. Уортман. См.: *Wortman R. S.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony In Russian Monarchy. V. I. From Peter the Great to the Death of Nicolas I. – Princeton (N.Y.), 1995.

263

Манифест от 18.12.1796. См.: Полный Свод Законов Российской империи, 1-е собр. – СПб., 1830. Т. 24. № 17659. *Далее – ПСЗ РИ.*

264

Чин действия каким образом быть имеет Всевысочайшее Его Императорского Величества Коронование по церковному чиноположению. – СПб., 1797.

265

Начертание Торжественного Обряда Высочайшего вшествия в царствующий град Москву и Священнейшего коронования Его Императорского Величества Всепресветлейшего Государя Императора Павла Петровича Самодержца Всероссийского.

266

См.: Дело о священном Короновании Государя Императора Павла Петровича в Москве // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 473. On. 1. Ед. хр. 163. Далее – РГИА. Дело о короновании.

РГИА. Дело о короновании. Л. 3.

Успенский собор Московского Кремля – сакральный центр России. По аналогии можно привести в качестве примера собор Святого Петра в Ватикане (Рим), Аахенский собор в Германии, где короновались правители Священной Римской империи, или Реймсский собор, где короновались французские короли.

269

См.: Царский храм. Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры / Отв. ред. А. К. Левыкин. – М., 2008.

270

Корона – особый драгоценный головной убор монарха, символизирует высшую светскую и духовную власть по аналогии с лавровым венком Победителя и терновым венцом Спасителя. Скипетр – древний атрибут жреца, в христианстве символизирует посох Высшего Пастыря своих подданных. Держава – атрибут власти, символ господства над миром, так как изображается в виде глобуса или земного шара с крестом наверху.

271

См.: Историческое описание всех коронаций российский царей, императоров и императриц / Сост. И. Токмаков. – М., 1896. – С. 100.

Порфира – пурпурная мантия, подбитая горностаевым мехом. Символ монаршей власти.

273

Далматик – одежда древних византийских царей.

Успенский Б. А. Царь и патриарх. Школа «Языки русской культуры». – М., 1998. – С. 176.

275

Безбородко Александр Андреевич (1747–1799) – государственный канцлер, светлейший князь.

276

Первая императорская коронация состоялась в мае 1724 г., когда была коронована Петром Великим его супруга Екатерина I как будущая императрица России.

277

Миропомазание – одно из десяти таинств Русской Православной Церкви. Оно совершается один раз над мирянином в день его крещения либо над лицом, принадлежащим иной христианской конфессии, в знак перехода в православную веру.

См.: Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича. – СПб., 1882. – С. 31–36.

Цит. по: *Розанов Н. П.* – С. 79.

ПСЗ РИ, собр. 1-е. – СПб., 1830. Т. 24. № 17910.

281

ПСЗ РИ, собр. 1-е. – СПб., 1830. Т. 24. № 17906.

282

См.: *Клочков М. В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. – СПб., 1907; *Милютин Д. А.* История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. – СПб., 1857; *Сергеев Н.* Черты из жизни императора Павла I. – СПб., 1870; *Тальберг Н. Д.* Павел I: Очерки истории Императорской России. – М., 2000.

283

Изучение исторической эпохи по архивам началось лишь с середины XIX в., при этом многие из историков были дилетантами. Среди них М. И. Семевский, Е. С. Шумигорский, Н. К. Шильдер, П. И. Бартенев и др.

См.: Мероприятия, касающиеся религиозной политики Павла I // РГИА. Ф. 796. Оп. 77–82.

Подробнее см.: Monarchy and Religion.

Dixon S. Religious Ritual at the Eighteenth-Century Russian Court // Monarchy and Religion. P. 217.

ПСЗ РИ, 1-е собр. – СПб., 1830. Т. 24. № 17624.

Вдовы теперь имели преимущество занимать свободные места в монастырских и архиерейских богадельнях.

Федоров В. А. С. 169–171.

290

Состоялось три раздела Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией – в 1772, 1793 и 1795 г.

291

Федоров В. А. С. 169.

Эйдельман Н. Я. Грань веков: политическая борьба в России, конец XVIII – начало XIX столетия. – М.: Мысль, 1982. – С. 79.

293

Орден иезуитов был запрещен в 1773 г. Папой Климентом XIV.

294

Свобода вероисповедания предоставлялась всем иностранцам, проживающим в России, по указу Петра Великого с 1702 г. Но свобода вероисповедания для иностранцев не означала признания равноправия вер. Категорически запрещалась пропаганда своей религии в России. Каралось совращение православных в иную веру, но всячески поощрялся переход в православие. Правление Павла I не было исключением. См.: *Федоров В. А.* С. 153.

295

Послание апостола Павла к Колоссянам, глава 3 (ст. 10–11), и та же мысль звучит в послании апостола Павла к Галатам, глава 3 (ст. 27–28).

ПСЗ РИ, собр. 1-е. – СПб., 1830. Т. 24. № 17909.

Несколько позже были изданы указы, запрещающие продавать крестьян и дворовых людей с аукциона, а также запрещающие продавать крестьян без земли и раздроблять крестьянские семьи. Кроме того, впервые присягу новому императору крепостные приносили наряду с остальными сословиями, что указывало на то, что они прежде всего подданные своего императора, а уж затем барина.

См.: *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерина II. Т. 1–2. – СПб., 1881–1901.

299

См.: Реабилитация Павла 1-го // Газета «Речь», № 244 от 10.09.1916. – С. 3. – ОР РНБ, Ф. 585 (Платонов); ед. хр. № 6871.

300

См.: Павел I. Указ об освобождении попавших под наказание, заточение и ссылку по случаю бывших в Польше замешательств. 1796.

301

См.: *Кобеко Д. Ф.* Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). – СПб., 1882.

Каратыгин П. П. С. 123.

303

См.: *Хоруженко О. И.* Дворянские дипломы XVIII века в России. – М.: Наука, 1999. – С. 116.

«Добрые и последние наставления Екатерины II Павлу I, найденные между бумагами императрицы российской после ее смерти» // ОР РНБ. Ф. 178. Ед. хр. 79. *Далее – Наставления Павлу I.*

305

Наставления Павлу I. Л. 1 об.

Там же. Л. 2 об.

Там же. Л. 3.

Наставления Павлу I. Л. 4.

309

Письма государыни императрицы Марии Федоровны к двум младшим ее сыновьям (1814–1816) с введением, объяснением и примечаниями барона М. А. Корфа // Русский архив. – 1868. – Кн. 3. – С. 370. *Далее – РА. Письма императрицы Марии.*

РА. Письма императрицы Марии. С. 371.

311

См.: *Костин Б.* Ведомство императрицы Марии // Согласие. – 1993. – № 504. – С. 15–21; Шумигорский Е. С. Ведомство учреждений императрицы Марии (1797–1897). – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1897.

РА. Письма императрицы Марии. С. 284–285.

313

Письма цесаревича Павла Петровича к его законоучителю Платону // Русский архив. – М., 1887. – Кн. 7. – С. 287. *Далее – РА. Письма цесаревича Павла Петровича.*

РА. Письма цесаревича Павла Петровича. С. 288.

315

См. *Шепелев Л. Е.* Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. – СПб.: Искусство-СПБ, 2007. – С. 10.

316

См.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. II. – СПб., 1847. – С. 1.Далее – *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый.

Там же. С. 7.

318

См.: *Пыпин А. Н.* Религиозные движения при Александре I / Предисл. и примеч. Н. К. Пиксанова. – Пг., 1916; *Пыпин А. Н.* Очерки общественного движения при Александре I. – СПб., 2001 и др.

319

См.: *Томсинов В. А.* Судьба реформатора, или Жизнь Сперанского. – М., 2003; *Кондаков Ю. Е.* Личность и государственная деятельность князя А. Н. Голицына // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. – СПб., 1997.

См.: *Любимов А. Д.* Тайна императора Александра I. – Париж, 1938; *Барятинский В. В.* Царственный мистик. – СПб., 1912; *Тинина З. П.* Самодержавие и Русская Православная Церковь в первой четверти XIX в. – Волгоград, 1999 и др.

321

См.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. С. 1–2. Два последующих этапа с 1810 по 1816 г. автор характеризует как прошедшие под эгидой борьбы с войском Наполеона, с 1816 по 1825 г. – в борьбе за сохранение устойчивого порядка в Европе.

322

См.: *Карновин Е. П.* Архимандрит Фотий, настоятель новгородского Юрьева монастыря. 1792–1838 // Русская старина. – 1875. – Февраль. – С. 301.

323

Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. – М., 1900. – С. 666.

Биографию священника А. А. Самборского см.: Самборский Андрей Афанасьевич // РБС. Том XVIII. – СПб., 1904. – С. 147–155.

325

Напомним, что первые русские пенсионеры-художники были отправлены в Англию для обучения лишь в 1773 г.

326

Протоиерей А. А. Самборский – законоучитель императора Александра I / Священник Н. Стеллецкий. – Киев, 1896. – С. 5. *Далее – Стеллецкий Н.*

327

Стеллецкий Н. С. 6.

Стеллецкий Н. С. 7–8.

329

В этом государыня призналась английскому посланнику Джеймсу Харрису. См.: *Тимирязев В. А.* Русские дипломаты XVIII столетия в Англии // Исторический вестник. – 1898. – Т. LXXII. – С. 243.

Письма Екатерины II к Гримму // Сборник Русского исторического общества. Т. 23. – СПб., 1878. – С. 339.

Этими обстоятельствами можно объяснить, почему на портретах кисти Б. Уэста (и Р. Бромптона) русские великие князья облачены по подобию и вступают в намеренно равный диалог с наследными английскими принцами.

Воронцова-Дашкова Е. Р. Записки // Русская старина. – СПб., 1896. – Т. 9. – № 3. – С. 459.

333

См.: *Новиков Н. И.* Смеющийся Демокрит. – М.: Советская Россия, 1985. – С. 53–54.

334

См.: РГАДА, Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 383.

335

См.: *Андреева Г. Б.* «Что видит Альбион, увидит то Нева…». О русско-британских художественных связях XVIII–XIX вв. // Незабываемая Россия. Русские и Россия глазами британцев XVII–XIX вв. – Каталог выставки. – М.: Трилистник, 1997. – С. 16–31. *Далее – Андреева Г. Б.*

Цит. по: *Андреева Г. Б.* С. 16.

337

Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 5. – Саратов, 1894. – С. 332–333.

Марасинова Е. К., Каждан Т П. Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX века. Общественно-культурная среда. – М., 1998. – Т. 1. – С. 324.

Хорошилова Т. Е. Джентльмен из Нежина, или Кто был первым англоманом в России // Мир истории. – 1999. – № 5 // Электронный ресурс: http://www.historia.ru/1999/05/angloman.htm

См.: *Солодянкина О.* Иностранные гувернантки и их роль в формировании усадебной культуры // «Недаром помнит вся Россия…» – Череповец, 2003. – С. 6 // Электронный ресурс: www.booksite.ru/ usadba_ne w/world/16_3_01.htm

ПСЗ РИ. – СПб., 1834. Ст. 1, 63,185.

342

Цит. по: РА. Письма цесаревича Павла Петровича. С. 26.

343

Парадный портрет А. А. Самборского (1790-е гг.) кисти В. Л. Боровиковского с вышеозначенной наградой, хранящийся в ГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва), инв. № ГМП, 1729.

Стеллецкий Н. С. 9.

Позже А. А. Самборский стал законоучителем великих княжон Александры, Елены, Марии.

Стеллецкий Н. С. 11.

347

См.: Англофилия у Трона. Британцы и русские в век Екатерины II. – Каталог выставки / Сост. Энтони Кросс. Британский Совет. – 1992. – С. 37–39.

Грот Я. К. С. 264.

349

Грот Я. К. А. А. Самборский – законоучитель императора Александра I // Русский вестник. – СПб., 1889. – Т. 200. – № 1. – С. 260.

На курс этой академии заметно влияли западноевропейские богословские традиции, например Фомы Аквинского и других известных католических богословов, не только методологией, но и содержанием. Например, в известной книге «Камень веры» Стефана Яворского, сочинении в защиту православия против протестантизма, стержнем являлись католические схемы ведения полемики.

Вишневский Д. С. 211.

Морошкин М. Ч. 2. С. 20.

353

Гравюра: А. А. Самборский, пашущий землю, работы Иоганна (Ивана) Нейдля. Собрание ГЭ.

354

См.: Описание практического английского земледелия, собранное из разных английских писателей А. А. Самборским, протоиереем, находящимся при Российском посольстве в Лондоне, изданным под смотрением профессора Семена Десницкого в Москве, в университетской типографии у Н. Новикова. 1781.

355

Квакеры – члены христианской общины, основанной в Англии в XVII в. Они отвергали священство и таинства. Настольной книгой квакеры считали Священное Писание и верили в то, что «истинный свет Христов» находится в каждом отдельном человеке и потому можно познавать Бога посредством личного духовного опыта.

Цит. по: *Грот Я. К.* С. 261.

Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного Союза. Т. 1. – СПб., 1886. – С. 12.

358

Письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру I // Русский архив. – М., 1911. – Кн. I. – С. 151. Далее – Письма Марии Федоровны.

359

Письма Марии Федоровны. С. 151.

360

Письма Марии Федоровны. С. 152.

361

Письма Марии Федоровны. С. 152.

362

Иконоборческий период – религиозно-политическое движение в византийской истории (VIII – начало IX в.), направленное на разрушение украшения храмов и икон как символов идолопоклонства.

363

С частности, в работах византийского монаха Федора Студита (VIII–IX вв.), а также византийского философа и поэта Иоанна Дамаскина (VIII в.), написанных против иконоборчества, часто звучит мысль, что «красота спасет мир», позже повторенная великим русским писателем Ф. М. Достоевским.

Грот Я. К. С. 263.

365

Письма протоиерея А. А. Самборского к императору Александру I и князю А. Н. Голицыну (1806–1810) / Под ред. В. И. Жмакина. – СПб., 1894. – С. 16.

См.: *Сушков Н. В.* Квакеры в С.-Петербурге // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М.: Университетская типография, 1867. Кн. 1.

367

Движение внутри лютеранства, которое характеризуется приданием особой значимости личному благочестию, внутренним религиозным переживаниям верующего, личному познанию и «ощущению живого Бога».

Цит. по: *Грот Я. К.* С. 261.

369

Магницкий М. Л. Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного статского советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании // Сборник исторических материалов, извлеченных из архивов I Отделения с.е.и.в.к. – СПб., 1876. – Вып. 1. – С. 363. Цит. по: Минаков А. Идеология самодержавия. Воззрения русских консерваторов первой четверти XIX века // Электронный ресурс: http:// www.voskres.ru/idea/ minakov/htm (дата обращения: 01.12.2013).

См.: *Уманец Ф. М.* Александр I и русская партия в Польше // Исторический вестник. – СПб., 1883. – Т. XIV. – С. 6–7.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. – М., 2002. – С. 142.

См.: *Де Сталь А.-Л. Ж.* Десять лет в изгнании. – М., 2003. – С. 71.

373

Луиза Мария Августа Баденская (1779–1826) – российская императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I Павловича.

Памяти Императрицы Елизаветы Алексеевны // Сын Отечества. – 1826. – Ч. 107. – № 12 от 15 июня.

375

«О заведениях, состоящих под высочайшим покровительством покойной Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны», которую составил Н. М. Лонгинов.

Цит. по: Вклад представителей Дома Романовых в благотворительную деятельность симбирского общества начала XIX века: императрица Елизавета Алексеевна // Электронный ресурс: http://www. ulzapovednik.ru/publications/publication/detail.php?ID=11842 (дата обращения: 07.07.2014).

377

Биографию Г. П. Павского см.: *Павский Г. П.* Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцова. Т. XIII. – СПб., 1904. – С. 103–109. *Далее – РБС; Барсов Н. И.* Прот. Герасим Петрович Павский (очерк его жизни по новым материалам) 1787–1863 // Русская старина. – 1880. – Т. 27. – Кн. 1–4; Т. 28. – Кн. 1–2. *Далее – Барсов Н. И.* Здесь же помещена автобиография Г. П. Павского. Личный архив Г. П. Павского находится в ОР РНБ, ф. 557.

378

Экзегетика – раздел богословия, в котором изучаются библейские тексты.

Герасим Петрович Павский владел немецким, польским, чешским, арабским, халдейским, греческим, древнееврейским языками, латынью и санскритом. См.: Родосский А. В. Протоиерей Герасим Павский: Богословие versus филология // Электронный ресурс: http://www.orthodox. spbu.ru/p-k.htm (дата обращения: 13.01.2014).

380

Гебраистика – совокупность филологических дисциплин, занимающихся изучением древнееврейского языка и письменности.

381

Цит. по: Из уроков по Закону Божию наследнику цесаревичу Александру Николаевичу (императору Александру II) протоиерея Г. П. Павского. – СПб., 1887. – С. 4. *Далее – Из уроков по Закону Божию.*

382

По другим сведениям, в 1813 г. См.: *Протоиерей Герасим Петрович Павский (некролог)* // Православное обозрение. – М., 1863. – Т. X. – С. 242–244. Но эта дата неверна, так как именно в 1814 г. состоялся первый выпуск реформированной в 1809 г. Санкт-Петербургской духовной академии.

383

См.: Храм святых апостолов Петра и Павла при Санкт-Петербургском государственном университете. – СПб. – С. 4. *Далее – Храм святых апостолов.*

384

Никитенко Александр Васильевич (1804–1877) – историк литературы, цензор, профессор Петербургского университета, действительный член Академии наук.

385

См.: Павский Герасим Петрович // Электронный ресурс: http:// drevo-info.ru/articles/2319/html (дата обращения: 06.02.2014).

386

РГИА. Ф. 818. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1.

О религиозной составляющей личности императора Николая I см.: *Фирсов С. Л.* Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету // Электронный ресурс: http://mospat.ru/church-and-time/519 (дата обращения: 30.06.2014).

388

Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования // Николай I. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. Кн. 1. (Серия «Государственные деятели России глазами современников»). – СПб.: Пушкинский фонд, 2008. – С. 70. *Далее – Корф М. А.* Материалы.

389

См.: *Шатобриан Ф.-Р. де.* Замогильные записки / Пер. с фр. О. Э. Гринберг и В. А. Мильчиной. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1993. – С. 207. *Далее – Шатобриан.*

390

Цит. по: Франсуа-Гене Шатобриан публикует книгу: Гений христианства // Электронный ресурс: http://vikent.ru/enc/1405/ (дата обращения: 09.04.2014).

391

Шатобриан. С. 5–7.

Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. – Л., 1978. Т. 7. – С. 342.

Шатобриан. С. 207.

Корф М. А. Материалы. С. 70.

395

Годы учения Его Императорского Высочества наследника цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего государя императора. Глава VIII. Мысли законоучителя, протоиерея Герасима Петровича Павского о религиозном учении и воспитании Его Императорского Высочества государя Великого Князя наследника Цесаревича Александра Николаевича, изложенные в 1826 году // Сборник Русского исторического общества. Т. XXX. – СПб., 1880 г. – С. 61–68. *Далее – Сборник РИО, т. XXX.* Часть своих размышлений и наставлений Г. П. Павский опубликовал в журнале «Христианское чтение».

396

Из уроков по Закону Божию. С. 4–5. См. также: *Павский Г. П.* Письмо о постепенностях в уроках религии. – СПб., 1875.

397

Сборник РИО, т. XXX. С. 66.

398

См.: *Павский Г. П.* Письмо о постепенностях в уроках религии. – СПб., 1875. – С. 3.

399

Агиография – жизнеописания святых.

400

См.: Беседы протоиерея Г. Павского с наследником // Сборник РИО, т. XXX. – С. 73–95. Эти беседы были доставлены в редакцию сборника священником профессором духовной академии Н. Барсовым.

401

Сведения были сообщены редакции протопресвитером В. Б. Бажановым. См.: Сборник РИО, т. XXX. С. 103.

402

См.: 1) Библейские древности для разумения Священного Писания: Лекции, читанные наследнику цесаревичу Александру Николаевичу в 1830–1834 гг. доктором богословия протоиереем Герасимом Петровичем Павским / Предисл. проф. Н. Барсов. – СПб., 1884. – Прил. к журналу «Семейные вечера»; 2) Из уроков по Закону Божию наследнику цесаревичу Александру Николаевичу. – СПб., 1897; 3) История и истолкование литургии // Христианское чтение. – 1830. – Ч. 38. С. 51–54; 4) Павский Г. И. Христианское учение в краткой системе: с объяснительными статьями. – СПб., 1909.

403

Дневник А. С. Пушкина. 1834 год // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. – СПб.: Пушкинский фонд, 1995. – С. 78.

404

См.: Беседа законоучителя с Его Императорским Высочеством государем Великим Князем Наследником, цесаревичем в день Его рождения, при вступлении в совершенные лета // Сборник РИО, т. XXX. С. 95–101.

405

Сборник РИО, т. XXX. С. 96.

«Золотое правило нравственности» лежит в основе всех религий авраамических и дхармических, а также конфуцианства и античной философии.

407

Сборник РИО, т. XXX. С. 100.

Там же. С. 101.

409

Подробнее об этом конфликте см.: *Сулоцкий А. Г.* П. Павский и митрополит Филарет // Русская старина. – СПб., 1881. – Т. XXXI. – С. 479–486. *Далее – Сулоцкий А.*

См.: *Г. П. Павский, прот.* Христианское учение в краткой системе. – СПб., 1902. *Далее – Христианское учение в краткой системе.*

411

Христианское учение в краткой системе. С. 97.

412

Цит. по: Переписка Павского. С. 310.

413

Филарет (Василий Михайлович Дроздов, 1782–1867) – епископ православной церкви; с 1826 г. митрополит Московский и Коломенский.

См.: Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета. Т. 2. – СПб., 1835. – С. 343–358.

415

См.: ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 1 (архив В. А. Жуковского). Павский Г П., прот. Первые понятия о христианском учении (История Церкви). Конспекты лекций для наследника (1826–1830). Далее – Первые понятия о христианском учении.

416

Первые понятия о христианском учении. Л. 1 об.

417

Концепция «оправдания верой» являлась центральной доктриной в учении католического монаха Мартина Лютера и его последователей. Этот постулат звучал многократно и в проповедях Лютера, и в его трудах. См., например, Von der Freiheit eines Christen menschen. В этом сочинении Лютер утверждал, что христианин получает спасение не через делание «добрых дел», а благодаря своей вере в Бога и милости Всевышнего. Это высказывание имело далеко идущие последствия, так как если спасение не зависит от деяний человека и его молитв, а напрямую является плодом взаимоотношений человека с Богом, то и посредничество Церкви и ее священнослужителей не нужно. Таким образом, в Западной Европе в XVI в. началось движение Реформации, или Протестантизма.

418

Первые понятия о христианском учении. Л. 2.

419

Павский Г. П. Беседа законоучителя с Его Императорским Высочеством государем цесаревичем наследником в день его рождения при вступлении в совершенные лета. – СПб., 1838; Библейские древности для разумения Священного Писания: Лекции, читанные наследнику цесаревичу Александру Николаевичу в 1830–1834 гг. доктором богословия протоиереем Герасимом Петровичем Павским / Предисл. проф. Н. Барсов. – СПб., 1884. – Прил. к журналу «Семейные вечера»; *Павский Г. П.* Из уроков по Закону Божию наследнику цесаревичу Александру Николаевичу – СПб., 1897; *Павский Г. П.* История и истолкование литургии // Христианское чтение. – 1830. Ч. 38. – С. 51–54; *Павский Г. П.* Письмо о постепенности в уроках религии. – СПб., 1875; *Павский Г. П.* Христианское учение в краткой системе: с объяснительными статьями. – СПб., 1909.

420

Цит. по: *Тихомиров Б. А.* Протоиерей Герасим Петрович Павский: жизненный путь; богословская и ученая деятельность // Электронный ресурс: http://www.km.ru/referats (дата обращения: 25.12.2013). *Далее – Тихомиров Б. А.*

421

См.: Священник Протопопов С. В. Протоиерей Герасим Петрович Павский. Биографический очерк. – СПб., 1876. – С. 31.

Сулоцкий А. С. 480.

Там же. С. 480.

424

Имелся в виду Петербургский митрополит Серафим (Глаголевский).

425

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. VIII. – М.; Л., 1951. – С. 56.

426

См.: Переписка В. А. Жуковского с законоучителем покойного государя протоиереем Павским (1834–1835) о преподавании богословия наследнику цесаревичу с послесловием М. С. Боголюбского // Русский архив. – 1887. – № 2. – Кн. 7. – С. 311. *Далее – Переписка В. А. Жуковского с Павским.*

427

Переписка В. А. Жуковского с Павским. С. 311.

Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетелем в жизни был. Записки и Дневник (1804–1877). Т. I. – СПб., 1905. – С. 166.

429

Переписка В. А. Жуковского с Павским. С. 311.

430

Имеется в виду Катехизис, сочиненный архиепископом Филаретом (Дроздовым) и впервые изданный в 1823 г. Позже он был многократно переиздан, в том числе и на иностранных языках.

Барсов Н. И. С. 706, 707.

См.: *Загарин П. (Поливанов)*. В. А. Жуковский и его произведения. – СПб., 1883. – С. 458.

433

Септуагинта (букв. – перевод семидесяти старцев) – собрание переводов Ветхого Завета с древнееврейского языка на греческий, выполненный в Александрии в III–II вв. до н. э. Септуагинта стала каноном Священного Писания, и с нее были выполнены впоследствии переводы на другие языки, в том числе и на церковнославянский.

Документы Синодального расследования переводов Библии находятся в РГИА. Ф. 796. Оп. 205. ДД. 192–213.

435

См.: *Чистович И. А.* Протоиерей Г. П. Павский. Некролог. – СПб., 1863. – С. 1. Далее – *Чистович И. А.*

Цит. по: Храм святых апостолов. С. 3.

Переписка А. Н. Оленина с Павским // Сообщ. Н. И. Стояновским. – СПб., 1877.

438

Цит. по: РБС. С. 106. Это же письмо было опубликовано в некрологе журнала «Дух христианина» за июнь 1863 г.

439

Цит. по: Орлов Александр, прот. Протоиерей Герасим Петрович Павский // Дух христианина. – СПб., 1862–1863. – Июнь. – С. 208–228.

Цит. по: «Библиологический словарь» священника Александра Меня в трех томах. – СПб., 2002 // Электронный ресурс: http:// krotov.info/spravki/history_bio/19_bio/1863pavs.html (дата обращения: 25.12.2013).

441

Из уроков по Закону Божию. С. 3.

Храм святых апостолов. С. 3.

443

Храм святых апостолов. С. 3.

Чистович И. А. С. 1.

Погодин М. Н. Напоминание о Павском // Русский архив. – М., 1870. – № 10. – С. 1947–1951. Далее – Погодины. Н.

Перечень трудов Г. П. Павского см. также: Вольский А. Павский Герасим Петрович // Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцова. – СПб., 1902. – С. 108; *Родосский А. С.* Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов С.-Петербургской духовной академии: 1814–1869. – СПб., 1907. – С. 348–349; *Г. Флоровский, прот.* Пути русского богословия. – Париж, 1937. – С. 544. Следует отметить, что часть трудов Г. П. Павского была опубликована посмертно.

Отец Герасим в 1826 г. остался вдовцом с двумя малолетними дочерями на руках. В 1850 г. умерла его старшая дочь, оставив двух сыновей – внуков Павского.

Погодин М. Н. С. 1950.

Там же. С. 1951.

Цит. по: *Тихомиров Б. А.* С. 113.

451

См.: Автобиография протопресвитера В. Б. Бажанова // Исторический вестник. – 1883. – № 12. – С. 556–564. *Далее – Автобиография Бажанова*; Бажанов Василий Борисович // РБС. Т. II. – СПб., 1900. – С. 402–403. *Далее – РБС. Т II., 1900.* Послужной список и биография В. Б. Бажанова опубликованы также в брошюре «Пятидесятилетний юбилей духовника Их Императорских Величеств, члена Святейшего Синода, господина главного священника войск гвардии и гренадер, протопресвитера Василия Борисовича Бажанова». – СПб., 1873.

Например, его имени нет в книге «Христианство и новая русская литература» (СПб.: Наука, 2002), в первом издании антологии «Молитвы русских поэтов. XI–XIX вв.» (М.: Вече, 2010). На этот факт указал В. И. Калугин в своей статье «Духовник трех императоров (Биографический очерк)» // Электронный ресурс: http://www.portal-slovo. ru/history/45243.php. Далее – Калугин В. И.

453

РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Ед. хр. 968. Дело Александро-Невского монастыря. Об определении В. Б. Бажанова в 1827 г. законоучителем.

454

РГИА. Ф. 524. Оп. 1 (Канцелярия императрицы Александры Федоровны). Д. 390. Л. 135. Формулярный список В. Б. Бажанова.

455

Речь к воспитанникам 1-й Петербургской гимназии, окончившим курс учения, говоренная при Публичном акте декабря 15 дня 1834 года законоучителем священником Василием Бажановым. – СПб., 1834. – С. 3.

456

Речь к воспитанникам Санкт-Петербургского Благородного пансиона, окончившим курс учения, говоренная при Публичном испытании законоучителем их, священником Императорского Санкт-Петербургского университета магистром Василием Бажановым июля 25 дня 1828 года. – СПб., 1828. – С. 4.

Автобиография Бажанова. С. 559.

458

РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Ед. хр. № 215. Личное дело священника В. Б. Бажанова (духовника). Л. 2 об. – 3. Далее – РГИА. Личное дело Бажанова. См. также: РГИА. Ф. 524. Оп. 1. Ед. хр. 390. Дело о награждении учителей Их Высочеств 1830 года. Формулярный список «О службе духовника Их Императорских Величеств обер-священника Главного штаба и гвардии и гренадерских корпусов, протопресвитера Василия Борисовича Бажанова» от 7 декабря 1849 года. Л. 133–143.

459

РГИА. Личное дело Бажанова. Л. 3.

Там же. Л. 3 об. – 4.

461

Там же. Л. 3 об. – 4.

462

Ольга Николаевна, великая княжна. Сон юности. Воспоминания // Николай I, муж, отец, император. – М.: Слово, 2000. – С. 258. *Далее – Сон юности.*

463

Сон юности. С. 285.

РГИА. Личное дело Бажанова. Л. 8.

Автобиография Бажанова. С. 563.

466

РГИА. Ф. 797. Оп. 18. Ед. хр. 41680. О пожаловании о. Бажанова духовником их императорских величеств, 1848. См. также: РГИА. Личное дело Бажанова. Л. 5 об. – 6.

Автобиография Бажанова. С. 564.

РГИА. Личное дело Бажанова. Л. 5 об. – 6.

469

Там же. Л. 5 об. – 6.

Там же.

471

Там же. Л. 6 об. – 7.

Там же. Л. 5 об. – 6.

Там же. Л. 6 об. – 7.

Цит. по: *Тютчева А. Ф.* Письма к т-11е Граней // Николай I, муж, отец, император / Сост. Н. Азарова. – М.: Слово, 2000. – С. 539.

475

Цит. по: *Жерихина Е. И.* Протопресвитер придворного духовенства отец В. Б. Бажанов // В тени августейших особ. Непарадная жизнь императорских резиденций. Материалы научной конференции. – СПб., 2012. – С. 85. Далее – *Жерихина Е. И.*

476

В честь восшествия императора на престол 26 августа 1856 г. В. Б. Бажанов был награжден наперсным крестом, орденом Святого Александра Невского, а спустя три года – бриллиантовыми знаками ордена. См.: РБС. Т. II, 1900. С. 403.

477

Николай Александрович (8 (20) сентября 1843 – 12 (24) апреля 1865) – великий князь, старший сын императора Александра II.

Бажанов В. Б. Об обязанности Государя. – СПб., 1839. Далее – Об обязанности Государя.

Там же. С. 1.

Об обязанности Государя. С. 4.

481

Там же. С. 10.

Об обязанности Государя. С. 7.

Там же. С. 5.

Бажанов В. Б. С. 12.

Цит. по: *Калугин В. И.*

Милютин Д. А. Дневник. В 4 т. Т. 4. – М.: Б-ка им. В. И. Ленина, 1950. – С. 58.

487

См.: *Александра Толстая.* Печальный эпизод из моей жизни при Дворе. Записки фрейлины (Наталия Литвинова) (Аудиокнига) [2010, MP3,128 kbps].

Жерихина Е. И. С. 86.

Там же. С. 88.

Автобиография Бажанова. С. 557.

Жерихина Е. И. С. 85.

492

Толмачев И. В. Памяти протопресвитера В. Б. Бажанова. – СПб., 1873. – С 7.

См.: *Янышев Иоанн Леонтьевич* // Электронный ресурс: http://www.rulex.ru/01320108.htm (дата обращения: 25.01.2013).

494

См.: Библиотека СПб ДА. *Сахарчук Н. Н.* Протопресвитер И. Л. Янышев и его система по нравственному богословию // Рукопись курсового сочинения. – Новороссийск, 1962. – С. 3. *Далее – Сахарчук Н. Н.*

495

См.: *Пономарев А. И.* О протопресвитере И. Л. Янышеве. – СПб., 1910. – С. 9. *Далее – Пономарев А. И.*

Бронзов А. А. Протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев. – СПб., 1911. – С. 16. *Далее – Бронзов А. А.*

Там же. С. 15.

Там же. С. 16–17.

499

L-летний юбилей духовника Их Императорских Величеств протопресвитера И. Л. Янышева. – СПб., 1900. – С. 53.

Например, одна из статей И. Л. Янышева, опубликованная в журнале «Христианское чтение» (I) за 1861 г., была озаглавлена «Несколько слов о современном состоянии протестантской Германии на основании свидетельств об этом самих протестантов».

501

См.: *Яньшев И. Л.* Точно ли вероучение англо-американской церкви есть кафолическое православное вероучение (С отзывом англо-американского богослова по вопросу о взаимообщении между православной и англо-американской церквями). – СПб., 1891. – С. 3.

502

Старокатоличество – религиозное движение, возникшее в Западной Европе в среде католиков, не согласных с постановлениями Первого Ватиканского собора (1870), на котором был принят ряд новых догматов: о непогрешимости Римского Папы, непорочном зачатии Девы Марии и т. д.

503

В 1874 г. И. Л. Янышев был призван к участию в Боннской конференции по вопросам старокатоличества в качестве официального представителя Греко-Российской Кафолической церкви; в 1893 г. принимал деятельное участие в работах Комиссии по старокатоличеству в России; в 1897 г. – в Роттердамской Комиссии по вопросу о соединении старокатоликов с православием. См.: Журнал «Церковный вестник», № 38–39 за 1897 г.

После смерти протопресвитера Василия Бажанова с 1883 по 1910 г. отец Иоанн был духовником императорской фамилии, а также занимал должность заведующего придворным духовенством и получил сан протопресвитера Большого собора Зимнего дворца и Благовещенского собора в Кремле.

505

Платонов О. А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. – М.: Алгоритм, 2005. – С. 11.

506

См.: *Бронзов А.* Что сделал для нравственного богословия протопресвитер И. Л. Янышев // Церковный вестник. – 1900. – № 40. – Стб. 1274–1279.

507

Сахарчук Н. Н. С. 27.

Ближайшая к этому времени богословская система ректора Московской духовной академии Феофилакта Лопатинского (с 1706 по 1810 г.) представляла собой смешение нравственного и догматического богословия.

509

Основные догматы Православной Церкви: учение о Пресвятой Троице; о грехопадении и об искуплении человечества от греха; о Воплощении, Воскрешении и Вознесении Господа нашего Иисуса Христа; о Втором Пришествии Спасителя и Страшном Суде: о единстве, соборности Церкви и преемстве в ней учения и священства; о всеобщем воскресении людей и будущей жизни; о двух естествах Спасителя – божественном и человеческом; о двух волях и действиях в Господе Иисусе Христе; об иконопочитании.

510

См.: *Янышев Иоанн Леонтьевич* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. ХЫа. – СПб., 1890–1907. – С. 696–697.

511

Пономарев А., прот. Протопресвитер И. Л. Янышев как проповедник // L-летний юбилей духовника Их Императорских Величеств протопресвитера Иоанна Леонтьевича Янышева (9 октября 1850 г. – 9 октября 1900 г.). – СПб., 1900. – С. 20. *Далее – Пономарев А.*

Пономарев А. С. 19.

513

Там же. С. 20–21.

514

Имеется в виду Римская империя времен упадка (IV–V вв). См.: Пономарев А. С. 21.

515

Пономарев А. С. 20.

Там же. С. 21.

517

Цит. по: *Сахарнук Н. Н.* С. 53.

Там же. С. 53.

519

Там же. С. 57.

См.: *Радциг Е. С.* Николай II в воспоминаниях приближенных // Новая и новейшая история. – 1999. – № 2. – С. 134–146.

521

См.: Церковный вестник. – 1881. – № 10.

522

18 мая 1896 г. во время народных гуляний по случаю коронации императора Николая Александровича было объявлено народу, что состоится раздача подарков. В результате при движении народа к столам с подарками возникла давка, и, согласно официальным сведениям, приведенным министром юстиции Н. В. Муравьевым, общее число жертв составило 2690 человек, из коих умерших 1389. См.: ЦГИАМ. Ф. 540. Он. 1. Д. 720. – Л. 7 об.

523

Кривенко Василий Силович (1854–1931) – писатель, общественный деятель; с 1881 г. перешел на службу в Министерство императорского двора, одно время управлял канцелярией министра.

524

Цит. по: *Зимин И.* Повседневная жизнь Российского Императорского Двора. Вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир Императорских резиденций. – М.: Центрполиграф, 2010. – С. 458.

525

Тареев Михаил Михайлович (1867–1934) – профессор по кафедре нравственного богословия Псковской и Рижской семинарий.

526

Тареев М. М. Протопресвитер И. Л. Янышев как моралист // Богословский вестник. – Сергиев Посад, 1910. – Т. II (июль-август). – С. 505.

Пономарев Александр Иванович – профессор Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре теории и истории литературы; магистр богословия.

528

Памяти о. протопресвитера И. Л. Янышева / Речь профессора А. И. Пономарева. – СПб., 1910. – С. 9.

529

Соллертинский Сергей Александрович (1846–1920) – профессор Санкт-Петербургской духовной академии. С 1899 г. – доктор богословия.

530

Соллертинский С. А. Памяти протопресвитера И. Л. Янышева. – СПб., 1910. – С. 1.

531

Архангельский Н. П. Задача содержания и план системы при воспитании христианского нравоучения. – Симбирск, 1894. – С. 149.

532

Первым из богословов, кто был награжден этим самым значимым в Российской империи светским орденом, был законоучитель императора Павла I митрополит Московский Платон (Левшин).

533

О религиозном обучении невест наследников российского престола см.: *Евтушенко М. М.* Православное воспитание немецких принцесс. Очерки придворной жизни Российского императорского дома. – Saarbrücken (Germany): Lap Lambert Academic Publlishing, 2014. – 78 с.

Грот Я. К. С. 45.

535

Имя София было общим и для немецкого полного имени императрицы Екатерины Алексеевны, и для немецкого полного имени невесты наследника Павла Петровича.

Грот Я. К. С. 45.

537

Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина (1798–1860) – российская императрица Александра Федоровна.

538

Воспоминания императрицы Александры Федоровны с 1817 по 1820 г. // Александр Второй. Воспоминания. Дневники. – СПб.: Пушкинский фонд, 1995. – С. 40. *Далее – Воспоминания императрицы Александры Федоровны.*

539

Воспоминания императрицы Александры Федоровны. С. 40.

Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария, принцесса Гессен-Дармштадская (1824–1880) – в православии Мария Александровна, императрица России с 1855 по 1880 г.

541

РГИА. Личное дело Бажанова. Л. 4 об. – 5.

Там же. Л. 6 об. – 7.

543

РГИА. Ф. 797. Оп. 10. Д. 27169. О назначении отца Бажанова законоучителем принцессы Марии Дармштадской. РГИА. Ф. 516. On. 1 (52/2047). Ед. хр. 17. Камер-фурьерский журнал «О миропомазании Ее Высочества Принцессы Марии Гессен-Дармштадской, об обручении и бракосочетании Его Имп. Высочества Государя наследника цесаревича с Ее Высочеством великою княжною Марией Александровной», Л. 1–5.

Бажанов В. Б. Две речи к Ея Высочеству принцессе Марии Гессен-Дармштадской, высоконареченной невесте Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Николаевича, произнесенные придворным протоиереем В. Бажановым (Сии речи произнесены на немецком языке). – СПб., 1840. *Далее – Бажанов В. Б.* Две речи; *Бажанов В. Б.* Речь к Ее Императорскому Высочеству Государыне Великой Княгине Марии Александровне в канун бракосочетания с Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем и Великим Князем Александром Николаевичем, произнесенная на немецком языке придворным протоиереем В. Бажановым 15 апреля 1841 года. – СПб., 1841. *Далее – Бажанов В. Б. Речь.*

Бажанов В. Б. Две речи. С. 9.

Бажанов В. Б. Две речи. С. 4.

Там же. С. 5.

Бажанов В. Б. Речь. С. 1.

549

В Священном Писании брак признается таинством (Еф. V. 30, 32).

550

Воспоминания императрицы Александры Федоровны. С. 41.

551

Бажанов В. Б. Две речи. С. 4.

552

РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 7.

553

Там же. Л. 1.

554

РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 1 об.

555

Там же.

Там же.

557

РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 3.

Там же.

559

Там же.

Там же. Л. 3 об.

561

Митрополит имел в виду свое собственное сочинение «Пространный православный катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви», подготовленное им в 1822–1823 гг. и впоследствии изданное в Санкт-Петербурге в 1823 г.

562

РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 5, 5 об.

563

Мария София Фредерика Дагмар фон Шлезвиг-Голштейн-Зонденбург-Глюксбург (1847–1928) – датская принцесса; впоследствии жена императора Александра III с 1866 г., мать императора Николая II (1868 г.), российская императрица с 1881 г.; вдовствующая императрица с 1896 г.

564

Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадская (1872–1918) – российская императрица Александра Федоровна, жена императора Николая II Александровича.

565

Александр Александрович (1845–1894) – великий князь, второй сын в то время цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II) и цесаревны Марии Александровны.

См.: Дневники императора Николая II. Т. I, 1894–1904 // Электронный ресурс: http://romanbook.ru/book/8382204/ (дата обращения: 25.05.2013).

Цит. по: Святая Императрица-Мученица Александра Федоровна // Электронный ресурс: http://pravoslavnyi.ru/new_site/component/ content/article/50-molitvy-i-akafisty-novomuchenikam-ispovednikam-xx-v/289-aleksandra-imperatricza-muchenicza (дата обращения: 07.07.2014).

См.: *Муравьев А.* Письма о православии. – Киев, 1871. – С. 6.

Так, например, третий сын императора Александра II, великий князь Владимир Александрович, в 1874 г. женился на дочери Великого герцога Фридриха-Франца II принцессе Мекленбург-Шверинской Марии Александрине Элизабете Элеоноре, будущей великой княгине Марии Павловне. Она не стала менять веру и сохранила свое протестантское исповедание вплоть до 1908 г. Старшая сестра императрицы Александры Федоровны Элла, будущая великая княгиня Елизавета Федоровна, также сочеталась браком с великим князем Сергеем Александровичем в 1884 г., сохранив лютеранское исповедание до 1891 г.

Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М.: Захаров, 2004. С. 10.

Там же. С. 53.

Там же. С. 34.

Там же. С. 172.

Там же. С. 175.

Там же. С. 176.

Там же. С. 49.

Там же. С. 18.

Максимова А. Б. Елизавета Федоровна // Православная энциклопедия. Т. XVIII. – М., 2009. – С. 389–399.

Карамзин Н. М. С. 36.

580

Воспоминания великой княгини Марии Павловны. С. 10.